

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
"Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова"

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – "Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки")

Выходит 6 раз в год

ВЕСТНИК

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баяева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
А.Г. Лошаков,
А.А. Мёдова, Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал,
Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
Е.В. Угрюмова (отв. секретарь),
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чуудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
"Гуманитарные и социальные науки"

Т. 22,
№ 4 / 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Калюжная О.В.** Проекты борьбы с крестьянским пьянством в Российской империи в начале XX века..... 5
Лукьянов В.Ю. Международные отношения начала XXI века. Тенденции и перспективы..... 16
Верченкова В.В. Торжество Свободы: национальный праздник в честь возвращения Тулона (1793 год)..... 28

ЛИНГВИСТИКА

- Архипова И.В.** Актуализация таксисных ситуаций, локализованных/нелокализованных во времени (на материале немецких высказываний с предложными девербатами)..... 37
Мухин С.В., Ефремова Д.А. Клише в проповеди Вульфстана *Sermo lupi ad anglos* как явление фразеологии..... 46
Черновская М.С. Инклюзивный язык в художественном переводе (на материале переводов романа А. Кристи «Десять негрят»)..... 57

ФИЛОСОФИЯ

- Иваненко А.И.** Семиотические аспекты афганских татуировок..... 67
Пигалев А.И. Метафора призрака в философии Жака Деррида..... 77
Мазалова Н.Е. Петербург – «самый умышленный город на свете» в контексте современной петербургской мифологии..... 88
Мишагин П.А. Аналитическая постановка проблемы свободы в контексте социально-правовой аргументации..... 97
Тетенков Н.Б. «Тайна» псевдонимов Кьеркегора..... 106
Артеменков А.А. Ноцефализация современного человека в условиях техногенно-городской среды..... 113

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор
А.В. Крюкова

Ведущий редактор
И.В. Кузнецова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17,
ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 21.09.2022.
Бумага писчая. Формат 84×108 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15,86. Уч.-изд. л. 13,94.
Тираж 1000 экз. Заказ № 5058.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2022

Димитрова С.В., Кальдинова Г.П., Кярева М.А. Гуманитарное знание в современном мире..... 123

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Котцова Е.Е., Попова Л.В., Марьянчик В.А. Из истории кафедры русского языка и речевой культуры САФУ (к 90-летию высшего педагогического образования в Архангельске)..... 134

НЕКРОЛОГ

Голдин В.И. Памяти учителя: Владислав Дмитриевич Иванов (1929–2022)..... 144

Наши рецензенты..... 147

К сведению авторов..... 149

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

VESTNIK

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
A.G. Loshakov,
A.A. Medova, J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
E.V. Ugryumova (Executive Secretary),
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchiptsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 22,
No. 4 / 2022

CONTENTS

HISTORY

Kalyuzhnaya O.V. Projects Against Peasant Drunkenness in the Russian Empire in the Early 20th Century.....	5
Luk'yanov V.Yu. International Relations in the Early 21st Century: Trends and Prospects.....	16
Verchenkova V.V. The Triumph of Freedom: A National Holiday in Honour of the Retaking of Toulon (1793).....	28

LINGUISTICS

Arkhipova I.V. Actualization of Taxis Situations Localized/ Non-Localized in Time (Based on German Utterances with Prepositional Deverbatives).....	37
Mukhin S.V., Efremova D.A. Clichés in Wulfstan's <i>Sermo lupi ad anglos</i> as a Phraseological Phenomenon.....	46
Chernovskaya M.S. Inclusive Language in Literary Translation (Based on Translations of A. Christie's Novel <i>And Then There Were None</i>).....	57

PHILOSOPHY

Ivanenko A.I. Semiotic Aspects of Afghan Tattoos.....	67
Pigalev A.I. Metaphor of the Spectre in Jacques Derrida's Philosophy.....	77
Mazalova N.E. "Petersburg Is the Most Intentional Town in the World" in the Context of Contemporary Petersburg Mythology.....	88
Mishagin P.A. Analytical Formulation of the Problem of Freedom in the Context of a Socio-Legal Argumentation.....	97
Tetenkov N.B. The "Mystery" of Kierkegaard's Pseudonyms.....	106
Artemenkov A.A. Noocephalization of the Modern Human in the Anthropogenic Urban Environment.....	113

CONTENTS

Editors

A.V. Kryukova,
M.G. Averina

Managing Editor

I.V. Kuznetsova

Translator

S.V. Biryukova

Document Manager

E.V. Orel

Make-up by

O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of Russian reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of science have to be published

Publisher's address:

nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:

nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 21.09.2022.

Writing paper. Format 84x108 1/16.

Conv. printer's sh. 15.86.

Acad. publ. sh. 13.94.

Circulation 1000 copies. Order no. 5058.

Printer's address:

NArFU Publishing House named after V.N. Bulatov
ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2022

Dimitrova S.V., Kal'dinova G.P., Kyarova M.A. Humanities Knowledge in the Modern World..... 123

ACADEMIC LIFE

Kottsova E.E., Popova L.V., Maryanchik V.A. From the History of the Department of the Russian Language and Speech Culture, NArFU (to the 90th Anniversary of Higher Teacher Education in Arkhangelsk)..... 134

OBITUARIES

Goldin V.I. In Memory of a Teacher: Vladislav D. Ivanov (1929–2022) 144

Our Peer-Reviewers..... 147

Information for Authors..... 149

*КАЛЮЖНАЯ Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России. Автор 30 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9167-6652>

ПРОЕКТЫ БОРЬБЫ С КРЕСТЬЯНСКИМ ПЬЯНСТВОМ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В данной статье исследуются проекты борьбы с крестьянским пьянством, обсуждавшиеся в местных комитетах Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902–1903 годы. Рассматривается отношение участников комитетов к пьянству как социальной, экономической и медицинской проблеме. Выделяются факторы, обозначенные членами комитетов как провоцирующие крестьянское пьянство: винная монополия (которая привела к увеличению нелегальной торговли), большое количество праздников, традиции распития спиртных напитков в связи с общественно значимыми событиями. Анализируются выделенные участниками местных комитетов основные негативные явления крестьянской жизни, вызванные пьянством: экономический упадок, падение нравственности, рост преступности, а также увеличение количества заболеваний (прежде всего психических). Обозреваются основные проекты борьбы с пьянством, которые обсуждались в уездных и губернских комитетах. Предложенные в комитетах проекты можно условно сгруппировать по следующим направлениям: меры по вытеснению водки менее крепкими спиртными напитками (в частности пивом); меры по ограничению употребления и реализации водки (запрет на продажу в праздники и во время общественно значимых событий, а также полный запрет на производство и продажу); ужесточение наказаний в отношении пьяниц; меры просветительского характера. Однако в реальности принятые комитетами решения были менее жесткими и выдвигали на первое место мероприятия по сокращению употребления спиртных напитков на улице, ограничение мест и времени продажи водки, а также духовно-нравственное просвещение крестьян учителями и представителями духовенства.

Ключевые слова: борьба с пьянством, винная монополия, водка, крестьянство, крестьянская повседневность, пьянство.

*Адрес: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67е; e-mail: kalyuzhka@list.ru

Для цитирования: Калюжная О.В. Проекты борьбы с крестьянским пьянством в Российской империи в начале XX века // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. № 4. С. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V197

Пьянство как социальная проблема было заметным явлением в крестьянской жизни России рубежа XIX–XX веков. Вместе с тем особенностью данной проблемы является ее присутствие в российской повседневной деятельности на протяжении длительного временного отрезка, включающего наши дни. В связи с этим обращение к опыту борьбы с пьянством представляет важную историографическую и общественно-политическую задачу. Основным аспектом изучения данного опыта является рассмотрение проектов, направленных на уменьшение/ликвидацию пьянства, которые были предложены различными акторами общественно-политической жизни России, поскольку в них нашли свое отражение концепции понимания этого явления (пьянство как медицинская проблема, пьянство как фактор развития преступности, пьянство как показатель нравственного и духовного упадка деревни и т. д.), а также представления об эффективности тех или иных мер воздействия.

Одним из наиболее ценных и при этом не введенных в рамках исследования «пьяного вопроса» источников, в которых нашли свое отражение представления и проекты борьбы с крестьянским пьянством в начале XX века, являются труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которые работали в 1902–1903 годах под руководством уездных предводителей дворянства и губернаторов соответственно при участии представителей земства, местной администрации, а также приглашенных лиц (в числе которых были землевладельцы, земские служащие, реже – священнослужители и крестьяне). Сам вопрос о мерах борьбы с пьянством не входил в непосредственный круг проблем, предложенных для обязательного обсуждения комитетам, однако во многих из них был поднят факультативно.

Отметим, что к настоящему времени в отечественной историографии имеется целый ряд исследований, посвященных борьбе с пьянством в России на рубеже XIX–XX веков. Условно их можно разделить на несколько групп. В первую из них входят работы общего характера, посвященные вопросам политики правительства,

нацеленной на борьбу с пьянством в условиях винной монополии, часть из которых вышла еще в досоветский период [1–5]. Вторая группа представляет собой труды, отражающие деятельность обществ трезвости, православных братств и иных организаций по борьбе с пьянством [6–9]. Третью группу образуют статьи о формировании антиалкогольного законодательства в рамках деятельности Государственной думы [10–12].

Также добавим, что о пьянстве как социальной проблеме говорится и в трудах зарубежных исследователей [13–16]. При этом ни в российской, ни в зарубежной историографии проекты борьбы с пьянством, предложенные местными комитетами Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, не нашли своего отражения.

В периодической печати конца XIX века отмечался катастрофический масштаб проблемы: «Весна у нас – сезон пьянства, когда, не смотря на материальный недостаток во всем необходимом, выпивается самое большое количество водки, когда наши винолюбцы пьют не сороковками или полштофами, а прямо ведрами, ведрами до края, или, как говорится, пьют без меры и без края...» [17].

Употребление большого количества водки, по сообщениям корреспондентов провинциальных газет, было связано с традициями «обмывания» сделок и вообще любых общественно значимых событий, включая передел земли и выборы должностных лиц, а также с многочисленными праздниками: «Первая пирушка была на Успенье, – и на этот раз, зная, ввиду хорошего нынешнего урожая, православные так кутнули, что в глазах их луна заметалась по небу, словно ее и в самом деле черт с руки на руку перекидывал, а земля восколебалась под ногами у них до такой степени, словно тут землетрясение случилось» [17; 18].

Великолукский и Опочечкий уездные и Оренбургский губернский комитеты называли пьянство, наряду с недостатком образования, малоземельем и правовой обособленностью крестьян, одной из главных причин упадка

сельскохозяйственной промышленности в России [19, с. 114, 132; 20, с. 94]. Наглядной иллюстрацией этого явления были многочисленные народные поговорки и пословицы: «Неделю приготавливаемся, по три дня опохмеляемся, день-два на боку валяемся, а потом уж за работу принимаемся», «Дела на полтину, а могоарычей на рубль», «Работа денежку копит, хмель денежку топит», «Вино полюбил – семью разорил», «С вином поводишься, нагишом находишься» [21, с. 601–602].

Употребление значительного количества спиртного являлось социальной, экономической и медицинской проблемой. О том, что «водка – главный бич крестьянского благосостояния», говорили и сами крестьяне, опрошенные отдельными комитетами. Особо подчеркивалось, что траты на спиртное на наиболее значимых праздниках могли бы покрыть расходы крестьянина на протяжении 3–4 месяцев [19, с. 146–147]. По мнению крестьян, значительное употребление спиртного приводило к «разгулу среди молодежи», сопровождавшемуся драками и буйством [19, с. 147].

Ранее возглавлявший Опочецкую земскую уездную управу губернатор Плоцкой губернии И.А. Янович в докладе о причинах упадка сельского хозяйства говорил, что кабаки разнуздывали крестьянские нравы и довел население до того, что «крестьяне-домохозяева в местные праздники, напиваясь до потери рассудка, поли водкой не только подростков, но и грудных детей; благодаря этому среди крестьян редко кто не пьет водки, и пьют ее без отвращения женщины», в результате чего участились случаи неповиновения детей родителям, семейных неурядиц и краж [19, с. 227].

Высока была роль водки в общественной жизни крестьянства. Земский начальник П.А. Слепцов в докладе о проблемах сельского управления отмечал, что обсуждение практически любых общественных дел становится поводом к попойке в связи с распространенной практикой поднесения благодарности в виде «могоарычей», особенно после крестьянских выборов [22, с. 314]. Кроме того, по оценкам

местных землевладельцев, обычно пропивались и суммы штрафов, взимаемых в пользу крестьянских обществ [21, с. 273]. Н.И. Родзевич в докладе Рязанскому уездному комитету указывал, что водкой решались часто и различные вопросы имущественного и семейного характера на сходах [21, с. 437]. Водка, по данным отечественных исследователей, нередко царилла и в волостных судах [23, с. 136; 24, с. 147].

Местные комитеты во многом связывали пьянство с большим количеством праздников (в первую очередь церковных) в году [21, с. 272; 22, с. 388]. На заседаниях Великолуцкого комитета (Псковская губерния) отмечалось, что праздничные дни в итоге «вовсе не посвящаются Господу Богу, а скорее врагу Его Дьяволу»: местное население не работает, а «бразничает и растрчивает свои последние заработки» [19, с. 113].

Земский начальник граф С.Н. Коновницын рассматривал проблему пьянства как социальное зло, приводящее к увеличению числа преступлений и заболеваний (особенно психических), падению нравственности и работоспособности. В частности, по приведенным им данным, в конце XIX века в Казанской губернии 43 % уголовных преступлений было совершено алкоголиками, а смерть 57 % вскрытых в судебно-медицинском кабинете тел наступила в результате алкоголизма. По данным подведомственного ему участка, за 1898–1901 годы с пьянством были связаны 62 % краж имущества и 82 % случаев конокрадства [21, с. 596].

О том, что алкоголь негативно влияет на здоровье, говорили и члены Бузулукского комитета (Самарская губерния): «Потомство алкоголиков вырождается в идиотов, помешанных, неврастеников, эпилептиков и вообще в людей с неправильной организацией, отсюда целый ряд всевозможных преступлений» [25, с. 332]. Это вызывало тревогу местных комитетов и представленных в них земских деятелей.

Опочецкий комитет (Псковская губерния) объяснял увеличение пьянства винной монополией, поскольку в связи с ее появлением стало больше «тайных кабаков», хотя и с оговоркой, что «на улице шатающихся пьяных становит-

ся менее заметно» [19, с. 127]. Об этом говорили и приглашенные для участия в заседании Саратовского уездного комитета крестьяне: «Шинки теперь не редкость: через 2 двора в 3 – шинок, и торгуют водкой почти открыто; убытки от штрафов возмещают очень высокой продажной ценой на водку, так что выходит, что штрафы платят потребители вина; заключения в тюрьме не боятся, да и редко бывают случаи обнаружения тайной виноторговли...» [22, с. 552].

Комитеты не всегда предлагали в своих решениях конкретные действия. Так, Великолуцкий комитет ограничился общей формулировкой о необходимости принятия «более действенных мер» [19, с. 114]. В Рязанской губернии Скопинский комитет выступил за принятие мер по сокращению торговли вином [21, с. 625].

Вместе с тем ряд комитетов принял содержательные постановления о желательных мерах по борьбе с пьянством. Для части комитетов приоритетными считались меры воспитательно-просветительского характера. Так, Верхнеднепровский комитет (Екатеринославская губерния) решил бороться с пьянством с морально-этических позиций за счет учреждения в каждой волости обществ трезвости и надзора за нравственностью, в функции которых определялись просветительская деятельность и «публичные увещевания», а также обвинение пьяниц в суде и опека над их имуществом в случае принятия репрессивных мер [26, с. 54–55].

Во Владимирской губернии Юрьевский комитет поддержал записку землевладельца А.П. Грессера о необходимости сокращения праздников в деревне, которые сопровождаются «безбашным разгулом и пьянством», а также его пожелания об учреждении распивочных заведений в целях уменьшения уличного пьянства [27, с. 175, 184].

Большая часть комитетов в своих решениях делала акцент на вопросах регулирования продажи спиртного. В частности, комплекс мер предложил в своем заключении Бугурусланский комитет (Самарская губерния): упрощение

производства по преследованию нарушений продажи вина, усиление надзора за шинкарством, ходатайство о предоставлении права сельским обществам запрещать открытие винных лавок на их территории [25, с. 20, 302, 309].

Последняя мера была также поддержана Симферопольским комитетом (Таврическая губерния), который мотивировал это следующим образом: «фискальный интерес не может быть предпочтен перед бесспорным и безусловно полезным правом сельского общества не допускать у себя открытие питейных лавок, расстраивающих благосостояние членов его». Также комитет высказался за сокращение числа праздников и вменение в обязанность учителям и духовенству «собеседований о вреде праздности и пьянства» [28, с. 22].

Бузулукский комитет выступил за ограничение размеров порций продаж водки навывнос (не более $\frac{1}{4}$ ведра) и введение горячих закусок в тех заведениях, где спиртное продавалось для непосредственного распития на месте (в целях уменьшения вреда для здоровья), и отметил, что нужно способствовать в этих целях развитию трактиров и гостиниц и уменьшению числа кабаков (с оговоркой, что без «энергичной деятельности» правительства в этом вопросе дело уменьшения пьянства «мало подвинется вперед») [25, с. 332].

Сосницкий комитет (Черниговская губерния) постановил ужесточить наказания за незаконную торговлю водкой и ограничить продажу спиртного в те дни, на которые приходился пик пьянства: в праздники и «высокопраздничные дни», во время заседаний сельских и волостных сходов, волостных судов, рассмотрения дел у земских начальников [29, с. 391].

Схожей позиции придерживался Ямбургский комитет (Санкт-Петербургская губерния), который постановил на время заседаний волостного суда и волостных сходов закрывать винные лавки, находящиеся в радиусе 4 верст от мест проведения этих заседаний, а также разрешать открывать винные и пивные лавки только с согласия сельских обществ [30, с. 94].

Программные заключения Санкт-Петербургского губернского комитета по этому вопросу (в развитие предложений Ямбургского комитета) сводились к следующему. Во-первых, ввести разрешение на открытие винных лавок только с согласия сельских обществ. Во-вторых, упростить порядок открытия пивных лавок в целях постепенного вытеснения крепкого алкоголя. В-третьих, ограничить возможности массового распития спиртного за счет закрытия винных лавок в районе 4 верст от мест призыва новобранцев на протяжении всей сессии воинского призыва, а также за счет сокращения деревенских праздников (престольных и иных) при активной просветительской деятельности духовенства [30, с. 4].

В схожем ключе были и постановления Оренбургского губернского комитета. Они были направлены на следующие составляющие этой проблемы. Во-первых, борьба с уличным пьянством («вино, выпиваемое на улице без закуски, отравляет организм») за счет открытия при винных лавках помещений для распития купленной в них продукции с разрешением продажи там различных закусок. Во-вторых, предоставление широких прав сельским обществам по закрытию винных лавок на их территории. В-третьих, нравственное развитие и просвещение населения за счет школ и духовенства [20, с. 46–47].

Отдельно отметим решение Калужского губернского комитета, занявшего наиболее жесткую позицию в борьбе с пьянством именно с медицинской точки зрения. Руководствуясь положениями доклада председателя губернской земской управы Д.И. Ртищева о пагубном влиянии водки на «народное здравие и все потомство», грозящем физическим и нравственным вырождением деревни, комитет принял решение ходатайствовать перед правительством о полном прекращении торговли спиртом и водкой, оставив их производство исключительно в технических и медицинских целях [31, с. 10].

Суждения отдельных участников местных комитетов отличались большей вариабельностью. Например, будущий октябрист, рязанский

земский деятель Д.А. Леонов видел корень зла в винной монополии: «Пока прибыль от торговли вином является краеугольным камнем нашего государственного бюджета, нечего и думать ни об обогащении населения, ни о его оздоровлении» [21, с. 632].

Члены Харьковского уездного комитета полагали, что следует сделать ставку на покровительство пивоварению в целях постепенного вытеснения водки. В качестве примера приводились остзейские области, в которых торговавшие пивом корчмы «не были местами пьянства, а, наоборот, чем-то вроде народных клубов» [32, с. 408]. Такую же меру предлагал и И.С. Гуленко Тамбовскому уездному комитету [33, с. 379–380]. Схожий проект вытеснения водки менее крепкими напитками (настойками и наливками крепостью до 15–20°) озвучил землевладелец Я.А. Харкевич. Мотивация была следующей: во-первых, стоимость их производства дешевле водки, что позволило бы казне получить дополнительную прибыль, которую можно было бы направить на развитие народного хозяйства; во-вторых, распространение плодово-ягодных спиртных напитков будет способствовать увеличению разведения ягодных и фруктовых деревьев и кустарников в деревне, что позволит разнообразить скудный крестьянский рацион, отчего «получился бы только общий выигрыш» [34, с. 132].

Члены Опочецкого комитета отмечали, что местным властям следует более строго относиться к распитию спиртного на улице, возле винных лавок [19, с. 127]. Уже упоминавшийся нами И.А. Янович предлагал повысить стоимость спиртного [19, с. 131]. С этим были согласны и некоторые опрошенные крестьяне, хотя и признавали, что в таком случае употребление лишь незначительно сократится, а «окончательно же перестать пить едва ли заставит крестьян и самая высокая цена» [19, с. 147]. Управляющий Вельского удельного округа Р.Ф. Астафьев добавлял, что нужно не просто повысить стоимость водки, но и направить эту разницу в цене на развитие народного образования [35, с. 94].

А.В. Поваровский в своем докладе выступал за регламентацию продажи спиртного. По его мнению, следовало закрыть пивные лавки, торгующие навынос, поскольку на практике с купленными напитками крестьяне шли в чайные, «где идет пьянство, не разбирая времени». Также должна была быть остановлена торговля в винных лавках в воскресные и праздничные дни, во время ярмарок и «разных народных сборищ» [19, с. 159–160].

Оригинальный способ был указан в докладе (без указания авторства) о борьбе с пьянством в Опочецком комитете. Пьяниц планировалось снабдить именными книжками с фотографиями, в которых местные власти должны были указать индивидуальную норму употребления спиртного («зажиточному можно назначить побольше, а бедному меньше»). Продажа водки должна была происходить по предъявлению такой книжки и с обязательной отметкой торговца о дате продажи и количестве отпущенного [19, с. 161].

Рассматривая пьянство как медицинскую проблему, земский начальник граф С.Н. Коновницын предлагал признать борьбу с алкоголизмом одним из приоритетов политики правительства, учредить за счет государства сеть лечебных учреждений и колоний для алкоголиков, ввести возможность принудительного лечения (в том числе для совершивших преступления лиц, которых следовало отделить от обычных преступников), проводить просветительскую работу (в том числе чтение лекций о вреде спиртного в школах). Сам алкоголь планировалось признать сильнодействующим ядом и постепенно изымать алкогольные напитки из народного потребления. В этих целях, в частности, предлагалось поощрять производства денатуризованного спирта для использования его затем при обогревании и освещении помещений, причем степень денатурации должна была быть такой, чтобы при переработке невозможно было получить пригодный для употребления напиток. Эти меры, по его мнению, должны были в итоге снизить преступность и случаи нищенства, как непосред-

ственно связанные с пьянством [21, с. 597–598, 602–603].

Имелись и более жесткие предложения. Так, врач В.В. Зарембо призывал ходатайствовать перед правительством о полном уничтожении винокурения и изъятии из употребления вина, которое должно было выпускаться в ограниченном количестве и отпускаться только по рецепту врача [19, с. 131]. К такому же выводу пришла и соответствующая комиссия Саратовского уездного комитета [22, с. 552]. В Уфимской губернии гласный Бирского уездного земского собрания В.В. Посников, также являвшийся сторонником таких мер, предлагал и меры замещения выпадающих в этом случае доходов казны от винной монополии: «Вопроса об убытках для казны в данном случае собственно быть не может, так как вред от употребления вина ни с какими доходами сравнить нельзя; возместить же тот ущерб в доход казны, который произойдет от запрещения винокурения и продажи спиртных напитков, можно было бы наложением государственной подушной подати, общая сумма которой равнялась бы последнему доходу казны от винокурения и продажи вина» [36, с. 107].

Однако это расценивалось как исключительная мера. Даже крестьяне, бывшие сторонниками резкого сокращения продажи спиртного, отмечали, что без водки не обходится ни одно значимое событие в их жизни, и с уничтожением винокурения либо появятся тайные винокурни, либо водка будет заменена самогонем [19, с. 147].

И.А. Янович выступал за ужесточение наказаний за беспатентную торговлю водкой и ее употребление на улицах у винных лавок [19, с. 227]. К. Ануфриев предлагал Опочецкому комитету ходатайствовать о телесных наказаниях за пьянство среди молодежи, право на применение которых получили бы волостные суды [19, с. 151].

Священник А.И. Троянский в докладе Карсунскому комитету (Симбирская губерния) отмечал необходимость введения общественных работ в качестве наказания для «безработ-

ных пьяниц», а также для лиц, распивающих водку на улице и на публичных собраниях, в том числе сельских и волостных сходах [37, с. 353]. Барон В.Е. фон Менгден говорил о желательности усиления наказаний за ряд проступков (поджоги, конокрадство и т.д.), если они совершались пьяными [33, с. 198]. В докладе Воронежскому губернскому комитету землевладелец Б.Ф. Лопатинский указывал на необходимость обязательного (принудительного) переселения крестьян, уличенных в пьянстве [34, с. 50].

Земский начальник Ф.Ф. Моргенштиерн и уездный предводитель дворянства Н.Д. Юматов на заседаниях Вольского комитета (Саратовская губерния) акцентировали внимание на нравственной составляющей проблемы, доказывая, что здесь пользу может оказать духовенство со своей разъяснительной работой, а также учреждение чайных-читален в противовес винным лавкам и уменьшение числа праздников [22, с. 388, 446]. О такой возможности заявляли и сами священники, в частности в Симбирской губернии в Сызранском комитете [37, с. 507].

Таким образом, в заключение можно отметить ряд причин народного пьянства и сформировавшихся в недрах местных комитетов подходов в вопросе борьбы с крестьянским пьянством. И в черноземных, и в нечерноземных губерниях к причинам относили устоявшиеся крестьянские традиции (употребление спиртного в многочисленные праздники, а также в связи с общественно значимыми событиями – выборами должностных лиц, решениями сельских и волостных сходов и волостных судов), а также винную монополию, которая привела к широкой нелегальной торговле. Отдельной проблемой становилось отмеченное в Псковской губернии женское пьянство и спаивание детей.

Само пьянство рассматривалось с нескольких точек зрения: как медицинская проблема (приводящая к развитию различных заболеваний, прежде всего психических), проблема со-

циальная (падение нравственности, увеличение количества драк и преступлений) и проблема экономическая (трата значительной части крестьянского бюджета на спиртные напитки).

Соответственно, принятые комитетами решения условно можно разделить на меры воспитательно-просветительского характера, меры регулирования торговли спиртным и меры медицинского воздействия. Среди тех мер, которые были поддержаны и предложены комитетами, на первом месте было открытие винных лавок только с разрешения сельских обществ. На втором месте были предложения по открытию различных заведений и изменению форматов торговли, которые должны были минимизировать уличное пьянство. На третьем месте находились меры по ограничению времени и места продажи водки, а также духовно-нравственное просвещение населения. Менее всего делался акцент на следующих возможных способах борьбы: ужесточение надзора за торговлей и наказаний за ее незаконный характер, ограничение размеров разовой покупки водки, запрет на ее продажу.

При этом диапазон предложений, которые обсуждались в самих комитетах, был гораздо шире. Их можно сгруппировать по нескольким блокам: меры по замене водки менее крепкими спиртными напитками; меры по ограничению употребления и реализации водки (включая запрет); ужесточение наказаний по отношению к пьяницам; меры просветительского характера. При этом сами авторы проектов были в целом настроены более решительно (предложения о запрете продажи водки были одними из наиболее часто встречающихся). Кроме того, если на уровне комитетов не было принято решений о мерах воздействия по отношению к самим пьяницам, то участники дискуссий в комитетах уделяли этой стороне вопроса немало внимания, предлагая такие варианты решений, как переселение пьяниц, ужесточение наказаний за совершение преступлений в состоянии опьянения, а также телесные наказания за сам факт пьянства.

Список литературы

1. Николаев А.В. Борьба с пьянством и алкоголизмом в 1894–1932 гг.: опыт отечественной истории: дис. ... канд. ист. наук. Тольятти, 2002. 201 с.
2. Сафронов С.А. «Пьяный вопрос» в России и «сухой закон» 1914–1925 годов: моногр.: в 2 т. Т. 2: От казенной винной монополии С.Ю. Витте до «сухого закона». Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 546 с.
3. Сикорский И.А. Основы алкогольной политики в России. Киев: Тип. С.В. Кульженко, 1912. 24 с.
4. Фридман М.И. Винная монополия в России. М.: О-во купцов и промышленников России, 2005. 555 с.
5. Янжул И.И. История пьянства и борьбы с ним. СПб., 1908. 43 с.
6. Быкова А.Г. Алкоголизм и пьянство в России в XIX – начале XX в.: из истории проблемы: моногр. / Омск: Омск. юрид. ин-т, 2006. 136 с.
7. Любушкина Е.Ю. Общественные организации России в борьбе с алкоголизмом во второй половине XIX – начале XX вв.: социальные практики // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 4. С. 101–107. DOI: [10.37494/2409-1030-2019-4-101-107](https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-4-101-107)
8. Стогов Д.И. Участие дореволюционных правых организаций в деятельности по борьбе с пьянством // Герценовские чтения 2020. Актуальные проблемы русской истории: сб. науч. и учеб.-метод. тр. / ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Л.Г. Рогушина, Т.Г. Фруменкова. СПб.: Астерион, 2021. С. 124–130.
9. Шевченко И.А., Черных Е.В. Попечительства о народной трезвости в России начала XX века: от винной монополии до «сухого закона» // Научный диалог. 2021. № 1. С. 426–450. DOI: [10.24224/2227-1295-2021-1-426-450](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-426-450)
10. Стогов Д.И. Рассмотрение в Четвертой Государственной думе законопроектов, направленных на ограничение оборота алкогольной продукции (1914–1916 гг.) // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: междунар. науч. конф., С.-Петербург, 10–11 декабря 2020 г.: сб. науч. ст. в 2 ч. / под ред. А.Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2021. Ч. 1. С. 133–138.
11. Шевченко И.А. Вопрос о «кабацкой конституции» русской деревни в представительных учреждениях России начала XX века // Гуманитарные исследования Центральной России. 2019. № 4(13). С. 18–25. DOI: [10.24411/2541-9056-2019-00003](https://doi.org/10.24411/2541-9056-2019-00003)
12. Шевченко И.А. Вопрос о народной трезвости в III Государственной Думе (1907–1912) // Научный диалог. 2019. № 1. С. 257–268. DOI: [10.24224/2227-1295-2019-1-257-268](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-257-268)
13. Engel B.A. Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861–1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 254 p.
14. Stavrou T.G. Russia Under the Last Tsar. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1969. 265 p.
15. The Peasant in Nineteenth-Century Russia. Stanford: Stanford University Press / ed. by W.S. Vucinich. Stanford, 1968. 314 p.
16. Worobec C.D. Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period. Princeton: Princeton University Press, 1991. 257 p.
17. Псковский городской листок. 1892. 27 мая.
18. Смоленский вестн. 1892. 16 сентября.
19. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXXIII (Псковская губерния). 349 с.
20. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXVII (Оренбургская губерния). 196 с.
21. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXXIV (Рязанская губерния). 662 с.
22. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXXVII (Саратовская губерния). 673 с.
23. Менщиков И.С., Федоров С.Г. Волостные суды и крестьянское правосудие в Южном Зауралье: моногр. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2017. 152 с.
24. Сорокин А.А. Крестьянский волостной суд Российской империи в оценках общественности конца XIX в. // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2017. № 417. С. 147–154. DOI: [10.17223/15617793/417/21](https://doi.org/10.17223/15617793/417/21)

25. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXXV (Самарская губерния). 622 с.
26. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XII (Екатеринославская губерния). 286 с.
27. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. VI (Владимирская губерния). 186 с.
28. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XL (Таврическая губерния). 268 с.
29. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XLVII (Черниговская губерния). 442 с.
30. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXXVI (Санкт-Петербургская губерния). 99 с.
31. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XIV (Калужская губерния). 326 с.
32. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XLV (Харьковская губерния). 510 с.
33. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XLI (Тамбовская губерния). 471 с.
34. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. IX (Воронежская губерния). 156 с.
35. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. VII (Вологодская губерния). 338 с.
36. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XLIV (Уфимская губерния). 347 с.
37. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1903. Т. XXXVIII (Симбирская губерния). 540 с.

References

1. Nikolaev A.V. *Bor'ba s p'yanstvom i alkogolizmom v 1894–1932 gg.: opyt otechestvennoy istorii* [Fighting Against Drunkenness and Alcoholism in 1894–1932: Russian History Experience: Diss.]. Tolyatti, 2002. 201 p.
2. Safronov S.A. "P'yanyy vopros" v Rossii i "sukhoy zakon" 1914–1925 godov. T. 2: *Ot kazennoy vinnoy monopolii S.Yu. Witte do "sukhogo zakona"* [The Question of Drunkenness in Russia and the Dry Law of 1914–1925. Vol. 2: From S.Yu. Witte's State Monopoly on Alcohol to Prohibition]. Krasnoyarsk, 2017. 546 p.
3. Sikorskiy I.L. *Osnovy alkogol'noy politiki v Rossii* [Fundamentals of Alcohol Policy in Russia]. Kiev, 1912. 24 p.
4. Fridman M.I. *Vinnaya monopoliya v Rossii* [Monopoly on Alcohol in Russia]. Moscow, 2005. 555 p.
5. Yanzhul I.I. *Istoriya p'yanstva i bor'by s nim* [The History of Drunkenness and the Fight Against It]. St. Petersburg, 1908. 43 p.
6. Bykova A.G. *Alkogolizm i p'yanstvo v Rossii v XIX – nachale XX v.: iz istorii problemy* [Alcoholism and Drunkenness in Russia in the 19th – Early 20th Centuries: From the History of the Problem]. Omsk, 2006. 136 p.
7. Lyubushkina E.Yu. *Obshchestvennye organizatsii Rossii v bor'be s alkogolizmom vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.: sotsial'nye praktiki* [Public Organizations of Russia in Fight Against Alcoholism in the Second Half of XIX – Early XX Century: Social Practices]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*, 2019, no. 4, pp. 101–107. DOI: [10.37494/2409-1030-2019-4-101-107](https://doi.org/10.37494/2409-1030-2019-4-101-107)
8. Stogov D.I. *Uchastie dorevolyutsionnykh pravyykh organizatsiy v deyatelnosti po bor'be s p'yanstvom* [Participation of Pre-Revolutionary Right-Wing Organizations in the Fight Against Drunkenness]. Nikolaev A.B. (ed.). *Gertsenovskie chteniya 2020. Aktual'nye problemy russkoy istorii* [Herzen Readings 2020. Topical Problems of Russian History]. St. Petersburg, 2021, pp. 124–130.
9. Shevchenko I.A., Chernykh E.V. *Popechitel'stva o narodnoy trezvosti v Rossii nachala XX veka: ot vinnoy monopolii do "sukhogo zakona"* [Guardianship for Popular Sobriety in Russia at the Beginning of 20th Century: From Wine Monopoly to "Dry Law"]. *Nauchnyy dialog*, 2021, no. 1, pp. 426–450. DOI: [10.24224/2227-1295-2021-1-426-450](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-1-426-450)

10. Stogov D.I. Rassmotrenie v chetvertoy Gosudarstvennoy dume zakonoproektov, napravlennykh na ogranichenie oborota alkohol'noy produktsii (1914–1916 gg.) [Consideration in the 4th State Duma of the Draft Laws Aimed at Limiting Alcohol Circulation (1914–1916)]. Nikolaev A.B. (ed.). *Tavricheskie chteniya 2020. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost'* [Taurida Readings 2020. Topical Problems of Parliamentarism: History and Modernity]. St. Petersburg, 2021. Pt. 1, pp. 133–138.

11. Shevchenko I.A. Vopros o "kabatskoy konstitutsii" russkoy derevni v predstavitel'nykh uchrezhdeniyakh Rossii nachala XX veka [The Problem of the "Pub Constitution" Russian Village in the Legislative Institution of Russia at the Beginning of the XX Century]. *Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noy Rossii*, 2019, no. 4, pp. 18–25. DOI: [10.24411/2541-9056-2019-00003](https://doi.org/10.24411/2541-9056-2019-00003)

12. Shevchenko I.A. Vopros o narodnoy trezvosti v III Gosudarstvennoy dume (1907–1912) [Problem of People's Sobriety in the 3rd State Duma (1907–1912)]. *Nauchnyy dialog*, 2019, no. 1, pp. 257–268. DOI: [10.24224/2227-1295-2019-1-257-268](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-1-257-268)

13. Engel B.A. *Between the Fields and the City: Women, Work and Family in Russia, 1861–1914*. Cambridge, 1994. 254 p.

14. Stavrou T.G. *Russia Under the Last Tsar*. Minneapolis, 1969. 265 p.

15. Vucinich W.S. (ed.). *The Peasant in Nineteenth-Century Russia*. Stanford, 1968. 314 p.

16. Worobec C.D. *Peasant Russia: Family and Community in the Post-Emancipation Period*. Princeton, 1991. 257 p.

17. *Pskovskiy gorodskoy listok*, 27 May 1892.

18. *Smolenskiy vestnik*, 16 September 1892.

19. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 33 (Pskov Province). 349 p. (in Russ.).

20. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 27 (Orenburg Province). 196 p. (in Russ.).

21. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 34 (Ryazan Province). 662 p. (in Russ.).

22. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 37 (Saratov Province). 673 p. (in Russ.).

23. Menshchikov I.S., Fedorov S.G. *Volostnye sudy i krest'yanskoe pravosudie v Yuzhnom Zaural'e* [District Courts and Peasant Justice in Southern Trans-Uralia]. Kurgan, 2017. 152 p.

24. Sorokin A.A. Krest'yanskiy volostnoy sud Rossiyskoy imperii v otsenkakh obshchestvennosti kontsa XIX v. [The Peasant Volost Court of the Russian Empire in the Estimates of the Public of the Late 19th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2017, no. 417, pp. 147–154. DOI: [10.17223/15617793/417/21](https://doi.org/10.17223/15617793/417/21)

25. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 35 (Samara Province). 622 p. (in Russ.).

26. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 12 (Yekaterinoslav Province). 286 p. (in Russ.).

27. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 6 (Vladimir Province). 186 p. (in Russ.).

28. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 40 (Taurida Province). 268 p. (in Russ.).

29. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 47 (Chernigov Province). 442 p. (in Russ.).

30. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 36 (Saint-Petersburg Province). 99 p. (in Russ.).

31. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 14 (Kaluga Province). 326 p. (in Russ.).

32. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 45 (Kharkov Province). 510 p. (in Russ.).

33. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 41 (Tambov Province). 471 p. (in Russ.).

34. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 9 (Voronezh Province). 156 p. (in Russ.).

35. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 7 (Vologda Province). 338 p. (in Russ.).

36. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 44 (Ufa Province). 347 p. (in Russ.).

37. *Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry*. St. Petersburg, 1903. Vol. 37 (Simbirsk Province). 540 p. (in Russ.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V197

Ol'ga V. Kalyuzhnaya

Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia;
ul. Bol'shaya Nizhegorodskaya 67e, Vladimir, 600020, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9167-6652> e-mail: kalyuzhka@list.ru

PROJECTS AGAINST PEASANT DRUNKENNESS IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY 20th CENTURY

This article examines the projects aimed to combat peasant drunkenness that were discussed by the local committees of the Special Meeting on the Needs of the Agricultural Industry in Russia in 1902–1903. The attitude of the committee members to drunkenness as a social, economic and medical problem is shown. Committee members identified the following factors as provoking peasant drunkenness: monopoly on alcohol (which prompted an increase in illegal trade), large number of holidays, as well as traditions of drinking alcoholic beverages in connection with socially significant events. Further, key negative phenomena of peasant life caused by drunkenness highlighted by the participants of the local committees are analysed here: economic and moral decline, increased crime rate, and growing number of diseases (primarily mental). In addition, the main projects against drunkenness that were discussed by the district and provincial committees are considered. The projects proposed can be roughly grouped as follows: measures for substituting vodka for milder alcoholic beverages (in particular, beer); measures for restricting the use and sale of vodka (a ban on sale during holidays and socially significant events, as well as a complete ban on production and sale); tougher penalties on drunkards; educational measures. The final decisions adopted by the committees were, however, less stringent and mainly focused on reducing the consumption of alcoholic beverages in the street and limiting the places and hours of sale of vodka, as well as on spiritual and moral education of peasants by teachers and clerics.

Keywords: *fight against drunkenness, monopoly on alcohol, vodka, peasantry, peasant everyday life, drunkenness.*

Поступила 30.03.2022

Принята 20.07.2022

Опубликована 22.09.2022

Received 30 March 2022

Accepted 20 July 2022

Published 22 September 2022

For citation: Kalyuzhnaya O.V. Projects Against Peasant Drunkenness in the Russian Empire in the Early 20th Century. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, no. 4, pp. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V197

УДК 94(100):327

DOI: 10.37482/2687-1505-V198

ЛУКЪЯНОВ Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения. Автор более 40 научных публикаций, в т. ч. одной монографии
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733>*

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НАЧАЛА XXI века. ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена анализу перспектив развития международных отношений в XXI веке. Констатируется факт высокого уровня конфликтности в современном мире, рассматривается специфика сложившейся ситуации, обосновывается необходимость поиска путей создания стабильной системы международных отношений. Дается краткий обзор степени изученности вопроса. Проблема рассматривается в исторической ретроспективе. Анализируются системы международных отношений XIX–XXI столетий (Венская, Версальско-Вашингтонская, Ялтинско-Потсдамская, а также современная система международных отношений, начавшая формироваться в конце XX века) и их эволюция. Особое внимание уделяется рассмотрению таких понятий, как баланс сил, коллективная безопасность, международное право. Анализируется роль Лиги Наций и ООН в международных отношениях периода XX века, оцениваются достигнутые ими результаты. Применительно к ООН дается обзор стоящих перед ней проблем, а также прогноз перспектив организации в XXI веке. Рассматривая систему международных отношений современности, автор отмечает ее незавершенность и значительные отличия от систем, существовавших ранее. Формирующаяся сегодня система столкнулась с рядом принципиально новых проблем. К ним относятся: полная дискредитация института международного права, фактическое разрушение системы контроля над ядерным оружием, абсолютная утрата доверия в отношениях между государствами, крайне высокий уровень напряженности в мире в целом, неэффективность ООН. В заключение автор пытается дать прогноз развития ситуации в мире в XXI столетии, представить черты системы международных отношений будущего.

Ключевые слова: система международных отношений, коллективная безопасность, Лига Наций, ООН, баланс сил, международное право, ядерное оружие.

* Адрес: 190000, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 67; e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru

Для цитирования: Лукьянов В.Ю. Международные отношения начала XXI века. Тенденции и перспективы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. № 4. С. 16–27. DOI: 10.37482/2687-1505-V198

Современные международные отношения отличает высокий уровень конфликтности, причиной которого является уникальность ситуации, сложившейся в начале XXI века.

Сегодня популярны параллели современности с периодом холодной войны, которые, однако, не всегда обоснованы. Мир XXI века более многообразен и сложен, чем мир века XX. Если в ходе холодной войны главными центрами силы были СССР и США, то сегодня на мировую арену вышли новые акторы, претендующие на геополитическое влияние, – Китай, Индия, Россия, Евросоюз. В первом случае в геополитическом противостоянии участвовал в той или иной степени весь мир, в то время как сегодня многие государства сохраняют нейтралитет в конфликте России и Запада и не спешат присоединяться к антироссийским санкциям. В отличие от времен холодной войны нет жесткой блоковой дисциплины, безусловной поддержки России и США их союзниками, государствами Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Организации Североатлантического договора (НАТО), нет противостояния коммунизма и либеральной демократии и т.д. В целом «Современная прохладная война – явление новой эпохи, имеющее свои причины, логику, динамику и инерцию» [1, с. 22].

Очевидна необходимость анализа перспектив развития международных отношений в XXI веке.

Названная проблема является предметом изучения как отечественных, так и зарубежных экспертов. Попытки анализа перспектив геополитического развития в XXI веке были предприняты еще в конце XX века. Мы имеем в виду концепции «конца истории» Ф. Фукуямы и «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. В основе концепции Ф. Фукуямы лежит идея доминирования в XXI столетии либеральной демократии, которая вышла победителем в противостоянии с коммунизмом [2]. С. Хантингтон исходит из того, что определяющим фактором развития в XXI веке станет конфликт цивилизаций, основанный на культурных, религиозных, ментальных отличиях народов, разделенных на несколько цивилизационных групп [3].

Дискуссия была продолжена в XXI веке. Можно, на наш взгляд, выделить две основные точки зрения.

Первая – доминирующие позиции в XXI веке будет занимать либеральный миропорядок, основанный на гегемонии США, которая необходима, чтобы не допустить анархии и хаоса в международных процессах [4; 5]. Доминирование либерального порядка подразумевает участие в нем незападных держав, прежде всего Индии, Китая и Бразилии [6; 7]. Однако эта позиция подвергается критике. Либеральный порядок находится в состоянии кризиса и фактически перестал быть таковым, поскольку государства Запада отказались от либеральных ценностей в сфере международных отношений. Реальностью стала политика «двойных стандартов», постоянное нарушение Западом, прежде всего США, норм международного права – проведение военных интервенций без учета позиции мирового сообщества и ООН [8]. Важно и то, что вызов либеральному порядку бросают незападные государства, претендующие на лидирующие позиции: Китай, Индия, Россия [9].

Вторая точка зрения – в XXI веке сформируется многополярный мир, а ход геополитических процессов будет определять противостояние между его центрами. Формы многополярности могут быть разные: региональные интеграционные объединения [10–12]; конкурирующие друг с другом союзы государств – Запад во главе с США против России, Китая и стран Ближнего Востока [13]; противостояние США и Китая [14]; объединения государств и надгосударственных союзов [15]; транснациональные корпорации [16]. Более оптимистичная позиция в рамках концепции многополярности исходит из того, что противостоящие друг другу центры смогут сотрудничать в рамках межкультурного диалога [17; 18].

Перспективным, по нашему мнению, видится изучение проблемы в исторической ретроспективе, проецирование опыта прошлого на нынешнюю ситуацию. Попытке решения этой задачи посвящена предлагаемая статья.

В рамках статьи рассматриваются системы международных отношений XIX–XX веков: Венская, Версальско-Вашингтонская и Ялтинско-Потсдамская. Именно в них сложились базовые принципы современных международных отношений: баланс сил, коллективная безопасность, международное право, представленное универсальными международными организациями – Лигой Наций и ООН. Дается также анализ современной системы международных отношений, процесс формирования которой далеко не закончен, а сама она не имеет общепризнанного названия.

Проблема, рассматриваемая в статье, предполагает использование метода сравнительного анализа, сопоставление принципов устройства и тенденций развития указанных выше систем.

Венская система, созданная по окончании Наполеоновских войн, основывалась на принципе баланса сил в форме «европейского концерта» – объединения 5 сильнейших держав Европы того времени – Великобритании, Франции, Пруссии, Австрии и России, совместными усилиями обеспечивающих порядок. Ее часто определяют как первую систему коллективной безопасности [19]. Данная система просуществовала с 1815 по 1914 год. В этот период имели место конфликты и войны – прежде всего Крымская (1853–1856), Русско-турецкая (1877–1878), Франко-прусская (1870–1871). Однако они носили локальный характер и не перерастали в общеевропейскую войну, аналогичную Наполеоновским войнам. Лишь начавшаяся в 1914 году Первая мировая война разрушила механизм «европейского концерта».

Версальско-Вашингтонская система, созданная решениями Парижской (1919–1920) и Вашингтонской (1921–1922) конференций, отразила изменения, произошедшие в результате Первой мировой войны, и радикально отличалась от предшественницы – Венской системы. В чем состояли эти отличия?

Во-первых, она приняла глобальный характер. Если Венская система охватывала европейский континент, то Версальско-Вашингтонская – весь мир [7].

Во-вторых, впервые в истории была принята попытка создания структуры, обеспечивающей безопасность в глобальном масштабе. Мы имеем в виду, разумеется, Лигу Наций.

Версальско-Вашингтонская система, просуществовав всего двадцать лет, рухнула одновременно с началом Второй мировой войны. Причиной столь короткого периода ее существования стали ошибки, допущенные как в момент создания, так и в период функционирования. Главной из них стало, по нашему мнению, игнорирование принципа баланса сил. Основной проблемой в период между мировыми войнами была агрессивная политика Германии после прихода к власти А. Гитлера, взявшего курс на ревизию Версальского договора и новую мировую войну. Единственным эффективным механизмом борьбы с угрозой мировой войны, могла стать коалиция, объединяющая сильнейшие государства Европы, прежде всего СССР, Францию и Великобританию, формирование системы коллективной безопасности, направленной против Германии. Попытки создания подобной системы предпринимались, однако оказались неудачны. Надежды на сохранение мира были связаны с деятельностью Лиги Наций и так называемой политикой умиротворения, политикой уступок А. Гитлеру. Именно игнорирование баланса сил, неоправданные надежды на Лигу Наций, использование исключительно дипломатических методов привели систему к краху, а мир – ко Второй мировой войне.

При создании по окончании Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамской системы учли допущенные ранее ошибки.

Прежде всего, был восстановлен баланс сил. В Ялтинско-Потсдамской системе он основывался на принципе биполярности, противостоянии США и СССР и возглавляемых ими военно-политических союзов – НАТО и Организации Варшавского договора (ОВД). Был учтен и опыт Лиги Наций, главный недостаток которой заключался в том, что организация не обладала механизмами реального воздействия на государство-агрессора. Устав созданной в 1945 году ООН предусматривал меры борьбы

с агрессией и механизмы ее реализации. Согласно Уставу, Совет Безопасности ООН мог применить против государства-агрессора санкции – политические, экономические и даже военные. Принципиально важным было то обстоятельство, что санкции являлись обязательными к исполнению для всех государств-членов ООН.

Ялтинско-Потсдамская система, просуществовавшая почти всю вторую половину XX века, оказалась эффективней предшественницы.

Механизм биполярности обеспечивал международным отношениям относительную стабильность. Два центра силы – СССР и США, НАТО и ОВД, противостояли и одновременно сдерживали друг друга. Разумеется, в период холодной войны имели место масштабные конфликты – войны на Ближнем Востоке, в Корее, Вьетнаме, Афганистане и т.д. Однако они проходили при опосредованном участии СССР и США, которые оказывали поддержку одной из сторон. Это позволяло держать ситуацию под контролем, не давало конфликтам переходить опасную черту. Дополнительным стабилизирующим фактором стало создание эффективного механизма контроля над ядерным оружием. Наличие большого количества международных договоров и соглашений, прежде всего договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) 1968 года и советско-американских договоренностей о контроле над ядерным оружием периода 1970-х–1980-х годов, минимизировало риск ядерной войны.

Остановимся на рассмотрении современной системы международных отношений. Как уже отмечалось, она не имеет названия, а процесс ее формирования не завершен. Однако достаточно длительный период, прошедший с момента возникновения системы (если брать за точку отсчета события 1991 года – распад СССР и крах биполярной модели), позволяет, как нам кажется, сделать определенные выводы.

По мнению автора, формирующейся системе присущи черты, принципиально отличающие ее от предшественниц, рассмотренных выше.

Во-первых, реалиями XXI века стало обесценивание понятия «международное право», игнорирование Устава ООН, в первую очередь тезиса о запрете «применения силы или угрозы силой». Сама же ООН, несмотря на свой статус важнейшей международной организации современности, фактически превратилась в структуру, лишенную реальных механизмов воздействия на геополитические процессы. Количество военных операций, проводимых без санкции Совета Безопасности, т. е., по сути дела, интервенций, постоянно растет. Интервенция, агрессия в мировой политике становятся обыденностью. Прослеживается тенденция к созданию некоторыми государствами собственного «международного права», введению в оборот «правовых» терминов вроде «страны-изгой» или «диктаторские режимы» [20] и доктрин, оправдывающих военные интервенции в обход ООН необходимостью борьбы с терроризмом, освобождения народов мира от тирании и т. д. [21].

Разумеется, нельзя утверждать, что нормы международного права неукоснительно соблюдались ранее. Как в период между мировыми войнами, так и в годы холодной войны имели место агрессия, интервенции и т. п. Однако сегодня проблема соблюдения (точнее – несоблюдения) международного права приняла качественно иной характер.

Принципиальное отличие формирующейся системы заключается в отсутствии в ней норм и правил поведения. В Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской системах существовали «правила игры», зафиксированные в Версальском договоре 1919 года и Ялтинских соглашениях 1945 года. Эти правила оказывали сдерживающее воздействие на государства и отчасти компенсировали слабость, низкий уровень авторитета Лиги Наций и ООН соответственно. Особенностью нынешней ситуации является отсутствие подобного соглашения. После краха биполярной системы не был подписан документ, аналогичный Версальскому договору или Ялтинским соглашениям. Не были зафиксированы новые геополитические реалии, правила поведения в международных

отношениях, что и порождает анархию, провоцирует войны, определяет высокий уровень конфликтности системы.

Во-вторых, опасной тенденцией современности является фактическая утрата контроля над ядерным оружием. В рамках Ялтинско-Потсдамской системы контроль был эффективным и основывался на двух принципах.

Первый – контроль в глобальном масштабе. В первую очередь имеется в виду ДНЯО, который был фундаментом международной безопасности.

Второй – контроль на основе двусторонних соглашений, прежде всего между СССР и США – государствами, обладающими наибольшим количеством ядерных вооружений. Оба механизма сегодня перестают действовать.

Договор 1968 года малоэффективен. Имеет место тенденция к появлению государств, обладающих ядерным оружием, но не являющихся членами ДНЯО. На сегодняшний день к ним относятся Индия, Пакистан и КНДР. Кроме того, более 30 государств обладают техническими и экономическими возможностями для быстрого создания ядерного оружия [22, с.157]. С учетом складывающейся ситуации нет уверенности, что количество государств, обладающих ядерным оружием, но не входящих в договор, не будет расти.

Утрачивают силу и договоренности о контроле над ядерным оружием между СССР и США, а затем, после распада СССР, между США и Россией. Показательный пример – выход в 2019 году США и России из Договора о ликвидации ракет меньшей и средней дальности (ДРСМД), который и Россия, и США основывали утверждениями о его нарушениях противостоящей стороной [23, 24].

В-третьих, для формирующейся сегодня системы характерно полное отсутствие доверия между государствами. Прежде всего это касается России и США. Высокий уровень враждебности делает крайне маловероятным компромисс по проблемам российско-американских отношений.

Разумеется, нельзя утверждать, что ранее существовавшие системы отличались высоким уровнем доверия. Трудно говорить, например, о доверии между СССР и США в годы «холодной войны». Наоборот, отличительной чертой советско-американских отношений была подозрительность, взаимные обвинения и т.п. Однако лидеры СССР и США были готовы, в случае необходимости, пойти на компромисс. Мы имеем в виду, прежде всего, события Карибского кризиса 1962 года. Именно готовность Д. Кеннеди и Н.С. Хрущева, лидеров США и СССР, к диалогу позволила предотвратить ядерную войну. Нельзя не вспомнить и период разрядки, Хельсинкские соглашения 1975 года, ставшие символом перемен в отношениях СССР и Запада. Соглашения, помимо политических аспектов – признания сложившихся в Европе по итогам Второй мировой войны границ, недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, предусматривали сотрудничество в науке, искусстве, освоении космоса. К сожалению, сегодня о новом Хельсинкском соглашении и политике разрядки говорить не приходится.

В-четвертых, принципиально новой чертой формирующейся системы является противоречие между «степенью материальной глобальности (по-прежнему высокой) и идейной гомогенности (быстро снижающейся)» [25, с. 14].

Иными словами, процессы глобализации в экономической сфере привели к формированию глобальной мировой экономики, акторы которой – государства и международные организации тесно взаимосвязаны, однако при этом в ценностном, идейном плане они все более дистанцируются, что и предопределяет высокий уровень конфликтности.

Нынешнее идейное противостояние напоминает реалии XX века. Если во второй половине XX столетия, в годы холодной войны, в основе идейного противостояния лежал конфликт идеологий коммунизма и демократии, то в начале XXI века конфликт перешел на уровень противостояния трех идеологических доктрин –

либеральной демократии, русского мира и радикального ислама. Подробно эта проблема была рассмотрена автором в одной из предыдущих работ [26].

Другим направлением идейного противостояния современности стал конфликт «демократия–авторитаризм». В конце XX века, после распада мировой коммунистической системы «глобальная демократизация» казалась неизбежной и предрешенной. Однако сегодня можно констатировать тот факт, что авторитаризм не просто сохранился, но продемонстрировал способность адаптации к новым мировым реалиям. Существующие авторитарные режимы показывают высокие темпы экономического роста, политическую устойчивость и являются равными по силам оппонентами демократии [27].

Подводя итоги, мы считаем возможным сделать следующие выводы.

Первое – изучение опыта Венской, Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской систем показывает, что основой стабильности в период XIX–XX веков был баланс сил. Именно он в форме «европейского концерта» в рамках Венской системы и биполярности в период существования Ялтинско-Потсдамской обеспечивал относительную стабильность и предсказуемость в международных отношениях. Отказ от баланса сил в период Версальско-Вашингтонской системы привел к Второй мировой войне.

Главная проблема формирующейся системы может быть определена как отсутствие баланса сил. После распада СССР США, как единственная сверхдержава, предприняли попытку формирования монополярного, американоцентричного мира. Сегодня очевидно, что эта попытка потерпела неудачу. В первую очередь из-за провалов «демократизации» Ближнего Востока и постсоветского пространства. Попытки создания монополярного мира встречают все более серьезное сопротивление со стороны других государств – прежде всего России и Китая, являющихся главными геополитическими противниками США и Запада в целом. Россия и Китай практически всегда занимают

солидарную позицию на международной арене и неоднократно озвучивали свое видение системы современных международных отношений как многополярной, основанной на праве каждого государства самостоятельно выбирать модель государственно-политического устройства и вектор внешнеполитического развития [28]. Именно несовпадение позиций России и Китая с одной стороны и Запада с другой, конфликт идеи монополярного мира и концепции многополярности порождают период кризисности, через который проходят международные отношения.

Обязательным условием стабилизации ситуации является восстановление баланса сил, уравнивающего тот полюс силы, который условно можно обозначить термином «коллективный Запад». Формирование такого полюса сегодня идет достаточно быстро. Его основой являются два крупнейших государства незападного мира – Россия и Китай, а структурными единицами – такие международные объединения, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Бразилии-России-Индии-Китая-ЮАР (БРИКС). Ни ШОС, ни БРИКС не являются военно-политическими альянсами, аналогичными НАТО, однако антизападный характер этих структур очевиден.

Второе – проведенный анализ позволяет сделать заключение о том, что для стабилизации системы международных отношений необходимо реформирование международного права. ООН, созданная для контроля за соблюдением норм международного права, явно не справляется с этой задачей. Неэффективность ООН находит свое проявление в откровенном игнорировании ее Устава, в первую очередь положения о неприменении силы в отношениях между государствами. Число интервенций, проведенных без разрешения Совета Безопасности, постоянно растет. Причина этого, по мнению автора, заключается в том, что как Устав ООН, так и структура организации не соответствуют сложившимся реалиям.

Сегодня перед мировым сообществом стоят проблемы, с которыми ранее сталкиваться не приходилось. Устав ООН ориентирован на урегулирование международных, в первую

очередь межгосударственных, конфликтов в виде военной интервенции, нападения одного государства на другое. Однако в современном мире появились принципиально новые угрозы, на борьбу с которыми Устав ООН не рассчитан, – международный терроризм, гибридные и кибервойны [29, с. 8].

Малоэффективна и сама структура ООН. Критике подвергается ее главный орган – Совет Безопасности. Напомним, что он состоит из 15 государств, 10 из которых являются постоянными членами Совета, а еще 5 – Россия, США, Франция, Китай и Великобритания – постоянными. Эти 5 государств обладают особыми полномочиями в международных отношениях, прежде всего так называемым правом вето. Именно статус постоянных членов Совета и право вето являются предметом критики.

«Большая пятерка» постоянных членов Совета Безопасности появилась в 1945 году и отразила итог Второй мировой войны – доминирование в мировой политике государств антигитлеровской коалиции. Однако сегодня ситуация иная. Появились державы, играющие ведущие роли в мировой политике и претендующие на статус постоянных членов Совета Безопасности. Прежде всего, это Германия, Япония, Индия, Бразилия. Данная группа предлагает расширить состав Совета до 25 государств, включая 6 дополнительных мест для постоянных его членов.

Право вето дает возможность заблокировать работу Совета любому из государств – постоянных членов. В условиях фактического раскола Совета Безопасности на два противостоящих лагеря – Россия и Китай с одной стороны, США, Великобритания и Франция – с другой, механизм вето превратился в инструмент войны сторон друг с другом. Франция в 2013 году предложила план по ограничению применения права вето: постоянные члены Совета отказываются от использования вето в случаях, когда речь идет о преступлениях против человечности – геноциде, массовых убийствах. Однако все эти предложения остаются «на бумаге» [30].

Кроме того, тенденцией XXI века становится создание международных организаций прин-

ципиально нового типа. Существующие международные структуры (Европейский Союз, БРИКС, ШОС, ОДКБ, НАТО, Евразийский экономический союз (ЕАЭС)) объединяют целые регионы мира. Многие из них (если не большинство) функционируют в рамках главной тенденции современности – противостояния Запад – не Запад, США, НАТО, Евросоюз – Россия, Китай, ШОС, БРИКС, ОДКБ, ЕАЭС. Такая структура, как ОДКБ, и, в определенной мере ШОС, созданы явно как противовес НАТО, ЕАЭС – как противовес Евросоюзу. С учетом этого новая система международных отношений «должна обеспечить политическое равновесие уже не столько между государствами, как это было в период Вестфальской системы, а между региональными объединениями государств» [31, с. 14].

По мнению автора, ООН, с учетом сложившейся в мире ситуации, не сможет сохраниться в существующем виде. Очевидная тенденция к поляризации сил в мире, постоянно растущее количество военных интервенций в обход Совета Безопасности, установление принципов взаимоотношений между государствами на базе двусторонних и многосторонних договоров и соглашений, позволяет предположить, что позиции ООН будут ослабевать и далее. В перспективе ООН трансформируется в организацию, занимающуюся решением гуманитарных проблем – борьбой с голодом, эпидемиями, но откажется от решения задачи обеспечения глобальной безопасности.

Таким образом, контуры системы международных отношений XXI века могут быть обрисованы уже сегодня. По мнению автора, формирующаяся система будет основана на двух базовых принципах.

Первый – восстановление баланса сил в виде многополярности. Сегодня этот процесс идет достаточно активно. Выше уже отмечалась тенденция к формированию антизападного центра силы, основой которого являются Россия и Китай, а структурными единицами – ШОС и БРИКС. Дело не сводится только к БРИКС и ШОС. В целом новый мировой по-

рядок будет представлять собой объединение важнейших акторов международных отношений – государств, государственных союзов, блоков и т.д. [13, 15].

Проблема, однако, в том, что «многополярность сама по себе не гарантирует стабильности... Поддерживать баланс сил и стратегическую стабильность в XXI веке будет еще сложнее. В ситуации, когда ООН и другие международные институты фактически малоэффективны, многополярный хаос становится скорее возможным» [32, с. 204]. Иными словами, для формирования стабильной системы международных отношений необходимо создание норм и правил поведения, дополняющих многополярную модель.

Второй момент – для предотвращения «многополярного хаоса» необходимо реформирование международного права. Выше отмечалась тенденция к созданию международных организаций, противостоящих друг другу на мировой арене и объединяющих уже не государства, а целые регионы мира. Как представляется, с

учетом складывающейся в мире ситуации, эта тенденция будет в перспективе усиливаться, поэтому необходимо отказаться от понятия «универсальное международное право». «Можно предположить, что международное право будет развиваться в направлении регулирования отношений государств внутри отдельных регионов, а также отношений между региональными объединениями государств, что повлечет за собой увеличение количества двусторонних и региональных международных договоров» [31, с. 14]. Однако поиск путей решения данной задачи находится в компетенции специалистов в области международного права.

Решение названных проблем (восстановление баланса сил и реформирование международного права) станет фундаментом новой системы международных отношений, что позволит решить и другие важнейшие проблемы – создать систему контроля над ядерным оружием, ликвидировать угрозу международного терроризма и т.д.

Список литературы

1. Худoley К. Россия и Запад: вторая «холодная» или первая «прохладная»? // Россия в глоб. политике. 2020. Т. 18, № 6(106). С. 10–22.
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек М.: Изд-во АСТ, 2004. 588 с.
3. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ, 2003. 603 с.
4. Ikenberry G.J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2011. 312 p.
5. Waltz K. Globalization and American Power // The National Interest. Spring 2000. № 59. P. 46–56.
6. Ikenberry G.J. The End of Liberal International Order? Int. Aff. 2018. Vol. 94, № 1. P. 7–23. DOI: [10.1093/ia/iix241](https://doi.org/10.1093/ia/iix241)
7. Лебедева М.М. Окончание Первой мировой войны: формирование глобальных межгосударственных структур и мирополитических трендов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Международ. отношения. 2019. Т. 12, вып. 3. С. 264–275. DOI: [10.21638/11701/spbu06.2019.301](https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.301)
8. Niblett R. Liberalism in Retreat: The Demise of a Dream // Foreign Aff. 2017. Vol. 96, № 1. P. 17–22.
9. Nye J.S. Jr. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea // Foreign Aff. 2017. Vol. 96, № 1. P. 10–16.
10. Лисоволик Я. Регионализм в глобальном управлении: новые подходы: Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Июнь 2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/27333/> (дата обращения: 11.10.2021)
11. Воротников В.В., Грибин Н.П., Петляева Д.А., Пименова Е.В., Якутова У.В. НАТО versus PESCO: экономические аспекты // Мир. экономика и международ. отношения. 2020. Т. 64, № 6. С. 40–50. DOI: [10.20542/0131-2227-2020-64-6-40-50](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-40-50)
12. Telò M. Regionalism in Hard Times: Competitive and Post-Liberal Trends in Europe, Asia, Africa, and the Americas. London: Routledge, 2016. 98 p.
13. Kupchan C.A. No One's World. The West, The Rising Rest, and the Coming Global Turn. N.Y.: Oxford University Press. 2012. 272 p.

14. *Mearsheimer J.J.* Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order // *Int. Secur.* 2019. Vol. 43, № 4. P. 7–50. DOI: [10.1162/ISEC_a_00342](https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00342)
15. *Гринин Л.Е.* Новый мировой порядок и эпоха глобализации. Статья вторая. Возможности и перспективы формирования нового мирового порядка // *Век глобализации.* 2016. № 1–2. С. 3–18.
16. *Скородумова О.Б.* Постглобализация как социальный феномен современного общества // *Социальная политика и социология.* 2016. Т. 16, № 3. С. 205–212. DOI: [10.17922/2071-3665-2017-16-3-205-212](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-3-205-212)
17. *Petito F.* Dialogue of Civilizations in a Multipolar World: Toward a Multicivilizational-Multiplex World Order // *Int. Stud. Rev.* 2016. Vol. 18, № 1. P. 78–91. DOI: [10.1093/isr/viv030](https://doi.org/10.1093/isr/viv030)
18. *Chebankova E.* What Is Civilization? Problems and Definitions // *Civilizations and World Order* / ed. by E. Chebankova, P. Dutkiewicz. London: Routledge, 2021. 182 p.
19. *Гончаров П.К.* Международная политика и формирование мировой политической системы // *Соц.-гуманитар. знания.* 2020. № 4. С. 138–146. DOI: [10.34823/SGZ.2020.4.51405](https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.4.51405)
20. *Мусаелян Л.А.* Кризис международного права: цивилизационный и геополитические факторы // *Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки.* 2014. Вып. 4 (26). С. 211–225.
21. President Delivers State of the Union Address. URL: <http://www.georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20/020129-11.html> (дата обращения: 05 January 2022).
22. *Баранова Н.С., Ветлугина А.Э.* Международно-правовой контроль режима нераспространения ядерного оружия // *Закон и право.* 2021. № 7. С. 154–158. DOI: [10.24412/2073-3313-2021-7-154-158](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-7-154-158)
23. Официальное сообщение Министерства иностранных дел Российской Федерации (О прекращении действия договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности от 8 декабря 1987 года) // Офиц. интернет-портал правовой информ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201908020001> (дата обращения: 3 января 2022).
24. Выход США из договора о РСМД 2 августа 2019 года. Заявление Государственного секретаря Помпео // Посольство и консульства США в Российской Федерации. URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/u-s-withdrawal-from-the-inf-treaty-on-august-2-2019-ru/> (дата обращения: 3 января 2022).
25. *Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А.* Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // *Полис. Полит. исслед.* 2021. № 4. С. 14–25. DOI: [10.17976/jpps/2021.04.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.03)
26. *Лукьянов В.Ю.* Гармонизация системы международных отношений: идеологический аспект // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки.* 2021. Т. 21, № 2. С. 20–29. DOI: [10.37482/2687-1505-V084](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V084)
27. *Нисневич Ю.А.* Авторитаризм XXI века: анализ в институционально-целевой парадигме // *Мир. экономика и международ. отношения.* 2021. Т. 65, № 8. С. 109–119 DOI: [10.20542/0131-2227-2021-65-8-109-119](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-109-119)
28. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии // Сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 05.02.2022).
29. *Сазонова К.Л.* Пацифизм и разоружение как ключевые парадигмы международного права: недостижимая утопия или насущная необходимость? // *Международ. право.* 2019. № 1. С. 1–17. DOI: [10.25136/2306-9899.2019.1.27213](https://doi.org/10.25136/2306-9899.2019.1.27213)
30. *Логинава К.* Мир больше пяти: возможна ли реформа ООН // *Изв.* 30 сентября 2019. URL: <https://iz.ru/926323/kseniia-loginova/mir-bolshe-piati-vozmozhna-li-reforma-oon> (дата обращения: 10.01.2022).
31. *Данельян А.А.* Международное право: вчера, сегодня, завтра // *Образование и право.* 2020. № 2. С. 11–16. DOI: [10.24411/2076-1503-2020-10201](https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10201)
32. *Шляпников В.В.* Новая полицентричность и стабильность мировой системы // *Материалы II Международ. науч. конгр. «Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности и проблема глобального управления, Москва, 18–22 мая 2011 г.: в 2 Т. М.: МАКС Пресс, 2011. Т. 1. С. 203–204.*

References

1. Khudoley K.K. *Rossiya i Zapad: vtoraya “kholodnaya voyna” ili pervaya “prokhladnaya”?* [Russia and the West: Second Cold War or First Cool War?]. *Rossiya v global'noy politike*, 2020, vol. 18, no. 6, pp. 10–22.
2. Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow, 2004. 588 p.

3. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. 1996 (Russ. ed.: Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy*. Moscow, 2003. 603 p.).
4. Ikenberry G.J. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton, 2011. 312 p.
5. Waltz K. Globalization and American Power. *The National Interest*, spring 2000, no. 59, pp. 46–56.
6. Ikenberry G.J. The End of Liberal International Order? *Int. Aff.*, 2018, vol. 94, no. 1, pp. 7–23. DOI: [10.1093/ia/iix241](https://doi.org/10.1093/ia/iix241)
7. Lebedeva M.M. The End of the First World War: The Formation of Global Intergovernmental Structures and Global Political Trends. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 264–25 (in Russ.). DOI: [10.21638/11701/spbu06.2019.301](https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.301)
8. Niblett R. Liberalism in Retreat: The Demise of a Dream. *Foreign Aff.*, 2017, vol. 96, no. 1, pp. 17–22.
9. Nye J.S. Jr. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea. *Foreign Aff.*, 2017, vol. 96, no. 1, pp. 10–16.
10. Lisovolik Ya. *Regionalizm v global'nom upravlenii: novye podkhody: Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday"* [Regionalism in Global Governance: New Approaches: Report at the Valdai Discussion Club]. June 2019. Available at: <https://ru.valdaiclub.com/files/27333/> (accessed: 11 October 2021).
11. Vorotnikov V., Gribin N., Petlyayeva L., Pimenova E., Yakutova U. NATO versus PESCO: ekonomicheskie aspekty [NATO versus PESCO: Economic Aspects]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 6, pp. 40–50.
12. Telò M. *Regionalism in Hard Times: Competitive and Post-Liberal Trends in Europe, Asia, Africa, and the Americas*. London, 2016. 98 p.
13. Kupchan C.A. *No One's World: The West, The Rising Rest, and the Coming Global Turn*. New York, 2012. 272 p.
14. Mearsheimer J.J. Bound to Fail: The Rise and Fall of the Liberal International Order. *Int. Secur.*, 2019, vol. 43, no. 4, pp. 7–50. DOI: [10.1162/ISEC_a_00342](https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00342)
15. Grinin L.E. Novyy mirovoy poryadok i epokha globalizatsii. Stat'ya vtoraya. Vozmozhnosti i perspektivy formirovaniya novogo mirovogo poryadka [The New World Order and the Era of Globalization. Article Two. Opportunities and Prospects for the Formation of a New World Order]. *Vek globalizatsii*, 2016, no. 1–2, pp. 3–18.
16. Skorodumova O.B. Post globalizatsiya kak sotsial'nyy fenomen sovremennogo obshchestva [Postglobalization as a Social Phenomenon of Modern Society]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*, 2016, vol. 16, no. 3, pp. 205–212. DOI: [10.17922/2071-3665-2017-16-3-205-212](https://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-3-205-212)
17. Petito F. Dialogue of Civilizations in a Multipolar World: Toward a Multicivilizational-Multiplex World Order. *Int. Stud. Rev.*, 2016, vol. 18, no. 1, pp. 78–91. DOI: [10.1093/isr/viv030](https://doi.org/10.1093/isr/viv030)
18. Chebankova E. What Is Civilization? Problems and Definitions. Chebankova E., Dutkiewicz P. (eds.). *Civilizations and World Order*. London, 2021, pp. 19–33.
19. Goncharov P.K. Mezhdunarodnaya politika i formirovanie mirovoy politicheskoy sistemy [International Policy and Formation of World Political System]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2020, no. 4, pp. 138–146. DOI: [10.34823/SGZ.2020.4.51405](https://doi.org/10.34823/SGZ.2020.4.51405)
20. Musayelyan L.A. Krizis mezhdunarodnogo prava: tsivilizatsionnyy i geopoliticheskie faktory [The Crisis of International Law: Civilizational and Geopolitical Factors]. *Vestnik permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, 2014, no. 4, pp. 211–225.
21. *President Delivers State of the Union Address*. Available at: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2002/01/20020129-11.html> (accessed: 5 January 2022).
22. Baranova N.S., Vetlugina A.E., Mezhdunarodno-pravovoy kontrol' rezhima nerazprostraneniya yadernogo oruzhiya [International Legal Control of the Nuclear Non-Proliferation Regime]. *Zakon i pravo*, 2021, no. 7, pp. 154–158. DOI: [10.24412/2073-3313-2021-7-154-158](https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-7-154-158)
23. Official Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (On the Termination of the Treaty Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the Elimination of Their Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles of 8 December 1987). *Official Internet-Portal of Legal Information*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201908020001> (accessed: 3 January 2022) (in Russ.).
24. U.S. Withdrawal from the INF Treaty on August 2, 2019. Press Statement, Michael R. Pompeo, Secretary of State. *U.S. Embassy and Consulates in Russia*. Available at: <https://ru.usembassy.gov/u-s-withdrawal-from-the-inf-treaty-on-august-2-2019/> (accessed: 3 January 2022).

25. Safranchuk I.A., Luk'yanov F A. The Contemporary World Order: The Adaptation of Actors to Structural Realities. *Polit. Stud.*, 2021, no. 4, pp. 14–25 (in Russ.). DOI: [10.17976/jpps/2021.04.03](https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.03)

26. Luk'yanov V.Yu. Harmonization of the System of International Relations in the 21st Century: An Ideological Aspect. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 2, pp. 20–29. DOI: [10.37482/2687-1505-V084](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V084)

27. Nisnevich Y. Authoritarianism of the 21st Century: Analysis in the Institutional Purpose Paradigm. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2021, vol. 65, no. 8, pp. 109–119 (in Russ.). DOI: [10.20542/0131-2227-2021-65-8-109-119](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-8-109-119)

28. *Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the International Relations Entering a New Era and the Global Sustainable Development*. Available at: <http://en.kremlin.ru/supplement/5770> (accessed: 5 February 2022).

29. Sazonova K.L. Patsifizm i razoruzhenie kak klyuchevye paradigmy mezhdunarodnogo prava: nedostizhimaya utopiya ili nasushchnaya neobkhodimost'? [Pacifism and Disarmament as Key Paradigms of International Law: An Unattainable Utopia or an Urgent Need?]. *Mezhdunarodnoe pravo*, 2019, no. 1, pp. 1–17. DOI: [10.25136/2306-9899.2019.1.27213](https://doi.org/10.25136/2306-9899.2019.1.27213)

30. Loginova K. *Mir bol'she pyati: vozmozhna li reforma OON* [The World Is Bigger Than Five: Is a UN Reform Possible?]. *Izvestiya*, 30 September 2019. Available at: www.iz.ru/926323/ksenia-loginova/mir-bolshe-piati-vozmozhna-li-reforma-oon (accessed: 10 January 2022).

31. Danel'yan A.A. Mezhdunarodnoe pravo: vchera, segodnya, zavtra [Prospects for the Development of International Law]. *Obrazovanie i pravo*, 2020, no. 2, pp. 11–16. DOI: [10.24411/2076-1503-2020-10201](https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10201)

32. Shlyapnikov V.V. Novaya politsentrichnost' i stabil'nost' mirovoy sistemy [New Polycentricity and Stability of the World System]. *Materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa "Globalistika – 2011: puti k strategicheskoy stabil'nosti i problema global'nogo upravleniya"* [Proc. 2nd Int. Sci. Congr. "Global Studies – 2011: Toward Strategic Stability and the Problem of Global Governance"]. Moscow, 2011. Vol. 1, pp. 203–204.

DOI: 10.37482/2687-1505-V198

Vladimir Yu. Luk'yanov

Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation;
ul. Bol'shaya Morskaya 67, St. Petersburg, 190000, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9559-1733> e-mail: Volodya.luckyanov2017@yandex.ru

INTERNATIONAL RELATIONS IN THE EARLY 21st CENTURY: TRENDS AND PROSPECTS

This article dwells on the prospects for the development of international relations in the 21st century. The fact of a high level of conflict in the world is stated, the specifics of the current situation are considered and the need to analyse ways to create a stable system of international relations is substantiated. Further, a short overview of how well this topic has been researched is provided. The problem is considered in historical retrospect. The paper studies the systems of international relations in the 19th and 20th centuries (Vienna, Versailles–Washington, and Yalta–Potsdam, as well as the modern system of international relations that started to take shape in the late 20th century) and their evolution. Each of the systems is briefly analysed here. Special attention is given to such notions as the balance of power, collective security, and international law. In addition, the role of the League of Nations and the UN in 20th-

For citation: Luk'yanov V.Yu. International Relations in the Early 21st Century: Trends and Prospects. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, no. 4, pp. 16–27. DOI: 10.37482/2687-1505-V198

century international relations and the results achieved by them are evaluated. Moreover, the problems faced by the UN are described and the organization's prospects in the 21st century are assessed. Considering the current system of international relations, the author notes its incomplete formation as well as fundamental differences from the systems that existed before. The developing system has faced a number of entirely new challenges, such as a complete discrediting of the international law, virtual destruction of the nuclear weapons control system, total loss of trust between the countries, extremely high level of tension in the world in general, and ineffectiveness of the UN. In conclusion, the author attempts to predict how the situation in the world will be developing in the 21st century and what the system of international relations will look like in the future.

Keywords: *system of international relations, collective security, League of Nations, UN, balance of power, international law, nuclear weapons.*

Поступила 24.03.2022
Принята 07.07.2022
Опубликована 12.10.2022

Received 24 March 2022
Accepted 7 July 2022
Published 12 October 2022

УДК 94(44).042

DOI: 10.37482/2687-1505-V202

ВЕРЧЕНКОВА Виктория Владимировна, аспирант кафедры исторического регионоведения Государственного академического университета гуманитарных наук (Москва), младший научный сотрудник лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). Автор 12 научных публикаций*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3108-3665>

ТОРЖЕСТВО СВОБОДЫ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК В ЧЕСТЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ ТУЛОНА (1793 год)

В декабре 1793 года после завершения осады Тулона, который три месяца находился в руках англичан и их союзников, на всей территории Французской республики был объявлен национальный праздник. К этому времени такие торжества обрели систематическую и законченную форму, свою символику. Их обязательными атрибутами являлись толпа зрителей, процессия, танцы, музыка с песнями, банкет. Так как победа, одержанная в Тулоне, оказалась чрезвычайно важна, в ее честь планировалось проведение грандиозных мероприятий. Автор рассматривает особенности революционного фестиваля, выделяет как общие, так и отличные черты данного праздника, характерные для регионов. В каждом департаменте его проводили по-своему: где-то совмещали с продвижением Культа Разума и дехристианизацией, где-то восхваляли богиню Победы и храбрых солдат, а где-то даже придали ему черты религиозной католической процессии. В статье анализируется обширная программа фестиваля в Париже, составленная художником Жаком Луи Давидом и драматургом Мари-Жозефом Шенье. Вместе с тем в ряде мест процессии носили спонтанный характер. Интересны «реконструкции» боев в Тулоне, устроенные в некоторых городах, где также сжигали манекены, изображавшие королей и государственных деятелей союзников. Автор показывает, каким образом на отвоевание Тулона откликнулись деятели искусств: по всей стране писались стихи, гимны, ставились пьесы и спектакли. В театральных постановках изобличались «тирания» и «подлость» англичан, клеймилась «трусость» тулонцев, сдавших свой город неприятелю, и воспевалась доблесть республиканских солдат, вернувших его Франции.

Ключевые слова: Французская революция, осада Тулона, Тулон, революционные праздники.

*Адрес: 620075, г. Екатеринбург, просп. Ленина, д. 51; e-mail: viktorieverchenkova@mail.ru

Для цитирования: Верченкова В.В. Торжество Свободы: национальный праздник в честь возвращения Тулона (1793 год) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. № 4. С. 28–36. DOI: 10.37482/2687-1505-V202

Революционные праздники – это отдельная, богатая материалом тема в изучении истории повседневности Французской революции. За период с 1789 по 1799 год их было проведено великое множество. Подражая Парижу, где празднества устраивались с завидной регулярностью, большие и малые города охотно проводили у себя подобные мероприятия. Казалось, что их числу не было предела. Кроме самых известных, таких как праздники Федерации, Разума и Высшего Существа, существовали празднества, посвященные Молодости, Старости, Сельскому хозяйству, Супругам, Республике, Суверенитету Народа, различным военным победам и проч., и проч.

Многие из них имели политическую окраску. Часто праздники следовали за какими-либо политическими или военными победами, либо, напротив, неудачами. Торжества должны были объединить людей, позволить им почувствовать себя в гармонии с обществом, нивелировать различия между богатыми и бедными, устранить вражду между согражданами. Это не всегда получалось, а иногда и вовсе приводило к обратному результату.

К 1793 году национальные праздники приобрели систематическую и законченную форму, свою символику. Обязательными атрибутами являлись толпа зрителей, процессия, танцы, музыка с песнями и банкет.

В этой статье речь пойдет об одном из наиболее ярких революционных торжеств – празднествах конца 1793 – начала 1794 года в честь большой военной победы – взятия республиканской армией Тулона.

Тема революционных праздников не нова, ее изучали такие исследователи, как М. Домманже, М. Озуф, М. Вовель, Ж. Тьерсо. Конечно, они затрагивали и торжества в честь возвращения Тулона, но зачастую ограничивались либо мероприятиями определенного характера, либо 2-3 городами, а отдельного исследования на эту тему не производилось. Данная статья является попыткой наиболее полно проанализировать мероприятия, посвященные возвращению Тулона, их виды и цели, а также отражение этой победы в культурной жизни страны.

После вступления 18 декабря 1793 года республиканских войск в Тулон, находившийся три месяца под контролем антифранцузской коалиции, 4 нивоза (24 декабря) правительство распорядилось устроить в честь этого события по всей территории Франции национальный праздник, назначенный на 10 нивоза (30 декабря) [1, с. 383]. После бедствий первых месяцев 1793 года, предательства Дюмурье, потери Бельгии, восстания в Вандее, год заканчивался целой серией военных триумфов.

На торжественной церемонии должен был присутствовать весь Конвент. Проект мероприятия составляли такие влиятельные люди, как художник Жак Луи Давид и драматург Мари-Жозеф Шенье. На заседании Конвента Давид отмечал, что столь великое событие окажет мощное влияние на исход войны и все назовут его предвестником грядущих побед [2, с. 391]. Было недостаточно простого восхваления подвигов храбрых защитников свободы, Нация обязана их вознаградить. Планировался грандиозный праздник в их честь. В дополнение к десяткам танцоров, музыкантов, детей и других исполнителей, Давид решил привлечь кавалерийский отряд, 30 инженеров, 50 барабанщиков и два отряда парижской национальной гвардии.

В газете *Moniteur* был опубликован декрет с проектом мероприятия [3, с. 399]. Особое внимание на празднике предполагалось уделить воинам, пролившим свою кровь за Республику. Конвент призывал административные органы и муниципальных служащих поощрять браки девушек с защитниками Республики, ранеными в ходе боевых действий [3, с. 399]. В 1793 году подобные официальные мероприятия носили назидательный характер, они служили для того, чтобы настроить народ патриотически и продемонстрировать мощь Республики.

В 7 часов утра залп из артиллерийского парка дал сигнал к началу праздника. Выступили вооруженные отряды 48 секций (от каждой по 100 человек), чтобы привезти в Национальный сад (сад Тюильри) своих раненых, с почтением разместив их в 14 колесницах, символизовавших 14 армий Республики.

Был установлен особый порядок марша, в котором шествовали кавалерийский отряд, артиллеристы, барабанщики, представители власти. Далее ехали те самые 14 колесниц с ранеными, за которыми следовали, держа в руке символ победы – лавровую ветвь, юные девушки в белых одеждах, украшенных 3-цветными поясами. Особый интерес представляла собой колесница Победы, заполненная трофейными неприятельскими знаменами. На ней возвышалась фасция, увенчанная 14 венками и статуей Победы. Из Национального сада кортеж отправился в Храм Человечества (лазарет в Доме Инвалидов), где к нему присоединились ветераны. Председатель Конвента под звуки воинственных мелодий выразил им благодарность народа. По прибытии на Марсово поле исполнялись гимны в Храме Бессмертия, вокруг которого были расставлены 14 колесниц с «защитниками свободы», и девушки, проходя мимо колесниц, возлагали на них лавровые ветви [3, с. 399]. После этого следовал банкет. Праздник оказался настолько успешным, что Конвент издал декрет, предписывавший провести аналогичные мероприятия в провинциальных городах Брест, Бордо, Тур, Анже, Монпелье, Перпиньян [4, с. 60]. В последующие дни на заседаниях Конвента не раз звучали сообщения о том, что тот или иной город прислал свой проект проведения праздника либо отчет о том, как оно прошло [5, с. 1; 6, с. 328; 7, с. 221].

В некоторых городах проводились реконструкции осады. В Лилле на центральной площади был построен макет Тулона. Когда собралась толпа зрителей, Национальная гвардия продемонстрировала, как солдаты Республики взяли этот оплот «мерзких рабов короля». Затем состоялись военный парад и танцы [4, с. 60]. В Шарме (департамент Вогезы) горожан пригласили собраться ночью на открытой местности вокруг «горящих костров, имитировавших военный лагерь» [8, с. 209]. После сигнала начался «штурм» сооружений, символизировавших Лион и Тулон, в результате которого они были сожжены [8, с. 209]. Но не всегда местным властям удавалось добиться правдопо-

добия в подобных имитациях. Например, в Вирофле (департамент Ивелин), где Тулон изображала хижина из желтой бумаги, эта идея подверглась жесткой критике со стороны национального агента, который не нашел в ней сходства с крепостью [8, с. 210]. В Лионе город Тулон символизировало изображение женщины, у которой на лбу начертаны слова: «Я была когда-то француженкой, меня звали Тулон»; на сердце – «Я предала свою Родину»; на животе – «Я блудница королей» [9, с. 537]. Это изображение сожгли под аплодисменты республиканцев, танцевавших вокруг огня и распевших гимны в честь и во славу «святой Республики». Кроме того, на площади Д'Армс Коммюн были гильотинированы манекены королей Великобритании, Испании, Пьемонта, Пруссии, Богемии, а также Уильяма Питта-младшего, Папы и всех «антинародных негодяев» [9, с. 537]. Таким образом, к официальным добавляются и иные формы самовыражения.

Высмеивание королей во время республиканских праздников было особенно популярно. Организаторы праздников рассчитывали, что ироничное переосмысление лучше всего продемонстрирует презрение к Старому порядку. Часто подобные бурлескные церемонии превращались в аутодафе, а наиболее распространенным элементом становился проход ослов в митрах, что являлось средством дехристианизации [10, с. 105]. Функция ослов заключалась в демонстрации всей низменности того, что они на себе везут, будь то предметы или персоналии. Подобное высмеивание традиционных ценностей должно было отвратить население от католического культа. Во время празднования возвращения Тулона такие церемонии практиковались в разных городах: например, шествие коронованных ослов происходило в Лионе и в Сент-Этьене, где тележка, запряженная ослами, везла «монархов». [10, с. 107]. Процессию, состоящую из ослов в митрах или других церковных облачениях, можно было увидеть также в Арле, где жители сожгли на площади изображения Папы Римского и королей Великобритании и Испании, и в Антрево,

где «дьявольские ослы» везли в телеге изображения Папы и королей [10, с. 108]. Подобное «смешение жанров» характерно для данных праздников. Так обыгрывались сразу две темы: костры олицетворяли иконоборческое пламя, пожиравшее изображения святых, королей и правоустанавливающие документы (т. е. фиксирующие феодальные права), а предшествовавшие сожжению процессии ослов служили для дискредитации образов, предназначенных к уничтожению. Подобные бурлескные праздники проходили там, где существовала прочная карнавальная традиция, но это могло зависеть и от настроений, царивших в провинции.

Революционный праздник в честь возвращения Тулона в Шантийи (департамент Уаза) имел обширную программу. В шествии можно отметить трех девушек в белом, воплощавших собой единство и неделимость Республики, свободу, равенство, братство или смерть. Кроме них участвовали еще две группы девушек: первая несла символический прах Лепелетье и Марата, вторая – дубовые ветви. Центром шествия являлась колесница, запряженная двумя лошадьми. На ней стоял мужчина, изображавший Геркулеса, – символ единства нации и победы над мятежом и контрреволюцией. На передней части колесницы возвышался бюст Жан-Жака Руссо, который поддерживали две девочки 10-12 лет в белом. Далее следовали матери героев. Дойдя до Дерева свободы, участники исполнили патриотические гимны. Мэр выступил с речью, после чего все отправились в Храм Разума [11, с. 105]. С точки зрения революционной литургии и символизма, а также как пример переноса католических практик в светское пространство гражданского праздника, все эти программы представляют несомненный интерес. Здесь присутствуют основные символы поклонения: Дерево свободы, лозунги братства и равенства, Геркулес, плакаты с республиканскими девизами, дети Отечества. Вместо раки проносят прах мучеников новой веры: Лепелетье и Марата. Не остался в забвении и апостол философии Жан-Жак Руссо, на чьем пребывании в Эрменонвиле, близ Шантийи, делался

особый акцент. Это был не единичный случай: в Пор-Либерте (Пор-Луи) в Морбиане в процессии также несли бюсты Франклина, Вольтера и Руссо [10, с. 111]. Люди останавливались перед каждым символом, чтобы петь гимны, затем возвращались в «церковь» – Храм Разума, чтобы послушать проповедь. Триада «Свобода, Равенство и Братство» также заменила Троицу в качестве объекта поклонения. В некоторых городах богиню Свободы, Разума или Победы олицетворяла женщина, ехавшая на специальной колеснице, как в Шантийи делал это Геркулес. Так, например, было в Антрево 25 января 1793 года [10, с. 116]. Солдаты, пострадавшие на войне, также выступали своего рода мучениками за новую веру.

Интересно, что в разгар религиозных гонений существовали коммуны, где праздник взятия Тулона отмечался песенными мессами и *Te Deum*. Блютель, член Конвента, отдохнувший в одной из коммун департамента Кальвадос, случайно оказался в центре подготовки к празднованию: «Эти добрые люди верили, что *Te Deum* украсит их праздник, и предложили мне пойти в церковь, чтобы спеть его. Хотя я не придерживался того же мнения, я счел неблагодарным пренебречь их решением. Я уступил их желаниям, но воспользовался случаем, чтобы выступить против фанатизма» [8, с. 210]. По словам Вовеля, то же самое происходило в Милльере в Верхней Марне, в Кийбёф-Сюр-Сен (департамент Эр), а также в восточном Провансе и регионе вокруг Ниццы [10, с. 110].

Праздник в честь взятия Тулона во многих муниципалитетах положил начало новому культу – культу Разума, а там, где он уже существовал, поддержал пыл приверженцев. Так, народное общество Компьена (департамент Уаза) разослало по муниципалитетам следующий циркуляр: «Ваши храмы, закрытые для идолопоклонства, открыты для культа Разума, и вы видите, что в природе ничего не нарушилось; нет мессы, нет вечерни, но не стало ни холоднее, ни жарче, чем в то же время в прошлом году. Весной, как обычно, вы увидите, что появляются цветы и зелень, жара последует

за морозами, и урожай будет еще богаче, потому что им станут больше заниматься. Вместо траты время на выслушивание речей о предметах, в которых вы не разбираетесь, вы получите двойную выгоду от изучения всех декад, истории Революции и применения законов на практике. Этот культ может не понравиться тем, кто кормится от алтаря, но пусть они ропщут и наблюдают» [12, с. 518].

В Бове (департамент Уаза) праздник в честь взятия Тулона совместили с чествованием Культа Разума. Узнав о победе, члены Народного общества решили отправиться в Храм Разума, чтобы освободить его от всего, связанного с фанатизмом. Муниципалитет, проинформированный об этом постановлении, выделил работников, необходимых для выполнения данной задачи [12, с. 516]. Также горожанам было предложено иллюминировать фасады своих домов, чтобы создать радостную обстановку. На самом празднике девушки в белом, воины с пальмовыми ветвями в руках, государственные служащие, дислоцированные в Бове войска, граждане всех возрастов доставили изображение богини Победы в Храм Разума, где были исполнены патриотические гимны. Вечером накрыли столы для братской трапезы, а праздник завершился танцами. Близ Бове, в коммуне Труасеро, церемония также окончилась гражданской трапезой, в которой приняли участие все семьи города [12, с. 517].

Как можно заметить, во всех этих праздниках обязательно участвовали представители армии, служившие символом героизма и мужества. Британский историк А. Форрест отмечает, что в 1793–1794 годах подобные праздники имели воспитательный характер: обязательно подчеркивалась приверженность граждан идеалам Республики [13, с. 69]. Их неизменными атрибутами были торжественное шествие, исполнение военной музыки, а в завершение – танцы и распитие алкоголя.

Свои особенности имел праздник в Монако. Генерал Кервеген писал из Ниццы, что он приказал коменданту города Миоллису произвести в день церемонии 12 выстрелов из пушки. Однако

тот умолял муниципалитет позволить ему ввиду нехватки пороха и потребности в патронах лучше приберечь эти выстрелы для «деспотов» из коалиции, находившихся неподалеку [14, с. 549]. Служащие муниципалитета, пройдя накануне в сопровождении военной музыки по главным площадям и улицам города, призвали население принять участие в празднике. Приглашались все гражданские и военные должностные лица. На рассвете 10 нивоза прозвучали три пушечных выстрела. На башне бывшего дворца взвился флаг. Утром беднякам города было роздано 400 фунтов хлеба, а также каждому полагалась сумма в 20 су. На площади Республики воздвигли небольшую гору, на вершине которой находился редут, подобный отбитому у англичан в Тулоне [14, с. 549]. Здесь также состоялось шествие от ратуши до площади Республики, где прозвучал салют из трех пушечных выстрелов. Затем возле Дерева свободы участники процессии и зрители исполнили гимны Отчеству. Далее началось военное представление с атакой на редут, после чего прозвучал очередной победный салют из 6 пушечных выстрелов. На площади для военных и горожан заработали два винных фонтана. Вечером мэр и комендант города организовали общую иллюминацию и салют. Праздник закончился грандиозным «балом санкюлотов» [14, с. 550].

Зачастую процессии возникали стихийно. Так, когда в один из политических клубов коммуны Кресак пришла весть о взятии Тулона, его члены толпой высыпали на улицу и устремились к Дереву свободы. Звучали восторженные возгласы, рукоплескания, обрывки песен. Все стремились поделиться радостью с другими: представители общества отправились в соседние клубы, члены которых присоединились к ним с трубой и барабаном [8, с. 86]. В Провансе, особенно в департаменте Вар, народные общества зачастую не дожидались официального указа об организации ружейного салюта в деревнях и иллюминации в городах, а устраивали все это по собственной инициативе. Всего же в это время произошло 17 спонтанных празднований и около 30 официальных церемоний [15, с. 129].

Хотя согласно декрету торжества назначались на 10 нивоза, в силу задержек в поступлении информации празднества растянулись до плювиоза [10, с. 111]. Так, в Марселе праздничная процессия прошла 20 нивоза. Наряду с военными и антирелигиозными сюжетами здесь присутствовал и образ созидательного труда: в шествии участвовали ремесленники со своими инструментами, были провезены два запряженных волами плуга, за которыми следовали пахари [15, с. 193].

К празднику писались патриотические гимны, в которых прославлялись французы и Республика, осуждались тирания и подлость англичан, порицалась трусость жителей Тулона. Не обходилось без аллегорий с использованием образов Рима и Карфагена, рабов и царей, осквернения вод города кровавыми сосудами и т.п. [16, с. 206]. Обычно на праздниках звучали и здравицы: «Да здравствует Республика! Да здравствует Гора!» [5, с. 1].

Мари-Жозеф Шенье написал гимн по случаю взятия города, в котором выражалась радость от того, что Тулон стал французским и снова угрожает Альбиону. Этот гимн опубликован в газете *Moniteur* [17, с. 402]:

Огни, зажженные порочными врагами,
Обратились против них самих, пав на их головы,
И их корабли, тиранов морей,
Преследуют бури [16, с. 206].

Гимн носил сугубо пропагандистский характер, подчеркивал добродетели французов и кровожадность англичан:

Он будет повсюду пристрелен,
Наглый соперник великодушного народа:
Французам в боях присуща добродетель,
А англичанам – преступление [16, с. 206].

Не обошел Шенье стороной и «предателей» – жителей города:

Рабы ищут царей;
Тулон извергает прочь своих провинившихся жителей;

Иные, более чистые смертные ныне взывают к нашим законам,

На этих приснопамятных берегах [16, с. 206].

В Освобожденной коммуне (Лион) по инициативе народного комиссара Дорфея был напечатан гимн для исполнения 10 нивоза на

площади Оружия. Отчасти он напоминает Марсельезу:

Вставайте, сыны Отечества:
Не бойтесь ярости деспотов,
Их попытки будут беспомощны,
Будем едиными, будем патриотами,
Мы раздавим тиранов [9, с. 537].

В Руане 20 нивоза (9 января 1794 года) с помпой отмечалось возвращение Тулона следующими куплетами:

Французы, смелые республиканцы,
Наслаждайтесь своими завоеваниями.
Лаврами, собранными вашими руками,
Голову вам украсим.
Пусть же победа следует за вами по пятам,
Она по-прежнему ваша спутница.
Слава тоже тянет к вам руки
С вершины Горы.

<...> Чтобы уничтожить своих врагов,
Вам нужна только помощь,
Иди и найди своих друзей,
Они на Горе [9, с. 538].

Стансы на взятие Тулона для горожан Марселя написал Жан-Франсуа де Лагарп. В его куплетах также осуждаются жители Тулона:

Они заплатили за свое вероломство,
Бежав с этими порочными англичанами.
Напрасно подлым пожаром
Они думали отомстить за свои неудачи.
<...> Торжество Свободе повсюду дает законы:
Теперь ее судьба – победить всех королей [16, с. 236].

В гимне затрагивается тема Дюнкерка, который англичане также не смогли заполучить:

Если Дюнкерк был гробом,
Для этих беглецов,
То Тулон созерцает со своих берегов
Крушение их гордости.
Преследуемые нашей мезтью,
Эти враги, некогда столь гордые,
Не должны показываться на обоих морях [16, с. 236].

Комедиант-санкюлот Пик во время публичных торжеств произнес в Комеди речь и прочитал стихи, написанные другим комедиантом-санкюлотом Пепином, где, в частности, утверждалось:

Чтобы победить, санкюлотам
Нужны только руки [18, с. 283].

Пять куплетов на мотив «Марсельезы» исполнялись в Виленев-де-Берг (департамент Ардеш):

Слушай и трепещи, неблагодарный город.
В ответ на твои нечестивые клятвы,
На твоих хозяев и на твои стены обрушится мол-
ния воинов.

Падайте, отвратительные стены,
Тщетно пытайтесь спастись, завоеватели.
Вы, тираны, погибнете [1, с. 3].

Появилась даже детская считалочка:
Сколько нужно пушечных выстрелов
Чтобы разбомбить город Тулон? [18, с. 285].

Возвращение Тулона породило ряд пьес, поставленных на сценах разных театров, например «Безумие Джорджа, или эффект, произведенный на короля Англии новостями», «Взятие Тулона французами», «Покоренный Тулон» и др. [19, с. 418].

Театральный рынок был настолько переполнен постановками такого рода, что театрам иногда приходилось отказываться от них. Тем не менее постановки на эту тему шли и в следующие месяцы и даже годы, но в указанный период их было особенно много. Драматурги черпали вдохновение из атмосферы своего времени, наэлектризованной известиями о триумфе армий Республики [4, с. 60]. Американский исследователь Л. Коннорс отмечает, что Робеспьер заплатил в начале 1794 года 100 тыс. ливров 20 парижским театрам, которые давали бесплатные представления об осаде Тулона [4, с. 56]. В Руане театр должен был показывать патриотические пьесы не реже одного раза в две недели и тоже бесплатно. Эти представления, согласно исследованию С. Бьянки, собирали толпы почти в 2 тыс. зрителей на каждом спектакле [19, с. 422]. Как между авторами, так и между театрами шла жесткая конкуренция за то, чтобы первыми отметить возвращение Тулона Республике. Руанский автор-постановщик Рибье говорит о «священном» энтузиазме, охватившем писателей [19, с. 419].

Зачастую авторы использовали в своих произведениях реальные исторические факты. Например, Бертен д'Антийи включил в свою оперу рассуждения о военной стратегии французских офицеров и представителей Конвента П. Барраса, Ж.-Ф. де Ла Пуа и Л.-М. Фрерона. В заключительном акте Фрерон поднимает

французский флаг и восклицает: «Солдаты Отечества, объединяйтесь под этим знаменем!» [4, с. 56]. Эту фразу якобы произнес настоящий Фрерон вечером 17 декабря 1793 года, незадолго до начала штурма города. Трудно сказать, что на самом деле произнес Фрерон в Тулоне, но эта попытка воспроизведения исторических реалий в театре показывает, что д'Антийи использовал газетные статьи и военные депеши последней недели декабря 1793 года, работая над текстом пьесы всего несколько дней спустя после событий. Те люди, которые не могли ознакомиться с военными сводками, получали информацию о произошедшем именно из подобного рода пьес.

Если по стране шли многочисленные празднества в честь возвращения Тулона, то в окрестностях самого города, где люди непосредственно пострадали от военных действий, а затем от террора «освободителей», церемония прошла без особого блеска. Второго января возвращение города было отпраздновано ружейным салютом, гимнастическими упражнениями, балом с раздачей участникам прохладительных напитков, куда были приглашены отличившиеся санкюлоты. Правда, перед этим на Марсовом поле прошли расстрелы жителей за пособничество англичанам (всего расстреляно 593 чел. [20, с. 150]), поэтому настроение в Тулоне было отнюдь не праздничным. Фрерон и Баррас в своем письме из Марселя описали, как в армии отпраздновали возвращение Тулона. Посреди поля боя была установлена статуя Свободы в лаврах со всеми атрибутами победы. У ее ног лежали скипетры и диадемы. Горожанам запретили «осквернять своим присутствием триумф их победителей: раболепные подданные Людовика XVII не могли вместе с республиканцами прийти поклониться богине французов» [5, с. 1]. Поэтому на Марсовом поле находились только военнослужащие. Там были возложены лавровые венки на знамена всех батальонов, которые после этого прошли под возведенной триумфальной аркой. Флаги проигравших, геральдические лилии и «другие знаки нежной любви тулонцев к своему господину» были

свалены в кучу и преданы огню [5, с. 1]. Солдаты завершили праздник танцами и военными республиканскими песнями.

Тулон вернулся в лоно Франции как раз тогда, когда эта победа была для нее особенно необходима после множества неудач на полях сражений. Правительство Республики не упустило возможности подчеркнуть важность данного события для ее дальнейшей судьбы. Именно этой цели и послужили общенациональные торжества в честь

данной победы. Празднества предназначались для поднятия духа нации и демонстрации силы армии и Республики. В центре мероприятий находился образ солдата-гражданина, служивший образцом для построения концепции республиканского гражданства в целом. Кроме того, эти праздники во многих городах использовались для продвижения культа Разума и дехристианизации, призванной решительно порвать с христианским наследием.

Список литературы

1. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, № 95. Quintidi, 5 Nivôse, l'an 2 de la République Française une et indivisible (25 décembre 1793).
2. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, № 97. Septidi, 7 Nivôse. l'an 2 de la République Française une et indivisible (27 décembre 1793). P. 391.
3. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, № 101. Primidi, 11 Nivôse, l'an 2 de la République Française une et indivisible (31 décembre 1793). P. 399.
4. Connors L.J. Total Theatre for Total War: Experiences of the Military Play in Revolutionary France. *Theatre Surv.*, 2021. Vol. 62, № 1. P. 51–66.
5. Bulletin de la Convention nationale. 1794, 28 janvier.
6. Mercure universel du 21 Ventose l'an a de la République française, une et indivisible (Mardi 11 Mars 1794).
7. Mercure universel du 14 Nivôse l'an a de la République française, une et indivisible (Vendredi, 5 Janvier 1794).
8. Ozouf M. Festivals and the French Revolution. Cambridge: Harvard University Press, 1988. 378 p.
9. Legrand R. Un chant sur la prise de Toulon à Lyon // *Ann. hist. revolut. fr.* 1996. № 305. P. 537–538.
10. Vovelle M. The Revolution Against the Church, From Reason to Supreme Being. Cambridge: Polity Press, 1991. 214 p.
11. Dommanget M. Une fête révolutionnaire en l'an II près de Chantilly // *Ann. revolut.* 1919. Vol. 11, № 1. P. 104–106.
12. Dommanget M. La déchristianisation à Beauvais. La fête et le culte de la raison (Suite) // *Ann. revolut.* 1917. Vol. 9, № 4, P. 512–532.
13. Forrest A. Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire. London: Hambledon Continuum, 2006. 277 p.
14. Combet J. Les fêtes révolutionnaires à Monaco // *Ann. revolut.* 1912. Vol. 5, № 4. P. 544–558.
15. Vovelle M. Les Métamorphoses de la fête en Provence de 1750 à 1820. Flammarion, 1976. 300 p.
16. Poésies révolutionnaires et contre-révolutionnaires, ou Recueil, classé par époques, des hymnes, chants guerriers, chansons républicaines, odes, satires, cantiques des missionnaires, etc., etc., Les plus remarquables qui ont parues depuis trente ans. Paris: Librairie historique, 1821. Vol. 1. 276 p.
17. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, № 100. Decadi, 10 Nivose. l'an 2 de la République Française une et indivisible (30 décembre 1793).
18. du Cheylard R.V. Sanary et le siège de Toulon (suite et fin) // *Rev. hist. revolut. fr.* 1914. Vol. 5, № 18. P. 282–305.
19. Bianchi S. Le théâtre de l'an II (culture et société sous la Révolution) // *Ann. hist. revolut. fr.* 1989. № 278. P. 417–432.
20. Crook M. Toulon in War and Revolution: From the Ancient Régime to the Restoration, 1750–1820. Manchester: Manchester University Press, 1991. 270 p.

References

1. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, n° 95. Quintidi, 5 Nivôse, l'an 2 de la République Française une et indivisible (25 décembre 1793).
2. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, n° 97. Septidi, 7 Nivôse, l'an 2 de la République Française une et indivisible (27 décembre 1793). P. 391.
3. Gazette nationale, ou le Moniteur universel, n° 101. Primidi, 11 Nivôse, l'an 2 de la République Française une et indivisible (31 décembre 1793). P. 399.
4. Connors L.J. Total Theatre for Total War: Experiences of the Military Play in Revolutionary France. *Theatre Surv.*, 2021, vol. 62, no. 1, pp. 51–66.
5. Bulletin de la Convention nationale, 28 January 1794.

6. *Mercur universel du 21 Ventose l'an a de la République française, une et indivisible (Mardi 11 Mars 1794).*
7. *Mercur universel du 14 Nivôse l'an a de la République française, une et indivisible (Vendredi, 5 Janvier 1794).*
8. Ozouf M. *Festivals and the French Revolution.* Cambridge, 1988. 378 p.
9. Legrand R. Un chant sur la prise de Toulon, à Lyon. *Ann. hist. revolut. fr.*, 1996, no. 305, pp. 537–538.
10. Vovelle M. *The Revolution Against the Church: From Reason to the Supreme Being.* Cambridge, 1991. 214 p.
11. Dommanget M. Une fête révolutionnaire en l'an II près de Chantilly. *Ann. revolut.*, 1919, vol. 11, no. 1, pp. 104–106.
12. Dommanget M. La déchristianisation à Beauvais. La fête et le culte de la raison (Suite). *Ann. revolut.*, 1917, vol. 9, no. 4, pp. 512–532.
13. Forrest A. *Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire.* London, 2006. 277 p.
14. Combet J. Les fêtes révolutionnaires à Monaco. *Ann. revolut.*, 1912, vol. 5, no. 4, pp. 544–558.
15. Vovelle M. *Les Métamorphoses de la fête en Provence de 1750 à 1820.* Flammarion, 1976. 300 p.
16. *Poésies révolutionnaires et contre-révolutionnaires, ou Recueil, classé par époques, des hymnes, chants guerriers, chansons républicaines, odes, satires, cantiques des missionnaires, etc., etc., Les plus remarquables qui ont parues depuis trente ans.* Paris, 1821. Vol. 1. 276 p.
17. *Gazette nationale, ou le Moniteur universel, n° 100. Decadi, 10 Nivôse, l'an 2 de la République Française une et indivisible (30 décembre 1793).*
18. du Cheylard R.V. Sanary et le siège de Toulon (suite et fin). *Rev. hist. revolut. fr.*, 1914, vol. 5, no. 18, pp. 282–305.
19. Bianchi S. Le théâtre de l'an II (culture et société sous la Révolution). *Ann. hist. revolut. fr.*, 1989, no. 278, pp. 417–432.
20. Crook M. *Toulon in War and Revolution: From the Ancient Régime to the Restoration, 1750–1820.* Manchester, 1991. 270 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V202

Viktoriya V. Verchenkova

State Academic University for the Humanities;

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin;

prosp. Lenina 51, Yekaterinburg, 620075, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3108-3665> e-mail: viktoriyaverchenkova@mail.ru

THE TRIUMPH OF FREEDOM: A NATIONAL HOLIDAY IN HONOUR OF THE RETAKING OF TOULON (1793)

In December 1793, after the end of the siege of Toulon, which had been in the hands of the British and their allies for three months, a national holiday was declared throughout the French Republic. By that time, such holidays had been completely formed and become systematic as well as acquired their own symbols. Among the essential components were a crowd of spectators, a procession, dancing, music with songs, and a banquet. Since the victory won in Toulon was long-awaited, the events on this occasion had to be grandiose. The author studies the revolutionary festival and highlights its general and special features typical of the regions. Each department celebrated the holiday in its own way: some seized an opportunity to promote the Worship of Reason and de-Christianization, others praised the goddess of victory and the brave soldiers, still others turned it into a kind of a Catholic procession. Further, the article analyses the extensive festival programme in Paris, which was developed by artist Jacques-Louis David and playwright Marie-Joseph Chénier. In some places, however, the processions were spontaneous. Of interest are the “reconstructions” of the battles in Toulon, which were undertaken at some festivals, at which mannequins depicting kings and statesmen of the allies were also burnt. In addition, the author demonstrates how the creative community reacted to the retaking of Toulon: poems and hymns were written all over the country, plays and performances were staged, exposing the tyranny and meanness of the British, as well as the cowardice of the Toulonnais that had surrendered the city, and praising the valour of the Republican soldiers.

Keywords: *French Revolution, siege of Toulon, Toulon, revolutionary holidays.*

Поступила 01.02.2022

Принята 16.08.2022

Опубликована 14.10.2022

Received 1 February 2022

Accepted 16 August 2022

Published 14 October 2022

For citation: Verchenkova V.V. The Triumph of Freedom: A National Holiday in Honour of the Retaking of Toulon (1793). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, no. 4, pp. 28–36. DOI: 10.37482/2687-1505-V202

*АРХИПОВА Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германских языков Новосибирского государственного педагогического университета. Автор 243 научных публикаций, в т. ч. 7 монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0685-335X>

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТАКСИСНЫХ СИТУАЦИЙ, ЛОКАЛИЗОВАННЫХ/НЕЛОКАЛИЗОВАННЫХ ВО ВРЕМЕНИ (на материале немецких высказываний с предложными девербативами)

Статья посвящена проблеме актуализации различных таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности локализованных и нелокализованных во времени действий в современном немецком языке. Материал исследования – немецкие высказывания с предложными девербативами, полученные методом сплошной выборки из Электронного словаря немецкого языка (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache) и Лейпцигского национального корпуса (Leipzig Corpora Collection). Изучено более 7000 фрагментов. В ходе исследования использовались следующие методы: описательный, индуктивный, гипотетико-дедуктивный, метод классификации, метод обобщения и интерпретации языкового материала, а также корпусный и контекстуальный анализ. Рассматриваемые функционально-семантические категории таксиса и временной локализованности/нелокализованности тесно взаимосвязаны. Их межкатегориальное взаимодействие автор характеризует как межкатегориальный кроссинг, детерминирующий различные варианты таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности. В высказываниях с предложными девербативами возможны два типа таксисных категориальных ситуаций, релевантных в аспекте межкатегориального кроссинга категорий таксиса и временной локализованности/нелокализованности: 1) конкретные (локализованные во времени); 2) неконкретные (нелокализованные). Исследование установило, что в немецких высказываниях с предложными девербативами могут актуализироваться сопряженные темпорально-таксисные, итеративно-таксисные и фазово-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности локализованных/нелокализованных во времени действий (процессов, событий). Прототипический характер приобретают при этом множественность конкретных субъектов или объектов глагольных действий, а также различные темпоральные, аспектуальные, итеративные, таксисные, локальные/темпорально-локальные экспликативы (монокомпонентные, бикомпонентные, поликомпонентные). Темпоральные экспликативы участвуют в выражении таксисных категориальных ситуаций

*Адрес: 630126, г. Новосибирск, ул. Виллойская, д. 28; e-mail: irarch@yandex.ru

Для цитирования: Архипова И.В. Актуализация таксисных ситуаций, локализованных/нелокализованных во времени (на материале немецких высказываний с предложными девербативами) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 37–45. DOI: 10.37482/2687-1505-V189

одновременности и разновременности локализованных во времени действий с «точным» или «приблизительным» указанием времени их осуществления или протекания. Локальные/темпорально-локальные экспликативы репрезентируют таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности локализованных во времени действий (процессов, событий) с указанием их конкретного локального или темпорально-локального расположения. Итеративные экспликативы (атрибуты, адвербиалы) обуславливают итеративно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности нелокализованных во времени действий (процессов, событий).

Ключевые слова: таксис, временная локализованность/нелокализованность, локализованные во времени действия, нелокализованные во времени действия, таксисная категориальная ситуация одновременности, таксисная категориальная ситуация разновременности, предложный девербатив, межкатегориальный кроссинг.

Цель настоящей работы – изучение актуализации таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности локализованных/нелокализованных во времени действий в современном немецком языке. Обращение к данному вопросу предопределено недостаточной степенью описания немецких высказываний с предложными девербативами в аспекте реализации таксисных категориальных ситуаций.

Материалом исследования послужили немецкие высказывания с предложными девербативами, полученные методом сплошной выборки из Электронного словаря немецкого языка (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, DWDS¹) и Лейпцигского национального корпуса (Leipzig Corpora Collection, LC²). Общее количество высказываний составило более 7000. Привлечение разнообразного в стилевом отношении эмпирического языкового материала, в частности немецких публицистических и художественных текстов, позволило получить объективные результаты и более полно исследовать изучаемое языковое явление.

Функционально-семантические категории таксиса и временной локализованности/нелокализованности и средства их выражения в разнотипных языках освещаются в работах А.В. Бондарко, Н.В. Семеновой, А.А. Ага-

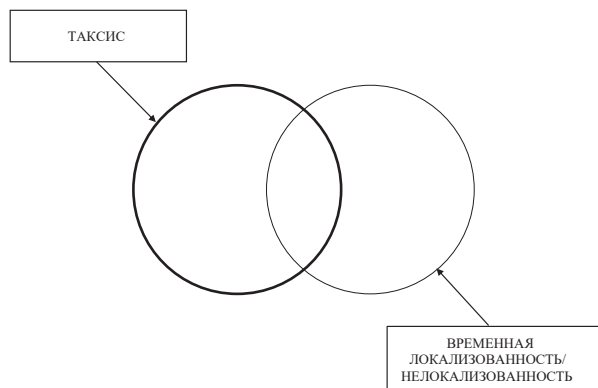
питовой, И.А. Кашуриной, Л.А. Широковой, В.В. Варламовой, И.Н. Смирнова, Н.А. Козинцевой, К.К. Шаршеевой, Э.Г. Мхитарьянц и др. [1–9]. Зарубежные лингвисты рассматривают данные категории лишь в связи с описанием аспектуальных и акционсартных характеристик различных глагольных действий [10–13].

Временная локализованность/нелокализованность (ВЛ/ВНЛ) трактуется как бинарная оппозиция следующих семантических компонентов: 1) конкретность, определенность местоположения действия и ситуации в целом на временной оси; 2) неконкретность, неопределенность местоположения действия и ситуации на временной оси, т. е. неограниченная повторяемость, узуальность или временная обобщенность («вневременность») [3, с. 210]. Категория таксиса трактуется как семантическая категория, характеризующая хронологическое отношение между двумя и более действиями в рамках целостного периода времени и безотносительно к моменту речи, в частности отношение одновременности и разновременности, соотношение основного и сопутствующего действий, а также синкретическое объединение хронологического значения с обстоятельственными значениями логической обусловленности.

¹Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <http://www.dwds.de> (дата обращения: 10.10.2021).

²Wortschatz Leipzig / Leipzig Corpora Collection. URL: <https://wortschatz.uni-leipzig.de/de> (дата обращения: 10.10.2021).

Синкретическое объединение и пересечение функционально-семантических категорий таксиса и ВЛ/ВНЛ делают возможным определить модель их межкатегориального взаимодействия как модель межкатегориального кроссинга (см. рисунок).

Таксис и временная локализованность/нелокализованность: модель межкатегориального кроссинга

Taxis and temporal localization/non-localization: model of intercategory crossing

Межкатегориальный кроссинг функционально-семантических категорий таксиса и ВЛ/ВНЛ специфицирует выражение различных разновидностей примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности (под примарно-таксисными категориальными ситуациями следует понимать таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования в «чистом виде», не осложненные сопутствующими значениями логической обусловленности).

В высказываниях с предложными девербативами репрезентируются два типа категориальных ситуаций, релевантных в аспекте межкатегориального взаимодействия категорий таксиса и ВЛ/ВНЛ: 1) конкретные (локализованные во времени); 2) неконкретные (нелокализованные во времени, повторяющиеся, «вневременные»).

Категория ВЛ/ВНЛ, рассматриваемая как моноцентрическое функционально-семантическое поле, «реализуется» не только через отноше-

ние действий к выражению времени, но и через другие показатели конкретности/неконкретности, в частности через конкретность/неконкретность (неопределенность, обобщенность) субъектов и объектов высказывания [3, с. 228–229].

Категориальная семантика ВЛ/ВНЛ действий в высказываниях с предложными девербативами непосредственно связана с таксисной категориальной семантикой одновременности, следования и предшествования. Локализованность действий во времени в комплексной ситуации высказываний является одним из базовых условий актуализации примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности.

При описании таксисных категориальных ситуаций следует учитывать особенности всей семантической структуры высказываний, в т. ч. аспектуальную семантику девербативов и глаголов, а также такие параметры субъектных и объектных актантов, как одушевленность/неодушевленность, конкретность/абстрактность, единичность/множественность. В последнем случае категория ВЛ/ВНЛ сопряжена с функционально-семантической категорией аспектуальности, в частности с субкатегорией итеративности в аспекте актуализации таксисных категориальных значений дистрибутивной кратности, обусловленных **множественностью объектных или субъектных актантов глагольных действий**, например: *Fotoapparate, Handys und Filmkameras werden im Fahren mit teilweise halbsbrecherischen Verrenkungen in Position gebracht, um das Ereignis aus jedem zu dokumentieren* (DWDS); *Bürger Berlins hatten nach der Rückkehr des Königspaares aus Ostpreußen, 1809, auf einer Insel im Tiergarten den «Luisenstein», eine Arbeit Schadows, mit der Inschrift «Ihrer heimkehrenden Königin» errichtet...* (DWDS); *Nach dem Essen standen alle auf und gingen durch eine Eisentür, die vorher von einem Wandteppich verdeckt war, in das Nachbargebäude* (DWDS).

В приведенных выше высказываниях выражены дистрибутивно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и строгого следования (см. субъекты *Fotoapparate, Handys und Filmkameras; Bürger Berlins; alle*).

Дискретный характер субъектов или объектов действий, эксплицируемый множественным числом субъектных или объектных актантов, выступает в качестве фактора, «дислокализирующего» во времени действия комплексной ситуации высказываний. Дистрибутивная множественность субъектных/объектных актантов действий определяет примарно-таксисные категориальные ситуации дистрибутивной одновременности/разновременности нелокализованных во времени действий.

Прототипичностью характеризуются **темпоральные и аспектуальные экспликативы временной локализованности действий**, указывающие на точное время протекания или осуществления действий (процессов, событий) или их протяженность во времени (длительность) в комплексной ситуации высказывания (например, темпоральные, аспектуальные адвербиалы *in nächster Woche, im nächsten Jahr, in zwei Jahren, im Jahre 1989, im September, im Winter, am Tage, am Abend, am Mittwoch um 9 Uhr, am Freitag, längst, lange, lang, kurz*, а также таксисные адвербиалы *gleich, sofort, unmittelbar, darauf, danach* и таксисно-темпоральные экспликативы *unmittelbar nach dem Treffen am Abend, gleich nach diesem Treffen um 9 Uhr* и др.).

В состав высказываний с предложными деепричастиями могут входить монокомпонентные, бикомпонентные или поликомпонентные маркеры либо квантификаторы. К ним относятся: 1) темпоральные квантификаторы (*heute, morgen, gestern, bald, in nächster Zukunft, im nächsten Monat, in nächster Woche*); 2) аспектуальные квантификаторы с семантикой дуративности (длительности) (*lange, kurz*) или фазовости (*endlich, schließlich*); 3) таксисные квантификаторы, ориентирующие, как правило, на нестрогое (контактное, слабое) следование или частичную одновременность действий (*gleich, direkt, sofort, unmittelbar*), либо комбинированные темпорально-таксисные квантификаторы (*jetzt, in diesem Moment, im gleichen Augenblick*).

В качестве мономаркеров могут выступать отдельные темпоральные, аспектуальные или таксисные адвербиалы, входящие в общую се-

мантическую структуру высказывания. Например, в высказывании *Bei seiner Rückkehr ist der Fischotter heute nicht allein* (LC) в качестве мономаркера выступает темпоральный адвербиал *heute*.

Бикомпонентные маркеры могут включать различную темпоральную лексику (наречия, имена существительные или имена прилагательные), например: *Am Samstagmittag vor der Abreise nach Köln war er der einzige Keeper im Abschlussstraining der Grün-Weißen* (LC); *Bei diesem Treffen im Frühjahr wird stets das Motto des Fellbacher Herbstes bekannt gegeben* (LC); *Das Treffen erfolgt nur einen Tag nach einer Zusammenkunft des Präsidenten der Afrikanischen Kommission* (LC); *Gleich nach der Ankunft brachen sie zu einer gemeinsamen Erkundung des Strandes auf* (LC). В приведенных высказываниях с бикомпонентными темпоральными и таксисным квантификаторами репрезентированы примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования (см. предложные деепричастия *am Samstagmittag vor der Abreise nach Köln, bei diesem Treffen im Frühjahr, einen Tag nach einer Zusammenkunft des Präsidenten der Afrikanischen Kommission, gleich nach der Ankunft*).

В состав поликомпонентных маркеров могут входить наречия, «календарные» имена существительные, а также имена прилагательные или причастия в функции темпоральных, аспектуальных или таксисных адвербиалов (времени, длительности, кратности, фазовости, одновременности и др.): *das Jahr, der Tag, der Abend, der Morgen, der Nachmittag, der Mittag, der Samstagmittag, die Woche, die Stunde, der Montag, der Mittwoch, der Winter, das Frühjahr, bald, morgig, jetzig, gestrig, kurz, lang, abschließend, schließlich, sofort, plötzlich* и др. Например: *Mit dieser Zusammenkunft der EU-Regierungschefs, die am Mittwoch um 9 Uhr beginnt, bricht eine neue Ära an* (LC); *Darauf haben sich die Gemeinden Monschau und Bütgenbach am Freitag bei einem gemeinsamen Treffen verständigt* (LC). В приведенных примерах с поликомпонентными темпоральными и так-

сисными маркерами представлены примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности (см. предложные девербативы *mit dieser Zusammenkunft der EU-Regierungschefs, bei einem gemeinsamen Treffen*).

Темпоральные маркеры различного компонентного состава, как правило, участвуют в языковой репрезентации примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования, следования локализованных во времени действий с «точным» или «приблизительным» указанием времени их осуществления либо протекания.

В состав высказываний с предложными девербативами могут входить **локальные маркеры**, эксплицирующие локальное или темпорально-локальное расположение локализованных во времени действий, например: *Nach einem Treffen mit Petraeus am Montag in New York* twitterte Trump, er sei sehr beeindruckt von ihm (LC); *Klaus sagte dies nach seinem Treffen mit Napolitano am Dienstag in Rom* (LC); *Sie trainierte gestern erstmals nach der Ankunft in Johannesburg* (LC); *Die Äußerungen des Janukowitsch-Vertrauten wurden nur wenige Stunden vor dem Eintreffen der EU-Außenbeauftragten Catherine Ashton in Kiew öffentlich* (DWDS); *Die Ankündigung aus Wien kommt kurz vor dem zweitägigen Treffen der europäischen Innen- und Justizminister im estnischen Tallinn* (LC). Локальные или поликомпонентные темпорально-локальные маркеры участвуют в актуализации примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности или разновременности локализованных во времени действий и процессов, указывая на их конкретное локальное (*in Johannesburg, in Kiew*) или локально-темпоральное расположение (*am Dienstag in Rom, am Montag in New York*). В приведенных выше высказываниях выражены примарно-таксисные категориальные ситуации строгого следования и строгого предшествования (см. предложные девербативы *nach einem Treffen mit Petraeus am Montag in New York, nach seinem Treffen mit Napolitano am Dienstag in Rom, nach der Ankunft in Johannesburg, nur wenige Stunden vor dem*

Eintreffen der EU-Außenbeauftragten Catherine Ashton in Kiew, kurz vor dem zweitägigen Treffen der europäischen Innen- und Justizminister im estnischen Tallinn).

Прототипичностью характеризуются также **итеративные квантификаторы**, в частности итеративные атрибуты (*jeder, mehrfach, mehrmalig*) и итеративные адвербиалы цикличности, кратности, счетного комплекса, узуальности, интервала, а также комплексные итеративные адвербиалы (*wieder, stets, morgens, freitags, mehrmalig, mehrmals, gewöhnlich, manchmal, oft, selten, häufig, meist, meistens* и др.), например: **Bei jedem Treffen** gibt es thematische Schwerpunkte (LC); **Bei jedem unserer Zusammentreffen** diskutierten wir auf Augenhöhe über wichtige Angelegenheiten (LC); *Er benutzt immer dieselben Rezepte, die er elegant und einfallsreich variiert, man kennt seine Manierismen und freut sich doch bei jeder Begegnung auf das Altvertraute* (DWDS); *Er dirigiert deshalb meist im Sitzen* (DWDS). В данных высказываниях репрезентированы сопряженные итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, определяемые наличием итеративных атрибутов *jeder/jede/jedes* и итеративного адвербиала *meist*.

Семантика итеративных адвербиалов обусловливает итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности нелокализованных во времени действий (состояний, процессов, событий). Сравним высказывания с семантикой временной нелокализованности итеративных действий (*Er dirigiert meist im Sitzen*) и временной локализованности с темпорально-таксисным маркером *jetzt* (*Er dirigiert jetzt im Sitzen*). В первом высказывании актуализована итеративно-примарно-таксисная категориальная ситуация одновременности действия глагола и состояния, обозначаемого предложным девербативом *im Sitzen*; итерация примарно-таксисной категориальной ситуации одновременности специфицирована итеративным адвербиалом *meist*. Во втором высказывании с тем же предложным девербативом

im Sitzen и темпорально-таксисным адвербиалом *jetzt* выражена темпорально-примарно-таксисная категориальная ситуация одновременности.

При языковой репрезентации примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности локализованных во времени действий прототипический характер может иметь **аспектуальная семантика глаголов** (в частности, фазовых глаголов с семантикой ингрессивности, эгрессивности или продолжения действия *beginnen, anfangen, starten, fortsetzen, fortfahren, fortführen, weiterführen, weitermachen, dauern, enden, beenden, beendigen, aufhören*), например: ***Bald nach seiner Ankunft in Theresienstadt begannen die Dreharbeiten*** (LC); ***Zeitgleich mit dem Eintreffen des Baumes startete der Aufbau der Hütten für den beliebten Markt*** (LC); ***Mit dieser Begegnung beendet Zeman die Reihe von Gesprächen, die er mit den Spitzenvertretern der Regierungs- und Oppositionsparteien geführt hat*** (LC). В приведенных высказываниях с фазовыми глаголами *beginnen, starten, beenden* выражены следующие фазово-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и следования локализованных во времени действий: 1) ингрессивно-фазово-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и следования с глаголами *starten, beginnen*; 2) эгрессивно-фазово-таксисная категориальная ситуация одновременности с глаголом *beenden*.

Примарно-таксисные категориальные ситуации дистрибутивной одновременности и разновременности нелокализованных во времени действий могут быть реализованы при наличии дистрибутивных глаголов (диверсативов, цислокативов и др.) и множественности субъектных или объектных актантов: ***Camilla suchte nach dem Essen alle Kissen zusammen und machte ihr gewohntes Lager auf der Couch*** (LC); ***Beim Klettern wachsen Teams zusammen*** (LC). В указанных примерах представлены дистрибутивно-примарно-таксисные категориальные ситуации следования и одно-временности (см. глаголы-дистрибутивы *zusammensuchen, zusammenwachsen*).

В следующем высказывании актуализирована дистрибутивно-примарно-таксисная категориальная ситуация одновременности, обусловленная дистрибутивной множественностью субъектных актантов глагольного действия: ***Bei der Abreise versprechen sie sich gegenseitig, nächstes Jahr wieder hierher zu kommen, und man wolle die Verbindung halten, vom Nordpol zum Südpol und umgekehrt*** (DWDS).

В высказываниях с итеративным глаголом *pflügen* с семантикой «иметь обыкновение делать что-либо» возможна языковая репрезентация итеративно-примарно-таксисных категориальных ситуаций узитативности нелокализованных во времени одновременных или разновременных действий, например: ***Auf dem Fußboden lag ein ausgebleichter Teppich, und nur dort, wo der Mann während des Speisens zu sitzen pflegte, war ein neuer, kleinerer mit blühenden Farben gelegt*** (LC); ***Nur einer meiner Mitgäste, den ich nicht nennen will, pflegte in der ersten Zeit nach seiner Ankunft auf einem halbdunklen Absatz der Dienerschaftstreppe heimlich Zigarren zu rauchen...*** (LC).

Таким образом, функционально-семантическая категория таксиса взаимосвязана с категорией ВЛ/ВНЛ. Их межкатегориальный кроссинг предопределяет языковое выражение различных примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования и следования.

В немецких высказываниях с предложными девербативами, содержащих различные таксисные, локальные, темпоральные, темпорально-таксисные, темпорально-локальные, аспектуальные или итеративные маркеры, могут быть репрезентированы сопряженные темпорально-примарно-таксисные, итеративно-примарно-таксисные или фазово-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности либо разновременности локализованных/нелокализованных во времени действий (процессов, событий). В случае дистрибутивной множественности субъектов/объектов действий возможна актуализация дистрибутивно-примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности, предшествования или следования.

Список литературы

1. Агапитова А.А., Кашурина И.А., Ширококова Л.А. Временная локализованность высказывания в немецком языке: моногр. Ростов н/Д.: Изд. центр ДГТУ, 2016. 88 с.
2. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках: моногр. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2020. 173 с.
3. Варламова В.В. Временная локализованность как особая категория современного русского языка // *European Research*. 2017. № 7(30). С. 25–28.
4. Бондарко А.В. Временная локализованность // *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис* / отв. ред. А.В. Бондарко. 7-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2017. С. 210–233.
5. Козинцева Н.А. Временная локализованность действия и ее связи с аспектуальными, модальными и таксисными значениями. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. 143 с.
6. Мхитарьянц Э.Г. Модально-временная локализованность научного текста (на материале немецкоязычных научных статей) // *Проблемы науки*. 2019. № 12(48). С. 74–77.
7. Семенова Н.В. Таксис: история изучения и современное понимание // *Рус. яз. в науч. освещении*. 2004. № 1(7). С. 249–272.
8. Смирнов И.Н. Ситуации временной нелокализованности действия и семантика интервала (на материале русского языка) // *Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании* / отв. ред. А.В. Бондарко, С.А. Шубик. СПб.: Наука, 2000. С. 241–257.
9. Шаршеева К.К. Временная локализованность действия в современном кыргызском языке и общая характеристика семантической категории // *Вестн. Кыргыз.-Рос. Славян. ун-та*. 2019. Т. 19, № 10. С. 86–92.
10. Bartsch R. Situations, Tense, and Aspect: Dynamic Discourse Ontology and the Semantic Flexibility of Temporal System in German and English. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. 300 p.
11. Biskup M. Aktionsart oder Verbalcharakter? Einige Bemerkungen zur Klassifizierung der Aktionsarten im Deutschen // *Tendenzen in der deutschen Wortbildung – diachron und synchron*. Bd. I. Warszawa, 2017. S. 65–75.
12. Aspekt und Aktionsarten im heutigen Deutsch / hrsg. von L. Gautier, D. Haberkorn. Tübingen: Stauffenburg, 2004. 238 s. (*Eurogermanistik: europäische Studien zur deutschen Sprache*, Bd. 19).
13. Nicolay N. Aktionsarten im Deutschen. Prozessualität und Stativität. Tübingen: Max Niemeyer, 2007. 247 s.

References

1. Agapitova A.A., Kashurina I.A., Shirobokova L.A. *Vremennaya lokalizovannost' vyskazyvaniya v nemetskom yazyke* [Temporal Localization of Utterances in the German Language]. Rostov-on-Don, 2016. 88 p.
2. Arkhipova I.V. *Kategoriya taksisa v raznostrukturykh yazykakh* [The Category of Taxis in Languages with Different Structures]. Novosibirsk, 2020. 173 p.
3. Varlamova V.V. *Vremennaya lokalizovannost' kak osobaya kategoriya sovremennogo russkogo yazyka* [Temporary Localization as a Special Category of the Modern Russian Language]. *Eur. Res.*, 2017, no. 7, pp. 25–28.
4. Bondarko A.V. *Vremennaya lokalizovannost'* [Temporal Localization]. Bondarko A.V. (ed.). *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaya lokalizovannost', taksis* [Theory of Functional Grammar: Introduction, Aspectuality, Temporal Localization, Taxis]. Moscow, 2017, pp. 210–233.
5. Kozintseva N.A. *Vremennaya lokalizovannost' deystviya i ee svyazi s aspektual'nymi, modal'nymi i taksisnymi znacheniyami* [Temporal Localization of Action and Its Links with Aspectual, Modal and Taxis Meanings]. Leningrad, 1991. 143 p.
6. Mkhitar'yants E.G. *Modal'no-vremennaya lokalizovannost' nauchnogo teksta (na materiale nemetskoyazychnykh nauchnykh statey)* [Modal-Temporal Localization of Scientific Texts (Based on German-Language Scientific Articles)]. *Problemy nauki*, 2019, no. 12, pp. 74–77.
7. Semenova N.V. *Taksis: istoriya izucheniya i sovremennoe ponimanie* [Taxis: History of Studying and Modern Interpretation]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2004, no. 1, pp. 249–272.

8. Smirnov I.N. Situatsii vremennoy nelokalizovannosti deystviya i semantika intervala (na materiale russkogo yazyka) [Situations of Temporal Non-Localization of an Action and Interval Semantics (Based on the Material of the Russian Language)]. Bondarko A.V., Shubik S.A. (eds.). *Problemy funktsional'noy grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii* [Problems of Functional Grammar. The Categories of Morphology and Syntax in an Utterance]. St. Petersburg, 2000, pp. 241–257.

9. Sharsheeva K.K. Vremennaya lokalizovannost' deystviya v sovremennom kyrgyzskom yazyke i obshchaya kharakteristika semanticheskoy kategorii [Temporal Localization of Action in the Modern Kyrgyz Language and General Characteristics of the Semantic Category]. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiyskogo Slavyanskogo universiteta*, 2019, vol. 19, no. 10, pp. 86–92.

10. Bartsch R. *Situations, Tense, and Aspect: Dynamic Discourse Ontology and the Semantic Flexibility of Temporal System in German and English*. Berlin, 1995. 300 p.

11. Biskup M. Aktionsart oder Verbalcharakter? Einige Bemerkungen zur Klassifizierung der Aktionsarten im Deutschen. *Tendenzen in der deutschen Wortbildung – diachron und synchron*. Vol. 1. Warsaw, 2017, pp. 65–75.

12. Gautier L., Haberkorn D. (eds.). *Aspekt und Aktionsarten im heutigen Deutsch*. Tübingen, 2004. 231 p.

13. Nicolay N. *Aktionsarten im Deutschen: Prozessualität und Stativität*. Tübingen, 2007. 247 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V189

Irina V. Arkhipova

Novosibirsk State Pedagogical University;

ul. Vilyuyskaya 28, Novosibirsk, 630126, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0685-335X> e-mail: irarch@yandex.ru

ACTUALIZATION OF TAXIS SITUATIONS LOCALIZED/NON-LOCALIZED IN TIME (Based on German Utterances with Prepositional Deverbatives)

This article dwells on the actualization of various categorial taxis situations of simultaneity and non-simultaneity of actions localized and non-localized in time in modern German. The material included German utterances with prepositional deverbatives obtained by continuous sampling from the *Digital Dictionary of the German Language (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache)* and *Leipzig Corpora Collection (Wortschatz Leipzig)*. The total number of examined fragments exceeded 7000. The following methods were used: descriptive, inductive, hypothetical-deductive, classification method, generalization and interpretation of linguistic material, as well as corpus and contextual analysis. The functional-semantic categories of taxis and temporary localization/non-localization considered here are closely interconnected with each other. The author defines their intercategory interaction as intercategory crossing, which determines the actualization of different variants of categorial taxis situations of simultaneity and non-simultaneity. In utterances with prepositional deverbatives, two types of categorial taxis situations are possible, relevant in terms of intercategory crossing of the categories of taxis and temporal localization/non-localization: 1) specific (localized in time); 2) non-specific (non-localized). The research found that in German utterances with prepositional deverbatives, interconnected categorial temporal-taxis, iterative-taxis and phase-taxis situations of simultaneity and non-simultaneity of localized/non-localized actions (processes,

For citation: Arkhipova I.V. Actualization of Taxis Situations Localized/Non-Localized in Time (Based on German Utterances with Prepositional Deverbatives). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 37–45. DOI: 10.37482/2687-1505-V189

events) can be actualized. The plurality of specific subjects or objects of verbal actions, as well as various temporal, aspectual, iterative, taxis and local/temporal-local explicators (monocomponent, bicomponent and multicomponent) assume a prototypical character. Temporal explicators participate in the expression of categorial taxis situations of simultaneity and non-simultaneity of actions localized in time with “exact” or “approximate” indication of the time of their implementation or course. Local/temporal-local explicators represent categorial taxis situations of simultaneity and non-simultaneity of actions (processes, events) localized in time, indicating their exact location in space or time. Iterative explicators (attributes, adverbials) determine categorial iterative-taxis situations of simultaneity and non-simultaneity of actions (processes, events) that are not localized in time.

Keywords: *taxis, temporal localization/non-localization, actions localized in time, actions non-localized in time, categorial taxis situation of simultaneity, categorial taxis situation of non-simultaneity, prepositional deverbative, intercategory crossing.*

Поступила 25.01.2022
Принята 16.06.2022
Опубликована 04.10.2022

Received 25 January 2022
Accepted 16 June 2022
Published 4 October 2022

УДК 811.111'01

DOI: 10.37482/2687-1505-V190

МУХИН Сергей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка № 1 Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Автор более 60 научных публикаций, в т. ч. трех учебных пособий и одной монографии*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7891-8725>

ЕФРЕМОВА Дарья Андреевна, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка № 1 Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Автор более 20 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7133-1905>

КЛИШЕ В ПРОПОВЕДИ ВУЛЬФСТАНА *SERMO LUPI AD ANGLOS* КАК ЯВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ

Статья посвящена изучению фразеологии древнеанглийского языка, в частности речевых клише, на материале оригинального памятника позднего древнеанглийского периода. Ставится ряд проблем, первичными из которых являются поиск текстов, потенциально способных выступать источниками языкового материала, и выделение в данных текстах словосочетаний с признаками фразеологизации на основе четких языковых критериев. Гомилетика Вульфстана служит богатым источником таких словосочетаний. Контекстный анализ наиболее известной из проповедей Вульфстана *Sermo lupi ad anglos* – образца риторики начала XI века – демонстрирует широкое употребление автором клишированных образований с преимущественно фразеоматической связью компонентов. Всего в исследовании рассматривается около 40 словосочетаний в 70 контекстах. Верификация фразеологического статуса выделенных словосочетаний осуществляется посредством фразеологической идентификации и компонентного анализа на основе признаков раздельнооформленности, единства фразеологического инварианта и регулярности употребления в текстах письменных памятников древнеанглийского языка. Раздельнооформленность словосочетаний достоверно устанавливается с помощью орфографического, морфологического и синтаксического критериев. Структурно-семантическое единство фразеологического инварианта обеспечивается общей структурной моделью вариантов, наличием общих лексических компонентов и единством значения, опирающимся на семантику ведущих компонентов. Регулярность употребления конкретных единиц предполагает один из трех вариантов: однократное использование в единственном тексте, многократное использование в един-

*Адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; e-mail: s.muhi@inno.mgimo.ru

**Адрес: 119454, Москва, просп. Вернадского, д. 76; e-mail: efremovadarya@yandex.ru

Для цитирования: Мухин С.В., Ефремова Д.А. Клише в проповеди Вульфстана *Sermo lupi ad anglos* как явление фразеологии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 46–56. DOI: 10.37482/2687-1505-V190

ственном тексте, использование в различных текстах. Предпринятый анализ демонстрирует возможность изучения фразеологии древних языков на ограниченном материале сохранившихся текстов. Исследование может представлять интерес для филологов-англистов, специалистов в области фразеологии и истории английского языка.

Ключевые слова: древнеанглийская фразеология, история английского языка, связанное словосочетание, клише, гомилетика, проповеди Вульфстана.

Введение

Из определения, согласно которому клише – это избитое, шаблонное, стереотипное выражение, механически воспроизводимое в типичных речевых и бытовых контекстах либо в данном литературном направлении [1, с. 197], следует, что этот языковой феномен проявляет себя прежде всего на уровне словосочетания. В литературе также используется термин «формульное единство» [2, с. 67], подчеркивающий раздельно-оформленность как одну из структурных характеристик клише. С функциональной точки зрения клише представляют собой «устойчивые, грамматически неоднородные, регулярно воспроизводимые блочные... стандартные реплики в типовых речевых ситуациях, отражающие стереотипы мышления коммуникантов, позволяющие говорящему успешно достигать поставленной коммуникативной цели, способствующие общепонятности и информативности текстов» [3, с. 155].

Появление клише в речи связано с частотностью и повторяемостью речевых ситуаций. В таких условиях у стержневого слова образуется относительно постоянный набор контекстуальных элементов, которые приобретают регулярность употребления. Главный посыл настоящего исследования состоит в том, что полученные таким образом словосочетания со временем становятся явлением фразеологии, т. е. языковыми единицами. Представляется, что фразеологическим единицам (ФЕ), образованным на основе клише, свойственен набор признаков, общих для фразеологии в широком понимании: 1) раздельнооформленность; 2) постоянный состав компонентов в узальных рамках инварианта; 3) регулярная воспроизводимость в речи/текстах; 4) словарная фиксация.

Наряду с этим у ФЕ данной группы можно выделить признаки, обусловленные изначальной природой клишированных фраз: 1) сохранение семантического членения, характерного для свободных словосочетаний; 2) тенденция к стилистической нейтральности и безоценочности. Данные признаки, и прежде всего отсутствие у таких единиц тропеического значения, позволяют по праву отнести ФЕ-клише к сфере фразеоматики. Последнее делает более проблематичной верификацию фразеологического статуса клише. В словаре А.В. Кунина единицы такого типа именуются «необразными штампами» и «предложно-именными сочетаниями с буквальным значением» [4, с. 7].

Настоящее исследование призвано рассмотреть, как вышеперечисленные признаки позволяют установить фразеологическую природу клишированных словосочетаний в письменных памятниках древнеанглийского языка на примере проповеди Вульфстана *Sermo lupi ad anglos*. Актуальность данной проблематики обусловлена потребностью в подробном описании фразеологического фонда английского языка на ранних этапах его становления. Задачи работы: 1) выделить в тексте проповеди Вульфстана фразеологически связанные словосочетания; 2) на основании определенных признаков, характерных для ФЕ, произвести верификацию фразеологического статуса обнаруженных словосочетаний.

Материалы и методы

В ходе исследования использовались методы компонентного анализа, фразеологической идентификации, контекстного анализа и анализа словарных дефиниций, а также метод сплошной выборки.

Объектом лингвистического анализа выступил широко известный памятник письменности начала XI века *Sermo lupi ad anglos*. Авторство произведения принадлежит Вульфстану, архиепископу Йоркскому (?–1023) – выдающемуся религиозному, общественному и литературному деятелю донормандской Англии. Текст написан на древнеанглийском языке в форме проповеди, датируется 1014 годом и дошел до нас в пяти рукописях: British Library. MS Cotton Nero AI. Fol. 110–115; Bodleian Library. MS Bodl. 343. Fol. 143v–144v; Bodleian Library. MS Hatton 113. Fol. 84v–90v; Cambridge Corpus Christi College. MS 201. P. 82–86; Cambridge Corpus Christi College. MS 419. P. 95–112.

В настоящем исследовании рассматривается версия текста в редакции Д. Уайтлок [5].

Выбор данного произведения обусловлен его ценностью как образца риторики, а также общественной значимостью. Проповедь Вульфстана направлена на формирование определенного мировоззрения [6, с. 106] и имеет цель призвать к покаянию и поднять моральный дух адресата, которым выступает весь народ древней Англии, в пору тотального кризиса и упадка общественных институтов и государства [7,

с. 213]. Косвенным подтверждением последнего обстоятельства служит то, что проповедь написана не на латыни, а на родном языке населения страны.

С учетом мотивационной направленности текста, Вульфстан, автор около 50 проповедей, владеющий изощренной стилистической техникой [8, с. 147], использует эффективные языковые средства и приемы, доступные восприятию максимально возможного числа людей. Таким образом, мы исходим из того, что клише, употребляемые в тексте проповеди, были общепонятны аудитории Вульфстана и имели широкое распространение в современном ему языковом сообществе.

Результаты

Клишированные словосочетания в проповеди Вульфстана. В тексте проповеди сравнительно небольшого объема (всего около 2400 слов) методом сплошной выборки обнаружено около 70 случаев употребления примерно 40¹ связанных словосочетаний, выделенных на основе вышеперечисленных признаков. В *таблице* приведен их полный список в том порядке и в той грамматической форме, которые зафиксированы в тексте.

СПИСОК СВЯЗАННЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ПРОПОВЕДИ ВУЛЬФСТАНА *SERMO LUPI AD ANGLOS*

LIST OF BOUND WORD COMBINATIONS IN WULFSTAN'S HOMILY *SERMO LUPI AD ANGLOS*

Древнеанглийское словосочетание	Новоанглийский эквивалент ²	Русский перевод ³
leofan men	<i>beloved men</i>	<i>возлюбленные братья</i>
on ofste	<i>in haste</i>	<i>спешащий</i>
nealæcð fram ende	<i>nears the end</i>	<i>близится к концу</i>
fram dæze to dæze	<i>from day to day</i>	<i>изо дня в день</i>
wide on worolde	<i>widely throughout the world</i>	<i>повсюду на белом свете</i>
æfter oðrum	<i>one upon another</i>	<i>один за другим</i>

¹С учетом вариативности некоторых конкретных ФЕ.

²Новоанглийские эквиваленты приводятся по [9].

³Здесь и далее русский перевод наш. Значение древнеанглийских словосочетаний семантизировано при помощи дефиниций слов-компонентов в словаре Босворта–Толлера [10] и контекстуальных эквивалентов в новоанглийском переводе. Предпочтение при подборе русских эквивалентов отдавалось фразеологическим словосочетаниям.

Окончание таблицы

Древнеанглийское словосочетание	Новоанглийский эквивалент ²	Русский перевод ³
unriht rærde	<i>committed injustices</i>	<i>творили несправедливость</i>
ealles to	<i>all too</i>	<i>очень, чрезвычайно</i>
ʒynd ealle þas þeode	<i>throughout this entire land</i>	<i>по всей стране</i>
laze ʒyme	<i>heed the law</i>	<i>чтобы следовал закону</i>
ʒodes ʒerihhta	<i>God's dues</i>	<i>церковная подать</i>
laze healdan	<i>observe the law</i>	<i>соблюдать закон</i>
mid rihte	<i>justly, by right</i>	<i>как подобает, по праву</i>
on unriht	<i>in unjust ways</i>	<i>незаконно, несправедливо</i>
wide ʒynd þas þeode	<i>everywhere in this nation, throughout this nation</i>	<i>по всей стране</i>
hrædest is to cweþenne	<i>in short</i>	<i>короче говоря</i>
on ʒewelhwylcan ende	<i>in nearly every district</i>	<i>во всех концах</i>
oft & ʒelome	<i>time and again</i>	<i>вновь и вновь</i>
ne heoldan ne lare ne laze	<i>kept neither precepts nor laws</i>	<i>не соблюдали ни заветов, ни законов</i>
wordes & dæde	<i>by words and deeds</i>	<i>словами и делами</i>
ʒelyfe se þe wille	<i>let him believe it who will</i>	<i>да поверит желающий</i>
dreozað þa yrmþe	<i>carry out a miserable deed</i>	<i>влачат жалкое существование</i>
fylþe adreozað	<i>practice foul sin</i>	<i>творяют мерзкий грех</i>
an æfter anum & ælc æfter oðrum	<i>one after another, and each after the other</i>	<i>один за другим, все и каждый</i>
wið weorðe syllað	<i>for a price they sell</i>	<i>продают</i>
ʒodes ʒesceafte	<i>creature of God</i>	<i>Божье творение, человек</i>
ʒesealde... wið weorþe	<i>sold... for a price</i>	<i>продал</i>
understande se þe wille	<i>let him understand it who will</i>	<i>да поймет желающий</i>
wed synd to brocene	<i>vows are broken</i>	<i>обеты нарушаются</i>
ʒecnawe se þe cunne	<i>let him know it who can</i>	<i>да узнает тот, кто может</i>
wyrcð ... to þræle	<i>turns ... into a slave</i>	<i>обращает в рабство</i>
fram sæ to sæ	<i>from sea to sea</i>	<i>от моря до моря, по всей стране</i>
Nis eac nan wundor	<i>It is no wonder</i>	<i>неудивительно</i>
wordes oððe dæde	<i>by word or deed</i>	<i>словом или делом</i>
wide & side	<i>far and wide</i>	<i>повсюду</i>
be ænizum dæle	<i>to any extent</i>	<i>до какой-то степени</i>
mid ealle	<i>even, entirely, altogether, especially</i>	<i>полностью, всецело, вовсе</i>
on ʒodes naman	<i>in the name of God</i>	<i>во имя Божье</i>
be suman dæle	<i>to some extent</i>	<i>в какой-то степени</i>
lazum fylʒean	<i>follow laws</i>	<i>следовать законам</i>
word & weorc	<i>words and deeds</i>	<i>слова и поступки</i>
að & wed wærlice healdan	<i>keep oaths and pledges</i>	<i>держат клятвы и обещания</i>
ʒod ure helpe	<i>God help us</i>	<i>да поможет нам Бог</i>

Идиоматика в данном списке сводится к глагольным единицам, относящимся к структурной модели V+N, в которых просматривается стертая метафора, например: *laze healdan* (соблюдать закон), где основное, первичное значение глагола *healdan* – «держат». Аналогичный случай можно отметить у словосочетания *ad & wed wærlice healdan* (держат клятвы и обещания). Метафорическая основа также фиксируется у словосочетания *nealæcð fram ende* (близится к концу), где темпоральное значение основано на образе, предполагающем семантику пространства и движения. Еще одна стертая метафора усматривается в словосочетании *wed synd to brocene* (обеты нарушаются), где первичное значение глагола *brecan* – «разбивать».

При условии наличия фразеологического статуса подавляющее большинство приведенных словосочетаний представляют собой фразеоматические образования формульного типа. Именно на единицах такого типа сфокусировано основное внимание настоящего исследования.

Верификация фразеологического статуса выявленных словосочетаний. Раздельнооформленность всех приведенных выше словосочетаний не вызывает сомнений. Даже у минимально допустимых в рамках фразеологии двухкомпонентных образований раздельнооформленность четко устанавливается на основании ряда критериев: 1) орфографического; 2) морфологического; 3) синтаксического. Раскроем применение этих критериев в рамках принятой процедуры на примере адвербиального предложно-именного словосочетания *mid rihte* (как подобает, по праву).

Данное словосочетание в памятниках письменности фигурирует именно как сочетание двух раздельно написанных слов, т. е. в различных источниках, характеризующихся индивидуальными особенностями орфографии конкретных писцов, слитное написание не обнаруживается⁴.

Морфологическое обоснование раздельнооформленности состоит в том, что значимые компоненты словосочетаний имеют полноценное падежное оформление лексем в отличие от морфологических основ в составе лексических композитов. Применительно к рассматриваемому словосочетанию *mid rihte* это выражается в том, что существительное *riht* в его составе принимает формант датива *-e*.

Синтаксический критерий проявляет себя в том, что в составе раздельнооформленного словосочетания его компоненты находятся в определенных отношениях друг с другом на синтагматическом уровне. Так, между предлогом *mid* и существительным *riht* устанавливается конкретный вид синтаксической связи – дативное предложное управление, которое обуславливает соответствующий выбор падежной формы управляемого компонента *riht*.

Таким образом, в соответствии со всеми тремя критериями образование *mid rihte* является раздельнооформленным словосочетанием. Флективный строй древнеанглийского языка, предполагающий богатство его морфологии, делает возможным широкое применение описанной процедуры для установления раздельнооформленности словосочетаний.

Другим важным признаком фразеологического статуса рассматриваемых словосочетаний выступает устойчивость компонентного состава в рамках фразеологического инварианта. Несмотря на подменяемость компонентов, общность значения некоторых зафиксированных в памятниках письменности словосочетаний иногда позволяет с большой долей уверенности считать их вариантами одной языковой единицы.

В этом отношении достаточно показательными являются словосочетания из анализируемой проповеди *wide zynd ealle þas þeode* и *wide zynd þas þeode* с общим локативным значением «по всей стране». Единство семантики этих двух словосочетаний не нарушается, несмотря

⁴Например, в законах короля Ательстана начала X века: *þe ze me mid rihte zestrynan mazan* [11, с. 124] (то, что вы по закону можете для меня приобрести).

на возможность эллипса – местоимение *ealle* опускается во втором варианте. Данный прономинальный компонент служит интенсификатором локативного значения, подчеркивая повсеместность явления или действия, например: *unlaza maneze ealles to wide zynd ealle þas þeode* [5, с. 34] (*многие беззакония повсюду в стране*). Задача обеспечения структурно-семантического единства фразеологического инварианта выполняется ведущим компонентом указанного словосочетания, которым в данном случае выступает существительное *þeod* (*народ*). Вариант без местоименного интенсификатора *ealle* встречается в проповеди Вульфстана дважды: *cradolcild zeþeowede þurh wælhreowe unlaza, for lytelre þyffe wide zynd þas þeode* [5, с. 38] (*младенцы жестоко и несправедливо обращаются в рабство за мелкую кражу по всей стране*); *zodbearn to fela man forspilde wide zynd þas þeode* [5, с. 42] (*божьи дети очень многие были убиты по всей стране*). Таким образом, все три приведенных контекста следует считать случаями реализации единой фраземы-клише.

Схожий случай представлен словосочетаниями *be ænizum dæle* и *be suman dæle* со значением «в какой-то степени», различие между которыми обеспечивается одним подменяемым компонентом в виде чередующихся местоимений *æniz* и *sum*. Оба варианта встречаются в тексте рассматриваемой проповеди по одному разу: *þa þe riht lufiað & zodes eze habbað be ænizum dæle* [5, с. 48] (*те, кто любят правду и хоть сколько-то имеют страх перед Богом*); *utan don swa us þearf is zebuзан to rihte & be suman dæle unriht forlætan* [5, с. 52] (*давайте поступать так, как нам должно, обратившись к правде, и неправду хоть в какой-то мере отвергать*). Изложенные выше соображения также позволяют считать эти два словосочетания вариантами единой ФЕ.

В приведенных примерах определяется тот тип фразеологического инварианта, который основан на лексической вариативности. В составе фраземы один и тот же структурный компонент может быть представлен чередующимися лексемами. Наряду с таким типом

инварианта возможен инвариант грамматического типа, у которого вариативность обеспечивается изменением грамматической формы конкретных лексем – компонентов словосочетания. Иногда оба типа инварианта могут быть совмещены в одном фразеологизме. В анализируемом тексте комбинированный лексико-грамматический инвариант представлен словосочетаниями *wordes oððe dæde* и *word & weorc* (*словом или поступком; словом и делом*): *utan word & weorc rihtlice fadian* [5, с. 52] (*давайте слова и дела праведно обустроить*); *mænn na ne rohtan, for oft, hwæt hy worhtan wordes oððe dæde* [5, с. 46] (*людям часто не было дела, что они творили словом или поступком*).

На примере двух приведенных контекстов видно, что лексическая вариативность фразеологизма обеспечивается чередованием существительных *weorc* (*дело*) и *dæd* (*поступок*), которое становится возможным благодаря отношениям синонимии между данными лексемами. Кроме того, подменяемым компонентом также выступает союз, который представлен чередующимися лексемами *and* (*и*) и *oððe* (*или*), выполняющими функцию синтаксического сочинения. Грамматическая вариативность, в свою очередь, обеспечивается чередованием словоформ существительного *word* (*слово*). В первом случае реализуется падежная форма аккузатива множественного числа, а во втором – генитива единственного числа. Общая структурная модель обоих словосочетаний, наличие общих компонентов и, самое главное, их единое значение, основанное на антитезе, позволяют утверждать, что данные словосочетания являются контекстуальными вариантами реализации единого фразеологического инварианта.

Еще один показатель фразеологического статуса рассматриваемых словосочетаний – регулярность их употребления в речи/тексте – представляет для исследователя фразеологии древних языков серьезную проблему, поскольку сравнительно малый объем сохранившихся текстов часто не позволяет собрать достаточный объем данных, чтобы делать

достоверные выводы об узусе того или иного словосочетания. При этом имеющиеся в настоящее время возможности электронного поиска словосочетаний по доступным оцифрованным текстам позволяют установить степень вероятности фразеологического статуса в зависимости от типа употребления: 1) словосочетание зафиксировано один раз в единственном источнике; 2) словосочетание отмечено в двух и более контекстах одного источника; 3) словосочетание употребляется в двух и более источниках. В первом случае степень вероятности фразеологического статуса минимальна, такое словосочетание, скорее всего, является свободным либо может быть отнесено к авторской фразеологии. Во втором случае возрастает вероятность того, что словосочетание принадлежит к авторской фразеологии. В третьем случае словосочетание с наибольшей вероятностью является единицей, входящей во фразеологический фонд языка. Эта вероятность еще более возрастает, если словосочетание встречается в письменных памятниках, значительно различающихся диалектными особенностями и/или датой создания.

Рассмотрим проблему регулярности употребления на примере частотного словосочетания из проповеди *Sermo lupi ad anglos*. Адвербиальное словосочетание *ealles to* (очень, чрезвычайно) – один из самых любимых интенсификаторов у Вульфстана – в тексте анализируемой проповеди фиксируется в 13 контекстах. Компонентами словосочетания выступают две адвербиальные единицы: застывшая падежная форма местоимения *eall* (весь) со значением «полностью, всецело» и неизменяемое наречие *to* (слишком). Структурной особенностью данного образования является то, что в контекстуальной реализации оно обязательно требует распространения в виде наречия либо прилагательного, как в следующих примерах: *worhtan lust us to laze ealles to zelome* [5, с. 40] (превращали желание в закон для нас **слишком часто**); *ealles to tæneze halize stowa wide forwurdan* [5, с. 42] (**очень многие** святые основы повсюду губились).

Помимо фигурирующих в приведенных примерах наречия *zelome* (часто) и прилага-

тельного *maniz* (многий), устойчивый адвербиальный интенсификатор *ealles to* в тексте анализируемой проповеди также сочетается с наречиями *wide* (широко, повсеместно), *swuþe* (очень, сильно), *lanze* (долго).

Широкая употребимость словосочетания *ealles to* в рамках авторского стиля подтверждается фактами его фиксации в других произведениях Вульфстана, в частности в проповеди *Sermo de Baptismate*, где оно сочетается с прилагательным *hlaþol* (смешиливый): *Ne beon ze ofermode ne to weamode ne to niðfulle ne to flitzeorne ne to felawyrde ne ealles to hlaþole* [12, с. 184] (Не будьте гордыми, ни слишком сердитыми, ни склочными, ни скандальными, ни слишком многословными, ни **чересчур смешиливыми**). Схожий пример обнаруживается в проповеди *Her onzund be Cristendome: Ne æniz man ne sy to sacfull ne ealles to zeflitzeorn* [13, с. 205] (Пусть никто не будет ни слишком придирчивым, ни **очень скандальным**).

По имеющимся данным, в письменных памятниках, авторство которых принадлежит не Вульфстану, словосочетание *ealles to* не обнаруживается. Это означает, что, вероятно, его употребление ограничивается исключительно авторским стилем Вульфстана. В то же время эта устойчивая адвербиальная конструкция не осталась обойденной вниманием лексикографов. Так, можно отметить ее фиксацию в формах *ealles to zelanze* (очень долго), *ealles to swiðe* (чересчур) и *ealles to fæste* (слишком сильно) в качестве составных наречий в ранних грамматических глоссариях древнеанглийского языка (см., например: [14, с. 59; 15, с. 58] и др.).

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что словосочетание *ealles to* является по меньшей мере единицей авторской фразеологии. В качестве косвенного подтверждения фразеологического статуса данного древнеанглийского словосочетания выступает тот факт, что в новоанглийском языке оно характеризуется устойчивостью употребления в речевых ситуациях, аксиологически тождественных контекстах из произведений Вульфстана: как правило, в них предполагается неодобре-

ние говорящим описываемой реальности или сожаление⁵.

Рассмотрим в качестве примера данные о регулярности употребления еще одного адвербиального словосочетания из проповеди Вульфстана *Sermo lupi ad anglos* – конструкции *fram dæze to dæze* (изо дня в день). Фразеологическое единство компонентов здесь подкрепляется лексическим повтором, ритмической организацией фразы и аллитерацией того типа, который в данном случае основан на полном лексическом повторе [17, с. 1]. В качестве речевого клише словосочетание представляет собой фразеоматическую единицу с буквальным значением и в анализируемой проповеди встречается в следующем контексте: *swa hit sceal nyde for folces synnan fram dæze to dæze, ær antecristes tocyte, yfelian swyþe* [5, с. 33] (и так обязательно будет становиться гораздо хуже из-за людских грехов **изо дня в день** до пришествия антихриста).

Это единственный контекст в проповеди, где зафиксировано данное словосочетание. Если бы сведения об источниках его употребления ограничивались только рассматриваемым текстом, фразеологический статус словосочетания было бы весьма затруднительно верифицировать. Однако наряду с проповедью *Sermo lupi ad anglos* это же словосочетание употребляется и в других произведениях Вульфстана, в частности в проповеди *De temporibus antichristi: forþam ðeos woruld is fram dæze to dæze a swa lenz swa wyrse* (ибо этот мир **изо дня в день** становится чем дальше, тем хуже) [12, с. 121].

Вместе с тем считать это словосочетание исключительно явлением авторской фразеологии Вульфстана было бы неверно, поскольку обращение к другим памятникам письменности позволяет утверждать, что оно достаточно широко употреблялось в древнеанглийском языке. В частности, оно встречается в записи за

999 год Англосаксонской хроники (рукописи: British Library. MS Cotton Tiberius B. I; British Library. MS Cotton Tiberius B. IV; Bodleian Library. MS Laud misc. 636): *þa ilkede man fram dæze to dæze* [18, с. 999] (тогда вышла задерж-ка **изо дня в день**). Кроме того, данное словосочетание также обнаруживается в Парижской псалтири (рукопись: Bibliothèque nationale de France. MS Fonds lat. 8824): *his soðne naman bealde bletsiað; beornas sæczeað fram dæze to dæze drihtnes hælu* (благословляйте честное имя Его, благовестуйте **со дня на день** спасение Господа) [19, с. 95].

Наличие рассматриваемого словосочетания в Парижской псалтири говорит о том, что оно уже употреблялось по крайней мере за столетие до Вульфстана. Сама рукопись приблизительно датируется 1050 годом, однако собственно древнеанглийский текст псалмов в виде перевода с латинского оригинала был создан в конце IX века [20].

Наконец, еще одним косвенным подтверждением фразеологического статуса словосочетания *fram dæze to dæze* служит тот факт, что оно сохранилось до наших дней и функционирует в новоанглийском языке в качестве фразеологизма⁶.

Вопрос словарной фиксации древнеанглийских фразеологизмов заслуживает отдельного рассмотрения. Специальных фразеологических словарей древнеанглийского языка не существует. Однако примеры сочетаемости лексем, приводимые имеющимися лексическими словарями, позволяют делать некоторые выводы о фразеологическом статусе словосочетаний. Одной из главных задач лексикографии является иллюстрирование языковой нормы, и в этом смысле можно достаточно уверенно говорить о том, что словарные примеры демонстрируют типичную сочетаемость, которая, в свою очередь, выступает необходимым условием фразеологизации.

⁵Так, в словаре Лонгмана приводятся корпусные примеры: а) *His career as a singer was all too short*; б) *Diets started without preparation are broken all too easily*; в) *Apparently, though, it was all too much for her husband – he left very quietly*; и др. [16].

⁶См. [4, с. 200].

Так, авторитетный словарь Босворта–Толлера в статье, посвященной лексеме *dæz* (день), приводит в качестве примера рассматриваемое нами словосочетание *fram dæze to dæze*, снабжая его пометой, указывающей на гомилетику Вульфстана как источник [10, с. 143]. Таким образом, можно предположить, что с точки зрения лексикографии данное словосочетание рассматривается как типичное в отношении сочетаемости компонентов и нормативное настолько, насколько можно говорить о норме применительно к древнеанглийскому языку.

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует возможность изучения фразеологии древнеанглийского языка на материале сохранившихся памятников письменности. Одними из главных задач исследователя данной проблематики являются поиск и выделение фразеологических словосочетаний в древнеанглийских текстах. Предпринятый анализ показал правильность выбора проповедей Вульфстана в качестве потенциального текстового источника фразеологии. Относительно небольшая по объему проповедь *Sermo lupi ad anglos* насыщена связанными словосочетаниями, большинство

из которых представляют собой необразные клише. Одновременно с этим немногочисленные идиомы, также употребляющиеся в тексте проповеди, все без исключения основаны на стертых метафорах. Представляется, что такое преобладание фразеоматики и практически полное отсутствие образной идиоматики вызваны лингвопрагматической установкой проповеди, предназначенной для максимально широкой аудитории, на общедоступность и общепонятность.

При выполнении задач поиска и выделения фразеологического материала в древнеанглийских текстах ключевой следует признать проблему установления фразеологического статуса словосочетаний. Данная проблема во многом решается при помощи критериев раздельнооформленности, единства фразеологического инварианта и регулярности употребления. Первые два критерия выводятся в рамках применения метода фразеологической идентификации. Критерий регулярности употребления словосочетаний предполагает определенную градацию частотных типов употребления, обуславливающих степень вероятности фразеологического статуса конкретных единиц.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004. 569 с.
2. Проскурин С.Г., Проскурина А.В. Формулы и клише «Англосаксонских хроник» // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультур. коммуникация. 2014. Т. 12, вып. 2. С. 66–69.
3. Стрибижнев В.В. Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция: дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2005. 191 с.
4. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Живой яз., 1998. 944 с.
5. *Wulfstan. Sermo lupi ad anglos*. London: Methuen & co., 1952. 96 p.
6. Гришакова Е.С., Золотова М.В., Крайнева Н.М. Древнеанглийская проповедь как средство воздействия на формирование мировоззрения адресата (на примере проповеди Вульфстана) // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2016. № 4(108). С. 105–109.
7. Горелов М.М. Катастрофа завоевания в зеркале христианской морали (по «Проповеди Волка англам») // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 69–86.
8. Шамарова С.И. Жанры проповеди и духовного послания от Раннего Средневековья до современности // Theoretical & Applied Science. 2014. № 4(12). С. 144–149.
9. Lewis S.M. The Sermon of the Wolf to the English. 2014. URL: https://www.academia.edu/9244120/The_Sermon_of_the_Wolf_to_the_Engish (дата обращения: 30.08.2021).
10. Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary Online. URL: <https://bosworthtoller.com/42529> (дата обращения: 27.09.2021).

11. *Attenborough F.L. The Laws of the Earliest English Kings.* Cambridge: Cambridge University Press, 1922. 256 p.
12. *The Homilies of Wulfstan / ed. by D. Bethurum.* Oxford: Clarendon Press, 1957. 384 p.
13. *Wulfstan's Homilies. Her ongynd be Cristendome.* URL: <https://www.helsinki.corpus.arts.gla.ac.uk/browse.py?fs=100&format=html&toc=author&pb=true¶ms=false&pln=true&highlight=&text=wulf10c> (дата обращения: 30.09.2021).
14. *Hickes G. Linguarum vett. septentrionalium Thesaurus grammatico-criticus et archæologicus.* Oxoniæ, 1705. 111 p.
15. *Sisson J.L. The Elements of Anglo-Saxon Grammar: To Which Are Added a Praxis and Vocabulary.* Leeds, 1819. 84 p.
16. *Longman Dictionary of Contemporary English.* URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/all-too> (дата обращения: 26.09.2021).
17. *Chapman D.W. Germanic Tradition and Latin Learning in Wulfstan's Echoic Compounds // J. Engl. Ger. Philol.* 2002. Vol. 101, № 1. P. 1–18.
18. *The Anglo-Saxon Chronicle.* URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/657/pg657-images.html> (дата обращения: 15.09.2021).
19. *The Paris Psalter. Psalm 95.* URL: https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a05_95.htm (дата обращения: 23.09.2021).
20. *Porck T. The Illustrated Psalms of Alfred the Great: The Old English Paris Psalter.* URL: <https://thijsporck.com/2017/03/06/paris-psalter/> (дата обращения: 25.09.2021).

References

1. Akhmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, 2004. 569 p.
2. Proskurin S.G., Proskurina A.V. Formuly i klishe "Anglosaksonskikh khronik" [Formulae and Clichés of the Anglo-Saxon Chronicle]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2014, vol. 12, no. 2, pp. 66–69.
3. Stribizhev V.V. *Rechevye klishe v sovremennom angliyskom yazyke: metakommunikativnaya funktsiya* [Speech Clichés in Modern English: The Metacommunicative Function: Diss.]. Tula, 2005. 191 p.
4. Kunin A.V. *Bol'shoy anglo-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [A Large English-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow, 1998. 944 p.
5. *Wulfstan. Sermo lupi ad anglos.* London, 1952. 96 p.
6. Grishakova E.S., Zolotova M.V., Krayneva N.M. Drevneangliyskaya propoved' kak sredstvo vozdeystviya na formirovanie mirovozzreniya adresata (na primere propovedi Vul'fstana) [Old English Sermon as a Means of Influencing the Formation of the Target Audience's Worldview (Exemplified by Wulfstan's Homily)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, no. 4, pp. 105–109.
7. Gorelov M.M. Katastrofa zavoevaniya v zerkale khristianskoy morali (po "Propovedi Volka anglam") [The Catastrophe of Conquest as Reflected in Christian Morality (Based on the *Sermo lupi ad anglos*)]. Repina L.P. (ed.). *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati* [The Crises of Crucial Epochs in Historical Memory]. Moscow, 2012, pp. 69–86.
8. Shamarova S.I. Zhanry propovedi i dukhovnogo poslaniya ot Rannego Srednevekov'ya do sovremennosti [Genres of Sermons and Spiritual Messages from Early Medieval Epoch up to Modern Time]. *Theor. Appl. Sci.*, 2014, no. 4, pp. 144–149.
9. Lewis S.M. *The Sermon of the Wolf to the English.* 2014. Available at: https://www.academia.edu/9244120/The_Sermon_of_the_Wolf_to_the_English (accessed: 30 August 2021).
10. *Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary Online.* Available at: <https://bosworthtoller.com/42529> (accessed: 27 September 2021).
11. *Attenborough F.L. The Laws of the Earliest English Kings.* Cambridge, 1922. 256 p.
12. *Bethurum D. (ed.). The Homilies of Wulfstan.* Oxford, 1957. 384 p.
13. *Wulfstan's Homilies. Her ongynd be Cristendome.* Available at: <https://www.helsinki.corpus.arts.gla.ac.uk/browse.py?fs=100&format=html&toc=author&pb=true¶ms=false&pln=true&highlight=&text=wulf10c> (accessed: 30 September 2021).
14. *Hickes G. Linguarum vett. septentrionalium thesaurus grammatico-criticus et archæologicus.* Oxoniæ, 1705. 111 p.
15. *Sisson J.L. The Elements of Anglo-Saxon Grammar: To Which Are Added a Praxis and Vocabulary.* Leeds, 1819. 84 p.
16. *Longman Dictionary of Contemporary English.* Available at: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/all-too> (accessed: 26 September 2021).

17. Chapman D.W. Germanic Tradition and Latin Learning in Wulfstan's Echoic Compounds. *J. Engl. Ger. Philol.*, 2002, vol. 101, no. 1, pp. 1–18.

18. *The Anglo-Saxon Chronicle*. Available at: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/657/pg657-images.html> (accessed: 15 September 2021).

19. *The Paris Psalter. Psalm 95*. Available at: https://www.sacred-texts.com/neu/ascp/a05_95.htm (accessed: 23 September 2021).

20. Porck T. *The Illustrated Psalms of Alfred the Great: The Old English Paris Psalter*. Available at: <https://thijsporck.com/2017/03/06/paris-psalter/> (accessed: 25 September 2021).

DOI: 10.37482/2687-1505-V190

Sergey V. Mukhin

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
prosp. Vernadskogo 76, Moscow, 119454, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7891-8725> e-mail: s.muhin@inno.mgimo.ru

Dar'ya A. Efremova

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation;
prosp. Vernadskogo 76, Moscow, 119454, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7133-1905> e-mail: efremovadarya@yandex.ru

CLICHÉS IN WULFSTAN'S *SERMO LUPI AD ANGLOS* AS A PHRASEOLOGICAL PHENOMENON

This paper focuses on Old English phraseology, clichés in particular, using an original text of the later Old English period. A number of problems are pointed out here, the primary ones being finding texts that can serve as sources of linguistic material and, based on clear linguistic criteria, detecting in these texts word-combinations bearing certain signatures of phraseologization. Wulfstan's homilies are a rich source of such word-combinations. A contextual analysis of the early 11th-century *Sermo lupi ad anglos*, Wulfstan's best-known homily, demonstrates an extensive use of phraseological clichés with mainly phraseomatic connection of components. A total of 40 word combinations in 70 contexts are considered here. The phraseological status of the word combinations in question was verified using the methods of phraseological identification and component analysis on the basis of the following characteristics: structural separability, unity of phraseological invariant, and regularity of use in Old English texts. Structural separability is determined by means of spelling, morphological, and syntactic criteria. The structural-semantic unity of the phraseological invariant is underpinned by the common structural pattern of variants, common lexical components, and unity of meaning provided by the semantics of the core components. The following types of regularity of use of specific word combinations were identified: one-time occurrence in a single text, multiple uses in a single text, and occurrence in various texts. The analysis demonstrates how the phraseology of old languages can be studied on limited material. The research can be of interest to linguists specializing in phraseology and history of English.

Keywords: *Old English phraseology, history of English, bound word combination, cliché, homiletics, Wulfstan's homilies.*

Поступила 01.04.2022

Принята 10.08.2022

Опубликована 23.09.2022

Received 1 April 2022

Accepted 10 August 2022

Published 23 September 2022

For citation: Mukhin S.V., Efremova D.A. Clichés in Wulfstan's *Sermo lupi ad anglos* as a Phraseological Phenomenon. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 46–56. DOI: 10.37482/2687-1505-V190

УДК 81'255.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V191

ЧЕРНОВСКАЯ *Маргарита Сергеевна*, кандидат социологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, г. Пушкин). Автор 29 научных публикаций, в т. ч. трех учебных пособий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9133-4193>

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ЯЗЫК В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ **(на материале переводов романа А. Кристи «Десять негритят»)**

В данной статье произведен сопоставительный анализ одновременных переводов романа А. Кристи «Десять негритят» (внутриязыкового перевода на американский английский и межъязыковых переводов на французский, немецкий, русский языки) с точки зрения следования нормам инклюзивного языка и адекватности художественного перевода. Было выявлено, что внутриязыковой перевод на американский английский представляет собой культурно обусловленную адаптацию текста оригинала с исключением лексики, по-иному воспринимающейся в американской культуре. Классические межъязыковые переводы романа на немецкий, французский и русский языки следуют нормам адекватности и эквивалентности. Современные межъязыковые переводы отражают стремление переводчиков в той или иной степени произвести лексические и лексико-грамматические трансформации с целью избегания инвективной лексики, что часто приводит к утрате текстообразующих доминант романа (нагляден современный перевод на французский язык). Продемонстрирована важность сохранения интертекста, отражающего художественный замысел автора, рассмотрены символические доминанты романа в историческом и социокультурном контексте, и сделан вывод о том, что данные доминанты тесно связаны с коллективными представлениями о расовых различиях во второй половине XIX – начале XX века. Показано, что следование новым языковым нормам в переводе не должно нарушать единство художественного произведения; доказана важность передачи авторского замысла, исторического и социокультурного контекста произведения, и даны рекомендации переводчикам по нахождению баланса между требованиями политкорректности и адекватности перевода.

Ключевые слова: художественный перевод, инклюзивный язык, внутриязыковой перевод, межъязыковой перевод, переводческие трансформации, текстообразующие доминанты, интертекст, символические доминанты.

*Адрес: 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, ш. Петербургское, д. 10; e-mail: t000011670@lgumail.ru

Для цитирования: Черновская М.С. Инклюзивный язык в художественном переводе (на материале переводов романа А. Кристи «Десять негритят») // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 57–66. DOI: 10.37482/2687-1505-V191

Художественный перевод – это наиболее сложный вид интеллектуальной и переводческой деятельности, который не может сводиться к простому перевыражению смысла с исходного языка на переводящий и механической замене лексических единиц текста оригинала на лексические единицы текста перевода. Как пишет Т.А. Казакова, речь идет о создании «иноязычного аналога исходного художественного текста в виде вторичной знаковой системы, отвечающей литературно-коммуникативным требованиям и языковым привычкам общества на определенном историческом этапе» [1, с. 24–25]. Как нам представляется, последнее условие должно стать для переводчика художественного текста первостепенным, поскольку ему требуется не только сохранить содержание текста и стилистические средства оригинального произведения, передать менталитет и национальные особенности мышления автора, но и учесть современный социально-культурный фон, так называемый *Zeitgeist* – дух времени, эпохи. Сегодня в западном обществе этим духом времени является идеология политкорректности, которая противопоставляет себя коллективным представлениям ушедших эпох.

Влияние политкорректности на культуру в США и Западной Европе со второй половины XX века и особенно в последние несколько лет нельзя переоценить. Данный феномен тесно связан с социально-политическими и культурно обусловленными изменениями в демократическом обществе, начиная с борьбы с расовой и гендерной дискриминацией и колониальным прошлым и заканчивая установлением новых языковых норм. Очевиднее и ярче всего политическая корректность воплощается в языке и литературе. Изменяется языковая семантика: создаются новые слова, эвфемизмы, появляется табуированная лексика. Новые языковые нормы касаются и классических литературных произведений, а также их переводов.

В данной статье мы предпримем попытку сопоставительного анализа разновременных переводов романа Агаты Кристи «Десять негрят» на самые распространенные языки (американский английский, немецкий, фран-

цузский, русский) в контексте норм языковой инклюзивности, попробуем ответить на вопрос, насколько данные нормы соотносятся с требованиями адекватности и эквивалентности художественного перевода, а также попытаемся дать рекомендации переводчикам, сталкивающимся с проблемой выбора между вышеупомянутыми требованиями. Стоит отметить, что в отечественной переводческой науке крайне мало исследований на данную тему; необходимо упомянуть труды А.А. Касымбековой, посвященные анализу диахронии переводов романов Агаты Кристи [2; 3], и основополагающую статью О.А. Леонтович, в которой рассматривается проблема политкорректности [4]. Мы же, со своей стороны, постараемся объединить переводоведческий и социолингвистический подходы в рассмотрении данной темы. Однако, прежде чем перейти к исследованию, необходимо обратиться к теоретическим основам.

Политкорректность (инклюзивность) как языковой феномен

Понятие «политкорректность» давно уже вышло за пределы политического или социального явления и стало трактоваться как поведенческий и языковой феномен, отражающий стремление носителей языка преодолеть существующую в обществе и осознаваемую им дискриминацию в отношении различных его членов [5, с. 94]. Инклюзивность в качестве синонима политкорректности определяется как «коммуникативная практика (как на институциональном, так и бытовом уровне), направленная на принятие и равенство социальных групп индивидуумов, различающихся по признакам расы, этноса, социального статуса, религиозных верований, гендера, семейного положения, возраста, социоэкономического положения и т. д.» [4, с. 201]. Отсюда следует понятие инклюзивного, т. е. недискриминирующего, языка, из которого исключается инвективная лексика, ориентированная на оскорбление людей по таким признакам, как гендер, раса, возраст, и др., например лексемы *nigger*, *negro*, *Injun*, *cripple*, *retarded*; исключаются также понятия и выражения, связанные с рабством, бедностью, ген-

дерными стереотипами, например *black sheep*, *white collar*, *master bedroom*, *bossy*, *sassy*, *man up* и т. д. [4, с. 201]. Но, как можно видеть, если сам термин «инклюзивность» предполагает акцент на включении, то на практике осуществляется именно исключение целых пластов лексики и идиоматики, причем некоторые лексемы в историческом контексте не считались оскорбительными и дискриминирующими. Так, лексема *negro*, пришедшая в английский язык из испанского, изначально не носила негативной коннотации и просто описывала цвет кожи (как и современная приемлемая лексема *black*), но в настоящее время является абсолютным табу. Итак, инклюзивный, или политически корректный, язык – это социально приемлемый, социокультурно обусловленный язык, меняющийся вместе с нормами, которые заново создаются и меняются в западном обществе.

Под новые нормы инклюзивности подпадают труды литературных классиков. В новом издании книги «Приключения Гекльберри Финна» Марка Твена лексема *nigger* исключена и заменена на *slave*, а в романе «Приключения Тома Сойера» лексема *injun* как составная часть имени *Injun Joe* заменена на *Indian Joe*. В новой телеверсии книги Астрид Лингрен «Пеппи Длинныйчулок», любимой детьми всего мира, отсутствуют несколько эпизодов, в т. ч. тот, в котором исчезнувший отец Пеппи называется негритянским королем. В другой классической детской книге, на этот раз известного немецкого писателя Отфрида Пройслера, издатели решили удалить целые отрывки, включающие упоминание лексем *negro* и *Eskimo girls*. И, наконец, ярким примером адаптации художественных произведений к новым языковым нормам является объект нашего исследования – роман Агаты Кристи «Десять негритят», а точнее, его переводы. Роман вышел в свет в ноябре 1939 года под названием *Ten little niggers* и сразу сделал автора самым известным и продаваемым романистом всех времен. Он переведен более чем на 50 языков, был экранизирован 8 раз и входит в «100 лучших детективных романов всех времен».

Далее нами будут рассмотрены и проанализированы отрывки из переводов романа Агаты Кристи «Десять негритят» на предмет соблюдения норм инклюзивного языка и адекватности перевода.

Внутриязыковой перевод романа «Десять негритят»

В Англии название и текст романа «Десять негритят» оставались неизменными вплоть до 1985 года. Но уже в 1940 году роман вышел в США под названием *And then there were none*. И данное издание можно признать примером внутриязыкового перевода.

Прежде всего, необходимо остановиться на самом понятии «внутриязыковой перевод». Р. Якобсон выделял три способа интерпретации вербального знака, соответствующих трем способам перевода: внутриязыковому, межъязыковому и межсемiotическому [6, с. 16–24]. В контексте данного исследования мы оперируем понятиями «межъязыковой» и «внутриязыковой» перевод: в первом случае идет речь об интерпретации вербальных знаков посредством какого-либо другого языка (перевод в традиционном понимании); во втором – об интерпретации с помощью других знаков того же языка, т. е. других слов (синонимов/парафразы). Л.Л. Нелюбин расширяет понятие внутриязыкового перевода: «...это перекодирование текста из одного функционального стиля в другой, пересказ на том же языке, изложение, адаптирование и т. д.» [7, с. 31–32]. Здесь ключевым словом, на наш взгляд, является «адаптирование»; следовательно, можно говорить об адаптации текста оригинала с целью обеспечения его понимания людьми иной культуры. Так, С.И. Сидоренко пишет, что если речь идет о трансформации текста на британском английском языке в текст на американском английском, то такой внутриязыковой перевод обозначается как «межвариантный», т. е. основанный на народном (национальном) или региональном варианте какого-либо языка [8]. Некоторые исследователи приравнивают такой вариант перевода к «синхроническому» (в отличие от диахронического, при котором осуществляется адаптация произведений,

написанных в прошлые века) [9, с. 295] или обозначают его как «нормализацию» в русле политической корректности [10].

Действительно, как мы увидим на примере внутриязыкового перевода романа «Десять негрят» [11], трансформации в тексте переводящего языка могут быть связаны не столько с разным обозначением слов в американском и британском вариантах, сколько с культурно обусловленным восприятием текста носителями иной культуры, пусть и говорящими на том же языке. Так, как уже говорилось ранее, издатели поменяли оригинальное название романа *Ten little niggers* на *And then there were none* (пьеса с одноименным названием и с измененной самой писательницей концовкой вышла в 1943 году), поскольку лексема *nigger* считалась в США оскорбительной уже с начала XX века. Кроме того, в тексте все упоминания и отсылки к данной лексеме были заменены на лексему *Indians* (однако впоследствии, когда и данная лексема стала неприемлемой с точки зрения норм инклюзивного языка, ее заменили на *soldiers*). Вместо *Nigger Island* в тексте появился *Indian Island*. Фигурки негрят (*little nigger boys*) трансформировались в *little Indian boys*, в т. ч. и в тексте детской считалочки.

Весьма примечательна трансформация авторского описания Негритянского острова: *Nigger Island*. <...> *It had got its name from its resemblance to a man's head – a man with negroid lips* [12, с. 19]; *But there was no house visible, only the boldly silhouetted rock with its faint resemblance to a giant negro's head* [12, с. 27]. Выделенное в первом примере словосочетание («человек с негроидными губами») в тексте перевода заменено на *an American Indian profile* [11, с. 14] («профиль индейца»), а во втором примере словосочетание «гигантская голова негра» – на *a giant Indian's head* [11, с. 20] («огромная голова индейца»).

Таким образом, внутриязыковой перевод романа демонстрирует культурно обусловленную адаптацию текста оригинала на том же языке, но с исключением или заменой лексем, которые считаются инвективными в американском обществе.

Межъязыковые переводы романа «Десять негрят»

Обратимся к сопоставительному анализу отрывков межъязыковых переводов романа «Десять негрят» на немецкий, французский и русский языки. В Германии переводчики хранили верность оригиналу до 2003 года, во Франции – до 2020 года, когда издатели получили согласие правнука Агаты Кристи Джеймса Причарда на внесение изменений в переводной текст. Помимо всего прочего, комментируя свое решение, потомок Агаты Кристи отметил: «Мы больше не должны использовать термины, которые могут ранить» [13]. В итоге переводчик нового издания поменял название романа на *Ils en étaient dix* («Их было десять») и осуществил замены в тексте произведения. Что касается России, то текст романа известен нашей аудитории главным образом по переводу Л. Беспаловой (1989 год), в котором и название, и текст полностью соответствуют оригиналу; также стоит упомянуть перевод В. Селиной (1992 год) с измененным названием «И тогда никого не осталось» и более современный перевод Н.В. Екимовой (2015 год) с некоторыми отступлениями от оригинала.

Для начала рассмотрим два перевода романа на немецкий язык, осуществленные одной и той же переводчицей Сабиной Дайтмер (1999 и 2003 годы). В первом переводе название романа не претерпело каких-либо изменений – *Zehn kleine Negerlein*. Не произошло и замен лексической единицы *nigger* на протяжении всего текста. При передаче названия острова переводчица прибегла к прямому переносу, оставив оригинал *Nigger Island*. Обратимся к переводу описаний острова: *Nigger Island*. *Er erinnerte sich an Nigger Island aus seiner Jugendzeit*. <...> *Der Namen hatter er von seiner Ähnlichkeit mit einem Männerkopf – einem Kopf mit negroiden Lippen* [14, с. 15] («голова с негроидными губами»); *Aber es war kein Haus zu sehen, nur die kühnen Umriss des Felsens, der an einen gigantischen Negerkopf erinnerte* («гигантская голова негра») [14, с. 20]. Таким образом, можно наблюдать практически дословный перевод лексем исходного

языка. Что касается считалки про негрят, то и она была переведена на немецкий язык без потерь центральной лексемы (*zehn kleine Negerlein*).

Однако в 2003 году вышел альтернативный перевод романа уже под другим названием – *Und dann gabs keines mehr* (*And then there were none*). В тексте романа также произошли некоторые изменения. Несмотря на то, что название острова осталось прежним (прямой перенос – *Nigger Island*), при описании острова переводчица прибегла к заменам лексем, считающихся инвективными: *Nigger Island*. <...> *Der Namen hatte er von seiner Ähnlichkeit mit einem Männerkopf – einem Kopf mit wulstigen Lippen* [15, с. 21]; здесь переводчица применила описательный перевод, заменив словосочетание «голова с негроидными губами» на словосочетание «голова с пухлыми губами». Далее обратим внимание на описание Веры Клейторн: *Aber es war kein Haus zu sehen, nur die kühnen Umrisse des Felsens, der an einen gigantischen Männerkopf erinnerte* [15, с. 27]; в переводе скала сравнивается с огромной головой человека, таким образом, переводчица осуществила прием генерализации. Что же касается стишка-считалочки, то при переводе не произошло замен лексемы *nigger*. Можно сделать предположение, что во втором переводе, выполненном в русле политкорректности, переводчица решила максимально мягко и бережно адаптировать текст оригинала, произведя как можно меньше замен.

В обоих переводах сохранены доминанты – текст считалочки и название острова. Так, если в первом переводе прямой перенос названия острова как прием форенизации демонстрирует некоторую чужестранность и таинственность англоязычной реалии, то во втором этот же прием в переводе воспринимается как желание максимально дистанцироваться от «опасной» лексемы, подчеркнуть ее чужеродность. На наш взгляд, переводчица нашла удачный баланс в сохранении текстообразующих элементов оригинала, произведя при этом необходимую в рамках норм инклюзивности адаптацию остальных элементов текста, включающих инвективную лексику.

Далее проанализируем межъязыковые переводы романа **на французский язык** (1980 и 2020 годы). В первом переводе романа название звучало как *Dix petits nègres*, соответственно, в переводе сохранилась лексема *Nègre*: название острова – *l'Île de Nègre*, фигурки – *dix petits nègres*. Что касается описания острова, то переводчик также передал сравнение скалы с губами/головой человека негроидной расы: *un homme aux lèvres négroïdes* [16, с. 13], *un gigantesque tête de nègre* [16, с. 19]. В последнем (политкорректном) варианте перевода романа, под новым названием *Ils en étaient dix*, лексема *nègre* заменена на *soldat*: *L'île de Soldat* («Солдатский остров»), *dix petits soldats* («десять маленьких солдатиков»). Соответственно, в описании острова произошли существенные изменения и добавления: скала сравнивается с *une tête d'homme portant un casque* [17, с. 14] или *une gigantesque tête d'homme casqué* [17, с. 17], т. е. с головой человека в каске. По замыслу автора романа, топоним *Nigger Island* получил свое наименование по фактическому признаку схожести внешнего вида скалы острова с головой человека негроидной расы, для черт лица которого характерны крупные, выдающиеся губы. Как мы видим, во внутриязыковом переводе из-за замены лексемы вид скалы меняется, поскольку внешний вид индейца иной: вместо «негроидных» губ появляется образ индейского профиля, т. е., вероятно, орлиный, крючковатый нос. При современных переводах на немецкий и французский языки понятие расы исключено и облик скалы сравнивается просто с огромной головой человека (с пухлыми губами) или с головой человека в каске (т. е. солдата).

Перейдем к анализу особенностей трех переводов романа **на русский язык**. В первом переводе (Л. Беспаловой) лексемы *niggers/negro* были сохранены: *Негритянский остров*, фигурки *негрят*. Это связано с тем, что в России данная лексема никогда не воспринималась как инвектив; не случайно, что и термин «негроидная раса» является научным. Что касается описаний острова, то в первом из них, представленном мистером Блором, переводчица заменяет

a man with negroid lips на **профиль человека с вывороченными губами** [18, с. 366], произведя, таким образом, добавление и описательный перевод; во втором сравнении (внутренний монолог Веры Клейторн) перевод дословный: **...напоминавшем гигантскую голову негра** [18, с. 371]. В переводе В. Селиной название топонима передано своеобразно – переводчица прибегла к транслитерации (*Остров Ниггер*), однако лексемы *negro/little niggers* в переводе были переданы дословно: *Остров... <...> ...напоминал голову человека – человека с негроидными губами* [19, с. 13], *...голая скала, похожая на голову негра* [19, с. 18].

Более примечателен и, на наш взгляд, удачен современный перевод Н. Екимовой. Лексема *nigger* в переводе сохранена (*Негритянский остров, негритята*), однако в описании острова заметны трансформации, выполненные, несомненно, в контексте политкорректности. В первом описании переводчица полностью опускает сравнение скалы *it had got its name from its resemblance to a man's head – a man with negroid lips*. Второе сравнение переведено так: *...Только скала чернела на фоне неба, резкими очертаниями смутно напоминая человеческую голову с толстыми губами и носом* [20, с. 25]. Весьма изящное решение – опустить «неудобную» лексему, применив описательный перевод. Еще один пример замены лексемы *nigger*: слова Роджерса, который решает запереть фигурки негритят в шкафу (*“No more nigger tricks tonight”*) [20, с. 172], в переводе переданы как *«хватит с меня этих штук с фарфоровыми игрушками»* [20, с. 136] (прием генерализации).

Итак, исследование показало: в примерах внутриязыкового и межъязыковых переводов были произведены замены и даже опущения лексем, считающихся оскорбительными по расовому признаку, что демонстрирует интенцию переводчиков следовать нормам политкорректности и инклюзивного языка. Однако стоит отметить, что в общем и целом в немецкой и российской переводческой традиции к оригиналу романа отнеслись бережно, поставив во главу угла основной постулат переводчика о неприкосновенно-

сти исходного текста и его доминант. Переводы романа на русский язык практически не были затронуты политкорректными трансформациями, за исключением более свежего перевода Н. Екимовой.

Символическое пространство романа «Десять негритят» и переводческие трансформации

Передача в переводе лексем-инвективов – не единственная сложность, с которой сталкиваются современные переводчики. И эта сложность не в том, как удачно и адекватно передать или заменить данные лексемы в переводе, а в том, что и само название романа, и центральный топоним, и фигурки негритят являются смыслообразующими, символическими доминантами романа, формируя вертикальный контекст (детская считалочка про негритят) и интертекст произведения. Их произвольная замена или опущение в переводе неизбежно ведут к искажениям, потере смысла и авторского замысла. Так, в качестве примера важности сохранения интертекста выступает диалог Веры Клейторн и Эмили Брент, который произошел уже после нескольких смертей: *Emily Brent... said: “<...> Well, there is that Mr. Lombard. He admits to having abandoned twenty men to their deaths.” Vera said: “They were only natives...” Emily Brent said sharply: “Black or white, they are our brothers.” Vera thought: “Our black brothers – our black brothers. Oh, I’m going to laugh. I’m hysterical. I’m not myself...”* [12, с. 107]; *...Но мистер Ломбард, например, сам признался, что обрек на смерть двадцать человек. – Да это же туземцы, – сказала Вера. – Черные или белые, наши братья равно, – наставительно сказала мисс Брент. «Наши черные братья, наши братья во Христе, – думала Вера. – Господи, да я сейчас расхожусь. У меня начинается истерика. Я сама не своя...»* [18, с. 417]. В макроконтексте произведения понятна истерическая реакция Веры на отповедь миссис Брент: образ туземцев (*черных братьев*), обреченных Ломбардом на смерть, вызывает у нее ассоциации с фигурками негритят и тем местом, где они находятся, – символами ужаса и неотвратимости смерти, поэтому без

сохранения в переводе наименований острова и фарфоровых фигурок затаенный смысл реакции Веры неизбежно теряется, как и теряется смысл всей беседы. И если некоторые переводчики хотя бы сохраняют в переводе лексему *black (noirs* во французском языке), т. к. она считается вполне политкорректной, то другие (например, во втором переводе на немецкий язык) и вовсе опускают ее, лишая диалог персонажей исходного значения, состоящего в прямой ассоциации погибших темнокожих туземцев с фигурками негритят.

Но вернемся к глубинному символизму романа. Что означают образы Негритянского острова и десяти негритят? «Десять негритят» – комическая песенка, которая изначально появилась в Америке, а далее стала популярной и в Великобритании в виде детской считалки. Как пишет исследователь Т.М.Б. Андерсон, во второй половине XIX века, после окончания гражданской войны в США, эта песенка исполнялась на шоу менестрелей, т. е. на особых развлекательных представлениях, высмеивающих недостатки бывших рабов, такие как лень, жестокость и невежество, которые требуют порицания и наказания (поэтому по сюжету песенки все негритята погибают) [21]. Таким образом осуществлялся некий культурный остракизм – исключение черной расы. К началу XX века стишок утратил свое первоначальное значение, превратился в шутивную детскую песенку: по ней дети разучивали счет. Однако некоторые исследователи творчества Агаты Кристи считают, что кажущаяся невинность появления в тексте романа детского стишка, знакомого англичанам с детства, обманчива. Так, литературный критик Элисон Лайт полагает, что в образах Негритянского острова и десяти негритят кроется глубинный, архетипический символ «инаковости», «темной стороны» личности (не случайно, что в романе каждый персонаж – одновременно и жертва, и убийца) и «расовых страхов, вплетенных в подсознание британского среднего класса с колыбели» [22, с. 98–99]. Десять негритят – это и есть, по сути, воплощение

страхов героев романа: страха смерти, страха преступления, страха наказания, страха бессмысленности происходящих на острове событий и бытия в целом; это также более глубинный, культурно обусловленный страх чего-то «темного», зловещего, непонятного, иного, что должно было ассоциироваться у читателей начала XX века с образами негритят и что, несомненно, обусловлено коллективными представлениями о расовых различиях, которые были зафиксированы и в более ранней, так называемой империалистической литературе (например, в романе Дж. Конрада «Сердце тьмы»).

Итак, наше исследование показало, что перевод романа «Десять негритят» (и любого другого классического произведения) в русле новых языковых норм ставит вопрос не столько об адекватности переводческих трансформаций, сколько об адекватной передаче авторского замысла и о функциональной эквивалентности художественного перевода в целом. Крайне важно учитывать культурный, социальный и исторический контекст произведения. Переводчики художественных произведений должны оставаться верны оригиналу, не допускать изменений и искажений текста в угоду любой идеологии. Для того же, чтобы помочь читателю и облегчить восприятие языковых и культурных норм и коллективных представлений прошлого, необходимы переводческий комментарий, историческая справка. Тогда главные задачи перевода – полная передача не только смысла, но и национальных особенностей мышления – будут достигнуты в полной мере, а художественное единство оригинала и замысел автора будут сохранены. В переводческий комментарий к роману «Десять негритят» могли бы войти предыстория создания песенки-считалки про десять негритят, исторический экскурс в колониальное прошлое Англии, описание норм поведения и культурных стереотипов английского среднего класса. Таким образом, проблема совмещения инклюзивности и адекватности перевода художественного текста была бы решена путем достижения необходимого баланса.

Список литературы

1. Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 224 с.
2. Касымбекова А.А. О внутриязыковом переводе в условиях поликультурности и диахронии // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2019. № 2. С. 117–127. DOI: [10.18384/2310-712X-2019-2-117-127](https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-2-117-127)
3. Касымбекова А.А. Диахрония перевода художественной литературы как проблема адекватности (на материале романа Агаты Кристи «Десять негритят») // Теория языка и межкультур. коммуникация. 2019. № 4(35). С. 113–122. URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/13_%D0%A%D0%B0%D1%81%D1%8B%D0%BC%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 25.11.2021).
4. Леонтович О.А. Политическая корректность, инклюзивный язык и свобода слова: динамика понятий // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25, № 1. С. 194–220. DOI: [10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220](https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220)
5. Цурикова Л.В. Политическая корректность как социокультурный и прагмалингвистический феномен // Эссе о социальной власти языка / под общ. ред. Л.И. Гришаевой. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 94–102.
6. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. ст.: [Переводы] / вступ. ст. и общ. ред. В.Н. Комиссарова. М.: Междунар. отношения, 1978. С. 16–24.
7. Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
8. Сидоренко С.И. К вопросу о статусе и типологии внутриязыкового перевода // Язык и культура в эпоху глобализации: сб. науч. тр. по материалам первой междунар. науч. конф. «Язык и культура в эпоху глобализации». Вып. 1: в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2013. С. 194–203.
9. Стрельцов А.А. Определение статуса внутриязыкового перевода в XXI веке // Вопр. журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40, № 2. С. 292–300. DOI: [10.52575/2712-7451-2021-40-2-292-300](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2021-40-2-292-300)
10. Орлова О.С. Языковой аспект политической корректности как внутриязыковой перевод // Вестн. Моск. ин-та лингвистики. 2015. № 1. С. 48–55.
11. Christie A. And Then There Were None. St. Martin's Press, 2004. 237 p.
12. Кристи А. Десять негритят: роман: на англ. яз. М.: Менеджер, 1999. 288 с.
13. «Dix Petits Nègres» d'Agatha Christie change de nom // Le Point. 2020. 26 août. URL: https://www.lepoint.fr/culture/dix-petits-negres-d-agatha-christie-change-de-nom-26-08-2020-2389026_3.php (дата обращения: 15.11.2021).
14. Christie A. Zehn kleine Negerlein. Bern: Scherz Verlag, 2001. 213 s.
15. Christie A. Und dann gabs keines mehr. Hachette Collections, 2008. 283 s.
16. Christie A. Dix petits negres. Librairie des Champs-Élysées, 1980. 201 p.
17. Christie A. Ils étaient dix. Paris: Editions du Masques, 2020. 228 p.
18. Кристи А. Загадка Эндхауза. Восточный экспресс. Десять негритят. Убийство Роджера Экройда: романы: пер. с англ. М.: Правда, 1991. 704 с.
19. Кристи А. И тогда никого не осталось / пер. В. Селиной. Волгоград, 1992. 174 с.
20. Кристи А. Десять негритят / пер. с англ. Н.В. Екимовой. М.: Изд-во «Э», 2016. 288 с.
21. Anderson T.M.B. “Ten Little Niggers”: The Making of a Black Man's Consciousness. URL: <https://folkloreforum.net/2009/05/01/%e2%80%9cten-little-niggers%e2%80%9d-the-making-of-a-black-man%e2%80%99s-consciousness/> (дата обращения: 28.06.2022).
22. Light A. Forever England: Femininity, Literature and Conservatism Between the Wars. Routledge, 2001. 280 p.

References

1. Kazakova T.A. *Khudozhestvennyy perevod: v poiskakh istiny* [Literary Translation: In Search of Truth]. St. Petersburg, 2006. 224 p.
2. Kasymbekova A.A. O vnutriyazykovom perevode v usloviyakh polikul'turnosti i diakhronii [Intralingual Translation in Conditions of Polyculture and Diachrony]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Lingvistika*, 2019, no. 2, pp. 117–127. DOI: [10.18384/2310-712X-2019-2-117-127](https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-2-117-127)
3. Kasymbekova A.A. Diakhroniya perevoda khudozhestvennoy literatury kak problema adekvatnosti (na materiale romana Agaty Kristi “Desyat' negriyat”) [Diachrony of Translating Fiction as a Problem of Adequacy (Based on Agatha Christie's Novel *And Then There Were None*)]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2019, no. 4,

pp. 113–122. Available at: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/13_%D0%9A%D0%B0%D1%81%D1%8B%D0%BC%D0%B1%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf (accessed: 25 November 2021).

4. Leontovich O.A. The Dynamics of Political Correctness, Inclusive Language and Freedom of Speech. *Russ. J. Linguist.*, 2021, vol. 25, no. 1, pp. 194–220 (in Russ.). DOI: [10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220](https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-194-220)

5. Tsurikova L.V. Politicheskaya korrektnost' kak sotsiokul'turnyy i pragmalingvisticheskiy fenomen [Political Correctness as a Sociocultural and Pragmalinguistic Phenomenon]. Grishaeva L.I. (ed.). *Esse o sotsial'noy vlasti yazyka* [Essays on the Social Power of Language]. Voronezh, 2001, pp. 94–102.

6. Jakobson R. O lingvisticheskikh aspektakh perevoda [On the Linguistic Aspects of Translation]. Komissarov V.N. (ed.). *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike* [Questions of the Theory of Translation in Foreign Linguistics]. Moscow, 1978, pp. 16–24.

7. Nelyubin L.L. *Tolkovyy perevodovedcheskiy slovar'* [Explanatory Translatological Dictionary]. Moscow, 2003. 320 p.

8. Sidorenko S.I. K voprosu o statuse i tipologii vnutyazykovogo perevoda [On the Status and Typology of Intralingual Translation]. *Yazyk i kul'tura v epokhu globalizatsii* [Language and Culture in the Era of Globalization]. Iss. 1. Vol. 2. St. Petersburg, 2013, pp. 194–203.

9. Strel'tsov A.A. Intralingual Translation in the XXIst Century: Determining the Status. *Iss. Journalism Educ. Linguist.*, 2021, vol. 40, no. 2, pp. 292–300 (in Russ.). DOI: [10.52575/2712-7451-2021-40-2-292-300](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2021-40-2-292-300)

10. Orlova O.S. Yazykovoy aspekt politicheskoy korrektnosti kak vnutyazykovoy perevod [Verbal Aspect of Political Correctness as Intralingual Translation]. *Vestnik Moskovskogo instituta lingvistiki*, 2015, no. 1, pp. 48–55.

11. Christie A. *And Then There Were None*. St. Martin's Press, 2004. 237 p.

12. Christie A. *Desyat' negriyat* [And Then There Were None]. Moscow, 1999. 288 p.

13. “Dix Petits Nègres” d'Agatha Christie change de nom. *Le Point*, 26 August 2020. Available at: https://www.lepoint.fr/culture/dix-petits-negres-d-agatha-christie-change-de-nom-26-08-2020-2389026_3.php (accessed: 15 November 2021).

14. Christie A. *Zehn kleine Negerlein*. Bern, 2001. 213 p.

15. Christie A. *Und dann gabs keines mehr*. Hachette Collections, 2008. 283 p.

16. Christie A. *Dix petits negres*. Librairie des Champs-Élysées, 1980. 201 p.

17. Christie A. *Ils étaient dix*. Paris, 2020. 228 p.

18. Christie A. *Zagadka Endkhauza. Vostochnyy ekspress. Desyat' negriyat. Ubiystvo Rodzhera Ekroyda* [Peril at End House. Murder on the Orient Express. And Then There Were None. The Murder of Roger Ackroyd]. Moscow, 1991. 704 p.

19. Christie A. *I togda nikogo ne ostalos'* [And Then There Were None]. Volgograd, 1992. 174 p.

20. Christie A. *Desyat' negriyat* [And Then There Were None]. Moscow, 2016. 288 p.

21. Anderson T.M.B. “Ten Little Niggers”: *The Making of a Black Man's Consciousness*. Available at: <https://folkloreforum.net/2009/05/01/%e2%80%9cten-little-niggers%e2%80%9d-the-making-of-a-black-man%e2%80%99s-consciousness/> (accessed: 28 June 2022).

22. Light A. *Forever England: Femininity, Literature and Conservatism Between the Wars*. Routledge, 2001. 280 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V191

Margarita S. Chernovskaya

Pushkin Leningrad State University;

sh. Peterburgskoe 10, Pushkin, 196605, St.-Petersburg, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9133-4193> e-mail: t000011670@lgumail.ru

INCLUSIVE LANGUAGE IN LITERARY TRANSLATION (Based on Translations of A. Christie's Novel *And Then There Were None*)

This article performs a comparative analysis of diachronic translations of Agatha Christie's novel *Ten Little Niggers/Ten Little Indians/And Then There Were None* (intralingual translations into American English and interlingual translations into French, German and Russian) in terms of adequacy of literary

translation and following the norms of inclusive language. The paper found that the intralingual translation into American English is a culturally determined adaptation of the original text excluding culture-specific concepts perceived differently in the American culture. While classical interlingual translations of the novel into German, French and Russian follow the norms of adequacy and equivalence, modern interlingual translations reflect the desire of translators to make various lexical and lexico-grammatical transformations in order to avoid invective vocabulary, which often leads to the loss of text-forming dominants of the novel (the modern translation into French is such an example). Further, the importance of preserving the intertext, which reflects the author's artistic intention, is demonstrated. The symbolic dominants of the novel are considered here in their historical and sociocultural context. It is concluded that these dominants are closely related to the collective ideas about racial differences in the second half of the 19th and early 20th centuries. Moreover, it is shown that following new language norms in translation should not violate the unity of a literary work; hence the importance of conveying the author's intention and the historical and sociocultural context of the work. Finally, recommendations are given to translators as to finding a balance between the requirements of political correctness and adequacy of translation.

Keywords: *literary translation, inclusive language, intralingual translation, interlingual translation, transformations in translation, text-forming dominants, intertext, dominant symbols.*

Поступила 01.03.2022
Принята 20.07.2022
Опубликована 23.09.2022

Received 1 March 2022
Accepted 20 July 2022
Published 23 September 2022

For citation: Chernovskaya M.S. Inclusive Language in Literary Translation (Based on Translations of A. Christie's Novel *And Then There Were None*). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 57–66. DOI: 10.37482/2687-1505-V191

*ИВАНЕНКО Алексей Игоревич, кандидат философских наук, доцент, доцент высшей школы технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. Автор 51 научной публикации, в т. ч. одной монографии**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6330-7179>

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АФГАНСКИХ ТАТУИРОВОК

Статья посвящена семиотическому анализу афганских татуировок, которые делали военнослужащие Советской армии в память о прохождении службы в Афганистане в период пребывания там ограниченного контингента советских войск (1979–1989). Материалом для исследования стали фотографии татуировок, размещенные на 6 специализированных сайтах. Изображения были интерпретированы путем сравнения с аналогичными татуировками морской, тюремной и зарубежной армейской тематики. В ходе исследования удалось выявить значительное расхождение афганских и тюремных татуировок, а также установить западное влияние тату-арта на первых. Вместе с тем отмечено, что афганские татуировки содержат уникальные формы визуальной репрезентации Афганской войны, которые заключаются в использовании мусульманского календаря, арабского письма, образов советской военной техники и многочисленных афганских топонимов. К интересным наблюдениям стоит отнести отсутствие среди элементов афганских татуировок официальной советской (серп и молот) и христианской (кресты, ангелы, церкви, иконы) символики, которую заменяют различные анималистические образы (орел, тигр, волк) и знаки полковой идентичности. Из примечательной неофициальной советской символики, представленной на афганских татуировках, можно выделить образ Вечного огня. Любопытным результатом исследования стало выявленное различие в модальности восприятия Афганской войны в тату-арте и советском/российском кинематографе: если в кино доминирует представление о заведомо роковом характере войны, то в татуировках ярко выражены мемориальный аспект и чувство гордости за проведенное в Афганистане время. В целом афганские татуировки являются важной культурной проекцией для понимания советской духовной культуры.

Ключевые слова: семиотика татуировки, символ, иконический знак, армейская субкультура, коллективная память, Афганская война, Афганистан, СССР.

*Адрес: 198095, Санкт-Петербург, ул. Ивана Черных, д. 4; e-mail: iwanenkoalexu@hotmail.com

Для цитирования: Иваненко А.И. Семиотические аспекты афганских татуировок // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 67–76. DOI: 10.37482/2687-1505-V192

Введение

Современный исследователь Ф.В. Николаи отмечает, что общество с 1990–2000-х годов переживает период «мемориального бума» [1, с. 4]. В широком смысле это укладывается в парадигму постмодерна, который, в отличие от предшествующей эпохи модерна, обращен не к будущему (футуризм, прогрессизм), а к прошлому. Эту интенцию выражает характерная приставка *post-* («после»). Однако в условиях фрагментации картины мира постмодерн все же не превращается в историцизм или консерватизм, поскольку, по словам Ж.-Ф. Лиотара, его характеризует «недоверие в отношении метарассказов» [2, с. 10], к которым вполне можно отнести «всемирную историю» или «национальный дух».

Прошлое выступает как «коллективная память», субъектом которой являются «аффективные сообщества». Поэтому именно они формируют социальную реальность, где на смену героическому мифу приходит «коллективная травма» от исторических событий. Само понятие травмы представляет собой метафору, в основе которой лежит термин из психологии З. Фрейда. Ф.В. Николаи обращает внимание, что для доминирующей ныне американской культуры примерами травмирующих событий являются вьетнамская война и террористические акты 11 сентября 2001 года [1, с. 29].

Для современной российской культуры подобным травмирующим событием может считаться Афганская война (1979–1989). В работе «Шурави и душман в пространстве отечественной кинорефлексии» (2020) мы уже обращались к кинематографическому опыту осмысления этой войны [3]. Однако данный опыт не ограничивается киноискусством. Особенности кинематографа являются его значительная капиталоемкость, коллективный труд и, как следствие, зависимость от привилегированных социальных групп, что приводит к серьезной политизации данного вида искусства.

Помимо кинематографа, Афганская война получила свое отражение в жанре бардовской песни – необычайно насыщенная по содержанию

композиция «Черный тюльпан» в исполнении Александра Розенбаума представлена в фильме «Афганский излом» (реж. В. Бортко, 1991).

Настоящая работа посвящена так называемым афганским татуировкам, т. е. тем татуировкам, которые выражают память об Афганской войне. Фильмы об Афганской войне фиксируют наличие данных татуировок [3, с. 53], но не раскрывают всего их разнообразия.

Материалы и методы

Методологические аспекты. Для анализа татуировок мы будем применять семиотическую методологию, отраженную в работах Р. Барта. Поэтому татуировка нами воспринимается как «коммуникативная система», «приспособленная к определенному способу восприятия» [4, с. 233–235].

Исследование татуировок наталкивается на ряд трудностей методологического порядка.

Во-первых, эфемерен сам материал – кожа живого человека, на которую с помощью специальных приспособлений наносится татуировка. Она ненадолго переживает своего владельца, поэтому век татуировки краток.

Во-вторых, материал не только эфемерен, но и капризен, поскольку человек современной цивилизации имеет обыкновение скрывать свои нелицевые кожные покровы. Он демонстрирует их либо узкому кругу знакомых, либо в определенных ситуациях публичного обнажения (например, на морском пляже во время отдыха). Поэтому у исследователя не может быть уверенности, что он охватывает всю предметную область, а рассматриваемые татуировки – репрезентативны.

В-третьих, на протяжении всего XX века, по крайней мере в России, татуировка воспринималась как характерная часть криминальной субкультуры. Примечателен эпизод из фильма «Бриллиантовая рука» (реж. Л. Гайдай, 1968), когда управдом в исполнении актрисы Нонны Мордюковой резко меняет свое отношение к незнакомцу, заметив у того на тыльной стороне правой кисти татуировку восходящего солнца и надпись «Миша» на фалангах пальцев.

Действительно, связь искусства татуировок с криминальными субкультурами прослеживается достаточно четко. Это касается не только отечественных «воров в законе», но и японских якудза (*yakuza*)¹, латиноамериканских «мара салватруча» (*Mara Salvatrucha*)² и французских апашей [5]. Вместе с тем не вызывает сомнений тот факт, что морские татуировки древнее тюремных. Ряд образных особенностей «наколок» российского преступного мира демонстрирует очевидное влияние морской субкультуры: парусники, русалки, якоря [6]. Характерный символ авторитетов российского преступного мира – восьмиконечная звезда – в определенной степени визуально сопоставим с морским знаком «роза ветров».

Тем не менее лингвистический анализ слова «татуировка» (корень *tattoo*) указывает на его полинезийское происхождение [7]. Несмотря на то, что подобным изображениям часто приписывается широкое распространение в древности, европейцы еще в XVIII веке воспринимали татуировки как диковину [8]. От полинезийцев данная практика была заимствована британскими матросами и получила известность в Европе.

Будучи изначально элементом архаической культуры, татуировка тяготела к орнаментальности и повторяемости образов. Каждое изображение вполне могло быть репрезентативным, по-

скольку оно выражало скорее идею типического (больше в модусе архи-, чем стерео-), нежели идею уникального и неповторимого. Отсюда образный ряд тяготел к ограниченному набору символов, который представлял своеобразный «тату-язык» [9, с. 82]. Поэтому при анализе афганских татуировок для нас будет важно выделить иконический тезаурус – набор наиболее характерных выражений и образов.

Современная техника фотофиксации и выгрузки изображений в сеть Интернет в значительной степени облегчила знакомство с визуальной информацией, которая прежде могла быть доступна лишь узкому кругу наблюдателей. Однако остается проблема отбора именно афганских татуировок, поскольку их сложно было бы идентифицировать в качестве таковых, если бы они не содержали специфической афганской конкретики. Впрочем, именно афганская конкретика как раз и выражает опыт Афганской войны, т. к. массовое пребывание наших соотечественников в этой стране соответствовало времени размещения ограниченного контингента советских войск (ОКСВ), т. е. периоду Афганской войны (1979–1989).

Материал исследования. В процессе мониторинга сети Интернет посредством поисковых сервисов Yandex и Google нам удалось обнаружить 6 тематических сайтов, содержащих информацию о так называемых афганских татуировках³.

¹*Virik K.* Tattoos in Japan: Why They're so Tied to the Yakuza // BBC. 2019. 21 September. URL: <https://www.bbc.com/news/newsbeat-49768799> (дата обращения: 16.02.2022).

²*El Salvador's Gange Truce* // BBC. 2012. 26 November. URL: <https://www.bbc.co.uk/programmes/p011jsty/p011jt7l> (дата обращения: 13.02.2022).

³Афганские татуировки. Эскизы и фотографии афганских татуировок. URL: http://tatuirovanie.ru/afgan_tattoos.html (дата обращения: 13.02.2022); Афганские татуировки солдат Советской Армии (1). 27.07.2012. URL: <http://paraparabellum.ru/armejskie-tatuirovki/afganskije-tatuirovki-soldat-sovetskoj-armii/> (дата обращения: 13.02.2022); Афганские татуировки солдат советской армии (2). URL: <http://bigtattoo.ru/tattooandtattoo/afganskije-tatuirovki-soldat-sovetskoi-armii-129.html> (дата обращения: 13.02.2022); Наколки на память об Афгане. Часть I (II, III). 22.07.2010. URL: http://www.181msp.ru/publ/dokumenty_vojny/nakolki_na_pamjat_ob_afgane_chast_i/18-1-0-129; http://www.181msp.ru/publ/dokumenty_vojny/nakolki_na_pamjat_ob_afgane_chast_ii/18-1-0-130; http://www.181msp.ru/publ/dokumenty_vojny/nakolki_na_pamjat_ob_afgane_chast_iii/18-1-0-131 (дата обращения: 13.02.2022); Какие наколки делали Шурави на Афганской войне. Подборка фотографий. 06.10.2019. URL: https://zen.yandex.ru/media/1_25seconds/kakie-nakolki-delali-shuravi-na-afganskoi-voine-podborka-fotografii-5d99009bc7e50c00afe2e816 (дата обращения: 13.02.2022); Армейские татуировки. Афган. URL: http://all-tattoo.ru/category/armejskie_tatuirovki/afgan/ (дата обращения: 13.02.2022).

Самой удобной для семиотического анализа является веб-страница «Афганские татуировки. Эскизы и фотографии афганских татуировок», которая содержит 51 пронумерованное изображение. На другой веб-странице, «Афганские татуировки солдат Советской армии» (1), можно найти уже 62 фотографии, причем абсолютное большинство из них (51) повторяет образы первого сайта. Однако здесь имеется датировка фотографий (2012 год) и указан их автор (Евстифеев), а также идет ссылка на несуществующий ныне сайт на домене *narod.ru*. Интересны три части серии «Наколки на память об Афгане» на сайте 181-го мотострелкового полка. Там содержатся фотографии 47 татуировок, имеющие более раннюю датировку (2010 год), из них лишь 15 уникальных изображений.

Можно предположить, что образы кочуют с одного сайта на другой, наиболее показательная часть из них копируется и воспроизводится, а менее четкие или бедные по визуальному ряду отсеиваются. Страница «Какие наколки делали Шурави на Афганской войне» на домене «Яндекс.Дзен» содержит лишь 7 фотографий, из которых только одна не повторяет изображения с предыдущих сайтов. Серия «Армейские татуировки. Афган» включает 9 изображений, из них оригинально также только одно. Таким образом, в нашем распоряжении оказались изображения 78 афганских татуировок, датированные 2010–2012 годами.

Результаты

Сравнение афганских татуировок с тюремными. При анализе афганских татуировок можно предположить, что афганские татуировки появились под влиянием тюремных, поскольку накануне Афганской войны татуировки в советском массовом сознании ассоциировались преимущественно с криминальной

средой (этот факт отражен в уже упомянутом фильме «Бриллиантовая рука»). Однако здесь не стоит совершать логическую ошибку *post hoc ergo propter hoc* – «после – значит вследствие».

Криминальная (тюремная или «воровская») среда в советские годы была довольно герметична и отличалась крайне негативным отношением к государству и его институтам, в т. ч. к армии, тогда как афганские татуировки делали себе именно военнослужащие Советской армии, проходившие службу в Афганистане. Кроме того, иконические ряды двух сообществ довольно сильно различаются между собой. Так, в афганских (армейских) татуировках отсутствуют характерные для тюремных «наколки» образы игральных карт (пиковая масть), христианской символики (иконы, кресты, церкви, ангелы), восьмиконечных звезд, свастика, пауков и женщин⁴. Параллели между иконическими рядами двух сообществ можно обнаружить лишь в некоторых анималистических образах: орел, тигр и летучая мышь⁵. Однако эти сходства лишь подчеркивают различия двух семиотических систем. Если образы орла и тигра могут иметь универсальный смысл «сила, могущество и бесстрашие», то летучая мышь в афганских татуировках (*рис. 1*) не имеет тюремного смысла «ночной вор». Здесь скорее можно усмотреть символ супергероя Бэтмена (*Batman*: «человек – летучая мышь») из американской массовой культуры. Примечательно, что в двух из трех афганских татуировок с использованием образа летучей мыши присутствует латинская аббревиатура *SF*, которую контекстуально можно интерпретировать двояко: как *Special Forces* (спецназ) и как девиз морпехов США *Semper Fidelis* («всегда верен») ⁶.

Западное влияние. Другую гипотезу можно сформулировать так: афганские татуировки по-

⁴Воровские татуировки. URL: <https://otatuirovkah.ru/vorovskie-tatuirovki/> (дата обращения: 13.02.2022).

⁵Воровские тату: криминальные татуировки тюремного мира и их значения. URL: <https://tatueskiz.ru/prison/vorovskie-nakolki.html> (дата обращения: 13.02.2022).

⁶Армейские татуировки в Корпусе морской пехоты США. URL: <http://paraparabellum.ru/armejskie-tatuirovki/armejskie-tatuirovki-korpus-morskoj-pehoty-ssha/> (дата обращения: 13.02.2022).

Рис. 1. Афганская татуировка с изображением летучей мыши

Fig. 1. Afghan tattoo depicting a bat

явились под влиянием зарубежных (прежде всего американских) армейских татуировок. В пользу этой гипотезы говорит тот факт, что до Афганской войны крупнейшим конфликтом с участием СССР была Великая Отечественная война (1941–1945), однако связанные с ней татуировки как особое культурное явление отсутствуют. Известно, что именно в годы Второй мировой войны искусство татуировки на Западе переживало небывалый расцвет и связано это с Моряком Джерри (*Sailor Jerry*)⁷ – основателем так называемой старой школы тату. Примерно в 1930 году он поступил на службу в военно-морской флот США и параллельно обучался искусству татуировки у японских мастеров. При нем морские татуировки стали многоцветными и приобрели большую художественность.

Существуют свидетельства, что американские военные в память о вьетнамской войне

(1964–1975) делали себе татуировки с надписью *Vietnam* и аббревиатурой *USMC* (Корпус морской пехоты США)⁸. Порой американские армейские татуировки обнаруживают удивительное сходство с советскими («афганскими»): в последних также встречаются графическое начертание страны пребывания – *Афганистан* или *ДРА* (Демократическая Республика Афганистан) – и указание на род войск: *ВДВ* (воздушно-десантные войска) или *ПВ* (пограничные войска).

Кроме того, афганские татуировки содержат визуальный ряд, сопоставимый с американским, но обладают особенностями касательно образов военной техники (в армиях СССР и США использовались разные виды вооружений). Так, для афганских татуировок характерны следующие визуальные образы:

- парашют (32 % всех проанализированных нами изображений);
- орел (25 %);
- самолет (23 %);
- вертолет (16 %);
- череп в берете (4 %).

Имеются и другие отличия. Так, в США среди военных популярностью пользуются изображения женщин и национального флага, в афганских татуировках подобные изображения совершенно отсутствуют. Лишь одна татуировка содержит образ двуглавого орла с короной, который никак не мог быть символом Советской армии в годы Афганской войны. Ничего похожего на государственный символ серпа и молота, обильно представленный в советском монументальном искусстве, обнаружить также не удалось. Весьма редко в афганских татуировках встречаются девизы вроде популярной английской фразы *Death before dishonor* («Смерть прежде бесчестия») – лишь два изображения содержат изречения «Долг и честь» и «Без права на ошибку».

Ориентальные мотивы. Большое место в афганских татуировках советских воинов за-

⁷Rare Sailor Jerry's Tattoos Designs & Meanings – Old Schools Tattoos. URL: <https://tattoo-journal.com/55-rare-sailor-jerrys-tattoos/> (дата обращения: 13.02.2022).

⁸См.: Армейские татуировки в Корпусе морской пехоты США.

нимают ориентальные (восточные) мотивы. Уникальна любовь советских военнослужащих к принятому в Афганистане мусульманскому календарю, где летоисчисление отсчитывается не от предполагаемого имянаречения Христа, а от Хиджры – бегства пророка Мухаммеда из Мекки в Медину (622 год нашей эры). Отсюда на афганских татуировках нередко такие странные даты, как 1361–1363, 1363–1365, 1364–1366, 1365–1367, 1366–1368 (хотя, по сути, если прибавить к 1361 году 622, мы получим вполне понятный 1983 год). На веб-странице «Афганские татуировки. Эскизы и фотографии афганских татуировок» до 30 % изображений снабжены датами по мусульманскому летоисчислению и только 20 % – по христианскому. Примечательно, что в обоих случаях используется то начертание арабских цифр, которое принято в Европе и России, но не в мусульманских странах.

Ссылкой на летоисчисление от Хиджры ориентальные мотивы афганских татуировок не исчерпываются. Иногда само слово «Афганистан» могло записываться арабским письмом (справа налево). Есть свидетельство афганской татуировки на языке дари (рис. 2): *Джумхури Ислами Афганистан* (Исламская Республика Афганистан). Примечательно, что такое название могло появиться только после 2004 года, что свидетельствует о поздней дате татуировки. Также ориентализм заключался в изображении купольных мечетей с башней минарета и полумесяцем наверху. В серии «Наколки на память об Афгане» можно обнаружить неединичные фотографии татуировок с изображением ликов грозных бородатых мужчин в чалмах.

Подобный ориентализм свидетельствует о том, что советские воины в определенной степени поддавали очарованию мусульманской культуры. При этом Афганистан не мог считаться классической страной Ближнего Востока, поскольку коренное население там говорило не на арабском, а на языках иранской группы (дари и пушту). Северный Афганистан (древняя Бактрия) являлся родиной основателя древнеиранской религии Зороастра [10, с. 38], а в центре страны вплоть до XX века

Рис. 2. Афганская татуировка с надписью на языке дари

Fig. 2. Afghan tattoo with an inscription in the Dari language

сохранялись гигантские статуи Будды [10, с. 41]. Таким образом, здесь в древности проходила граница двух культурных регионов: зороастрийского Ирана и буддийской Индии. Проникший сюда в эпоху Средневековья ислам приобрел специфические «суфийские» черты, нередко чуждые своему арабскому источнику.

Современный иранский философ Реза Негарестани обращает внимание на архетип пустынной равнины в классическом ближневосточном варианте мусульманской религии, который характеризовался «холеричной воинственной горизонтальностью» и «пустынным радикализмом» [11, с. 143], где любая возвышенность или выступающий над плоской поверхностью контур воспринимался как возможность идолопоклонства, тени и неверия. В этом смысле «горный» ислам иранского, анатолийского или кавказского толка неизбежно хранил некий домусульманский субстрат.

В СССР мусульманский Восток во многом воспринимался сквозь призму кинематографа.

В качестве примера можно привести детский фильм «Старик Хоттабыч» (реж. Г. Казанский, 1956), погружающий в сказочный мир ковра-самолета, караванов из навьюченных верблюдов, дворцов халифа Гаруна аль-Рашида и длиннородого джинна из кувшина, который сопровождал исполнение желаний льстиво-раболопной словесной формулировкой «слушаю и повинуюсь». Другим популярным фильмом о «востоке» был советский истерн «Белое солнце пустыни» (реж. В. Мотыль, 1969), где центральный персонаж – красноармеец Сухов (в исполнении актера Анатолия Кузнецова) рефреном повторяет фразу «Восток – дело тонкое». Наконец, за 5 лет до ввода советских войск в Афганистан – в 1974 году вышел 10-минутный эпизод мультипликационного сериала «Приключения Мюнхгаузена» под названием «Павлин», где были собраны все «клюквенные» (стереотипные) репрезентации «востока»: мужчины в чалмах и халатах, закрывающие лица женщины, джинн с «кондитерским» именем Рахат ибн Лукум (аналогия с «восточным» десертом рахат-лукум), верблюды, заклинатели змей, пальмы, кофейник, ковер-самолет, кальян и павлин.

Таким образом, ориентальные мотивы в афганских татуировках основывались на некоторых антиципациях Афганистана как типичной, хотя и неарабской, восточной страны. Востребованными при этом оказались лишь отдельные компоненты: мусульманское летоисчисление, арабское письмо, образы мечетей, лица в чалмах. В целом у советских военнослужащих особого погружения в ислам не обнаруживается, поскольку, с одной стороны, изображения на теле в принципе чужды ортодоксальному исламу, а с другой, в афганских татуировках отсутствуют характерные исламские символы: шахада (исповедание веры: «ля илляха илля ла»), такбир (восхваление Бога: «Аллах акбар»), Зульфикар (часто изображаемый на знаменах мусульманских стран меч пророка).

Географические репрезентации. Афганские татуировки содержат немало топонимической информации. Очевидно, что со-

ветские солдаты несли службу строго в определенных населенных пунктах или провинциях. В афганских татуировках присутствуют надписи, содержащие как минимум 11 топонимов. Их могли записывать кириллицей или латиницей – видимо, чтобы подчеркнуть факт пребывания за рубежом. К названиям населенных пунктов можно отнести столицу *Kabul* (или *Kabul*), южный *Kandagar*, северный *Kunduz*, западные *Gerat (рус.1)* и *Shindand*, восточные *Acadabad* и *Djelalabad*, центральный аэропорт *Баграм* и город *Ghazni*, а также две провинции – *Parvan* и *Zabul*.

Помимо надписей с упоминаниями топонимов, географические особенности Афганистана выражены и в изображении гор (Гиндукуш). Животный и растительный мир края в татуировках не представлен. Как уже отмечалось, популярностью пользовались изображения орла, а также, в меньшей степени, голов тигра и волка. Эти иконические знаки прочитываются скорее как выражение абстрактных маскулинных качеств (сила, могущество, храбрость), нежели как результат наблюдения за местной фауной.

Советский аспект. Несмотря на наличие ориентальных мотивов в татуировках, советские военнослужащие не теряли собственной идентичности. Специфическая символика выражалась в образах пятиконечной звезды (пентаграммы) на фоне парашюта, на берегу, наверху обелиска или как очаг для Вечного огня.

Что же касается образа Вечного огня, то в афганском контексте этот иконический знак коррелировал с огнепоклонничеством доисламского зороастризма. Влияние традиций древнего Ирана было чрезвычайно широко и распространялось на мировые религии (мессианство и манихейский дуализм), на позднеантичную политическую культуру (персидская деспотия) и на тюркский культ богатырей-пехлеванов (Рустам из Шах-наме).

Интересно отсутствие официальной советской символики в афганских татуировках. Здесь мы не встречаем ни надписи *СССР*, ни изображения советского герба или флага. Можно

предположить, что понятие Родины было вытеснено «сообществами вымышленного родства» [1, с. 198]: это могли быть либо рода войск и крупные армейские соединения (*ВДВ*, *ПВ* или *ОКСВА*), либо конкретные подразделения: *317 ндп* (парашютно-десантный полк), *181 овп* (отдельный вертолетный полк), *345* (рис. 3), *КСАПО* (Краснознаменный Среднеазиатский пограничный округ), *ДШМГ* (десантно-штурмовая маневренная группа).

Рис. 3. Афганская татуировка с обозначением рода войск

Fig. 3. Afghan tattoo with a corps insignia

Иконические композиции. Афганские татуировки полиморфны, поэтому важно не только обозначить визуальный ряд, но и указать сочетаемость образов в рамках одной иконической композиции. Если изображен лик мужчины в чалме, то данный образ самодостаточен и может сопровождаться лишь названием топонима. Равным образом самодостаточно графическое обозначение группы крови (например, *A(II)Rh*), рядом с которым может находиться лишь изображение патрона.

Наиболее распространены композиции в форме эмблемы или медальона, наносимые на

левое предплечье. Подобное изображение содержало центральный образ (вертолет или самолет, орла, череп в берете, голову тигра или летучую мышь), задний план (обычно парашют, горы, прицел или земной шар с меридианными линиями), верхнюю и нижнюю надписи с указанием топонима и военного соединения, а также обозначение годов службы по бокам от центрального образа. Иногда надписи вписывались в геральдическую ленту.

Заключение

Афганские татуировки в какой-то мере являются проекцией общемирового тату-арта второй половины XX века. В отличие от других форм кодирования травматического опыта локальных войн, они передают определенное эмоциональное состояние, которое можно охарактеризовать как чувство гордости за факт пребывания в Афганистане. В некоторой степени это коррелирует с диалектикой героического и травматического в толковании вьетнамской войны у американских авторов, которую исследует Ф.В. Николаи [1].

Отдельные образы афганских татуировок носили явно выраженный мемориальный характер (obelisk, Вечный огонь), но эта память была лишена элементов виктимности. Анализ образного ряда показал, что советские военнослужащие не воспринимали себя проигравшей стороной, о чем свидетельствуют татуировки в виде кисти руки с жестом «Виктори» (победа), с изображением прицела на заднем плане и названием афганской провинции (*Parvan*). Присутствие афганской конкретики в виде ориентальных мотивов может свидетельствовать об интересе к местной культуре.

Подобная тональность татуировок резко контрастирует с репрезентацией Афганской войны в отечественном кинематографе, где прослеживается мотив «бесмысленности страданий и смерти» [3, с. 53]. Это противоречие в оценках может демонстрировать разобщенность между гражданско-интеллигентской средой кинематографистов, воспринимающих конфликт через призму западных масс-медиа, и ветеранами-афганцами, которые образовали

достаточно закрытую социальную группу. Обилие анималистических образов (орел, тигр, волк), символизирующих силу, могущество и бесстрашие, может быть истолковано как результат инициации, в качестве которой и воспринималась Афганская война. При этом формировалось то, что в специальной литературе называется «сообществом вымышленного родства». Стихийно создаваемая таким образом коллективная память дистанцировалась от официальной идеологии, хотя и инкорпорировала отдельные ее элементы (Вечный огонь, пятиконечная звезда).

Выявленный образный ряд афганских татуировок вполне может быть востребован при возведении монументов в память о войне, при анализе позднесоветской культуры в целом и армейской субкультуры в частности. Также изложенный материал может представлять интерес для семиологов в части изучения адаптации (мортальная, анималистическая и техническая визуальность), фильтрации (христианская и государственная символика), а также трансформации (летучая мышь) тех или иных образов.

Список литературы

1. Николаи Ф.В. Полемика о травме и памяти в американской философии культуры: дис. ... д-ра филос. наук. Н. Новгород, 2018. 335 с.
2. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. СПб.: Ин-т эксперим. социологии; Алетейя, 1998. 160 с.
3. Иваненко А.И. Шурави и душман в пространстве отечественной кинорефлексии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2020. № 3. С. 48–59. DOI: [10.37482/2227-6564-V019](https://doi.org/10.37482/2227-6564-V019)
4. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 312 с.
5. Коркин П. «Страдай, но молчи»: какие татуировки делали французские заключенные в XIX в. – и почему их искусство снова в моде // Нож. 2019. 10 дек. URL: <https://knife.media/french-prison-tattoo/> (дата обращения: 16.02.2022).
6. Вологодский С. Воровские тату: язык символов // Петровка, 38. 2020. 25 авг. (№ 31(9728)). URL: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/vorovskie-tatu-yazyk-simvolov> (дата обращения: 13.02.2022).
7. Мельникова Л.А. География распространения татуировки в историческом аспекте // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2011. № 6. С. 164–169.
8. Малинин В.Б., Трапидзе К.З. История возникновения татуировок // XIX Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. 21–22 апреля 2015 г. / под. общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. Т. I. С. 55–59.
9. Овсянникова О.А. Татуировка через призму семиотики // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер.: Обществ. науки. 2017. Т. 3, вып 2(10). С. 82–85.
10. Пять континентов / Н.И. Вавилов. Под тропиками Азии / Н.А. Краснов. М.: Мысль, 1987. 348 с.
11. Негарестани Р. Циклопедия: соучастие с анонимными материалами. М.: Носорог, 2019. 272 с.

References

1. Nikolai F.V. *Polemika o travme i pamyati v amerikanskoy filosofii kul'tury* [Disputes About Trauma and Memory in American Philosophy of Culture: Diss.]. Nizhny Novgorod, 2018. 335 p.
2. Lyotard J.-F. *La Condition postmoderne: rapport su r le savoir*. Paris, 1979 (Russ. ed.: Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna*. Moscow, St. Petersburg, 1998. 160 p).
3. Ivanenko A.I. *Shuravi and Dushman as Reflected in Soviet and Russian Cinematography*. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2020, no. 3, pp. 48–59. DOI: [10.37482/2227-6564-V019](https://doi.org/10.37482/2227-6564-V019)
4. Barthes R. *Mythologies*. Paris, 1957. 233 p. (Russ. ed.: Bart R. *Mifologii*. Moscow, 1996. 312 p.).

5. Korkin P. “Straday, no molchi”: kakie tatuirovki delali frantsuzskie zaklyuchennyye v XIX v. – i pochemu ikh iskusstvo snova v mode [“Suffer in Silence”: Tattoos of French Prisoners in the 19th Century and Why Their Art Has Come into Fashion Again]. *Nozh*, 10 December 2019. Available at: <https://knife.media/french-prison-tattoo/> (accessed: 16 February 2022).

6. Vologodskiy S. Vorovskie tatu: yazyk simvolov [Criminals’ Tattoos: The Language of Symbols]. *Petrovka*, 38. 25 August 2020, no. 31. Available at: <https://petrovka-38.com/arkhiv/item/vorovskie-tatu-yazyk-simvolov> (accessed: 13 February 2022).

7. Mel’nikova L.A. Geografiya rasprostraneniya tatuirovki v istoricheskom aspekte [Geography of Distribution of Tattoos in Historical Aspect]. *Interekspo Geo-Sibir’*, 2011, no. 6, pp. 164–169.

8. Malinin V.B., Trapaizde K.Z. Istoriya vozniknoveniya tatuirovok [The Origin of Tattoos]. Skvortsov V.N. (ed.). *XIX Tsarskosel’skie chteniya* [19th Tsarskoye Selo Readings]. St. Petersburg, 2015. Vol. 1, pp. 55–59.

9. Ovsyannikova O.A. Tatuirovka cherez prizmu semiotiki [Tattoo Through the Prism of Semiotics]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser.: Obshchestvennyye nauki*, 2017, vol. 3, no 2, pp. 82–85.

10. Vavilov N.I. *Pyat’ kontinentov* [Five Continents]. Krasnov N.A. *Pod tropikami Azii* [In the Tropics of Asia]. Moscow, 1987. 348 p.

11. Negarestani R. *Cyclonopedia: Complicity with Anonymous Materials*. Melbourne, 2008. 244 p. (Russ. ed.: Negarestani R. *Tsiklonopediya: souchastie s anonimnymi materialami*. Moscow, 2019. 272 p.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V192

Aleksey I. Ivanenko

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design;
ul. Ivana Chernykh 4, St. Petersburg, 198095, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6330-7179> e-mail: iwanenkoalexy@hotmail.com

SEMIOTIC ASPECTS OF AFGHAN TATTOOS

This article presents a semiotic analysis of Afghan tattoos done by Soviet soldiers in memory of their service in Afghanistan, when the Limited Contingent of Soviet Forces was deployed there (1979–1989). As the material the author used photos of tattoos posted on six thematic websites. These tattoos were compared with similar sailor, prison and foreign military tattoos. The research found an essential difference between Afghan and prison tattoos and a strong influence of Western tattoo art on the former. At the same time, Afghan tattoos have unique forms of visual representation of the Soviet–Afghan War, which consist in using Islamic calendar, Arabic script, images of Soviet military vehicles and numerous Afghan toponyms. Interestingly, Afghan tattoos contain no official Soviet (hammer and sickle) or Eastern Orthodox (cross, angel, church, icon) symbols. Instead, we can see various animalistic images (eagle, tiger, wolf) and regimental identity insignia. Standing out among unofficial Soviet symbols represented in Afghan tattoos is the image of an eternal flame. Additionally, the research identified different modalities of perception of this war in tattoo art and Soviet/Russian cinematography: as a rule, films demonstrate the fatality of the Soviet–Afghan War, while in soldiers’ tattoos we observe a pronounced commemorative aspect and pride in their service in Afghanistan. On the whole, Afghan tattoos are an important cultural projection for understanding Soviet spiritual culture.

Keywords: *semiotics of tattoos, symbol, icon, military subculture, collective memory, Soviet–Afghan War, Afghanistan, USSR.*

Поступила 16.02.2022
Принята 23.06.2022
Опубликована 26.09.2022

Received 16 February 2022
Accepted 23 June 2022
Published 26 September 2022

For citation: Ivanenko A.I. Semiotic Aspects of Afghan Tattoos. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnyye i sotsial’nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 67–76. DOI: 10.37482/2687-1505-V192

УДК 1(091):130.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V194

*ПИГАЛЕВ Александр Иванович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры философии Волгоградского государственного университета. Автор 260 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий и одного учебника**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4858-8862>

МЕТАФОРА ПРИЗРАКА В ФИЛОСОФИИ ЖАКА ДЕРРИДА

Целью статьи является анализ смысла и контекстов метафоры призрака в философии Жака Деррида. Подчеркивается, что понятие призрака, которое прежде было недопустимым для философского мышления из-за его неясности, сомнительности и налета мистицизма, стало популярным в качестве метафоры благодаря широко обсуждаемому «повороту к призрачности» в философии. Исходной точкой исследования является анализ влияния Карла Маркса и Зигмунда Фрейда на использование Деррида метафоры призрака, без чего его концепция в качестве главного предмета анализа выглядела бы не совсем понятной. Отмечается, что у Маркса товарный фетишизм – разновидность так называемой превращенной формы, концепция которой стала в его работах основой трактовки метафоры призрака. Фрейд рассматривал понятие призрака в связи с чувством чего-то жуткого, приводящего в ужас, тогда как в остальном он, подобно Марксу, исследовал эффекты призрачности в контексте системных процессов. Для Деррида, который в этом вопросе испытал также влияние психоаналитиков Николая Абрахама и Марири Торок, призрак представляет собой предчувствие будущего и, таким образом, след чего-то другого, некоторого различия в структурах, кажущихся недифференцированными. Это ни духовный, ни полностью воплощенный остаток самотождественного присутствия, который некоторым образом преследует, неожиданно исчезает и возвращается снова. В противовес позиции Маркса и Фрейда, которые были убеждены, что призраки можно изгнать, Деррида полагал, что от призраков избавиться нельзя. Согласно Деррида, человек находится в среде бесконечно откладываемых опосредований, которые порождают неустранимые эффекты призрачности. Несмотря на сходство с вирусами, искажающими коммуникацию, они необходимы для системы.

Ключевые слова: *Жак Деррида, метафора призрака, фетишизм, превращенная форма, метафизика присутствия, метафора вируса.*

*Адрес: 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, д. 100; e-mail: pigalev@volsu.ru

Для цитирования: Пигалев А.И. Метафора призрака в философии Жака Деррида // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 77–87. DOI: 10.37482/2687-1505-V194

Введение

Призрак, если он не считается иллюзией или галлюцинацией, традиционно понимается в качестве некоторого чувственно-сверхчувственного агента неясной природы, способного некоторым образом вступать с человеком в мимолетный, но, чаще всего, многократно повторяющийся контакт. Призраку приписывается также способность возвращаться, преследовать и даже подчинять себе человека, вызывая у него состояние одержимости. Однако, хотя реальность призраков всегда считалась сомнительной или даже вовсе отрицалась, они долгое время рассматривались не только как ошибки восприятия или порождения расстроенного воображения.

В разных культурах призраки чаще всего выступали в качестве не смогших умереть мертвецов, добрых или злых духов предков, но в то же время и непонятно как появившихся двойников живых людей. Призраки рассматривались также как божественные посланцы или просто существа, по неизвестным причинам и с неясными целями просачивающиеся из одного мира в другой. Однако после просветительской работы модерна термин «призрак» уже ни при каких условиях не мог считаться обозначающим что-то реальное и претендовать на академический статус.

Тем не менее архаическое понятие призрака, несмотря на наложенные на него просветительской идеологией ограничения смысла и превращение его в сравнительно безобидную метафору, неожиданно получило широкое распространение в современной массовой культуре и стало использоваться в философии культуры. Более того, констатируется, что в современной философии в целом произошел так называемый поворот к призрачности (англ. *spectral turn*) [1–5]. В итоге метафора призрака и призрачности парадоксальным образом стала выступать в качестве эффективного инструмента философского исследования как культуры в целом, так и ее отдельных аспектов.

Особую роль в «повороте к призрачности» сыграл Жак Деррида [6–8], сделавший метафору призрака одним из средств выражения

альтернативы всей предшествующей метафизике. В то же время у Деррида «поворот к призрачности» тесно связан с тенденциями, нашедшими свое выражение в марксизме (прежде всего, в марксистской теории идеологии) и во фрейдизме, особенно в некоторых его модификациях. Поэтому следует говорить о некоторой традиции и, соответственно, истории становления метафоры призрака.

Маркс: призрачность как фетиш

Призрак и призрачность как метафоры и предметы философского исследования впервые привлекают к себе особое внимание Карла Маркса, и его интерес к ним не ограничивается появлением широко известной фразы о «призраке коммунизма» из написанного вместе с Фридрихом Энгельсом «Манифеста коммунистической партии». Общим контекстом рассмотрения призрачности у Маркса становится концепция товарного фетишизма, которая в «Капитале» рассматривается в связи с анализом экономических отношений. Однако ее эвристический потенциал выходит за пределы этого контекста, и она становится частью общей концепции системных эффектов [9].

Такие системные эффекты возникают не только в экономике, но и в закрытых органических системах любой природы как результат процессов обмена (реального и символического), вытеснения и замещения элементов и связываются Марксом с понятием «превращенная форма» [10]. Так, говоря о превращении в товар и включении в товарно-денежное обращение вещи «стол», Маркс пишет: «Формы дерева изменяются, например, когда из него делают стол. И, тем не менее, стол остается деревом – обыденной, чувственно воспринимаемой вещью. Но как только он делается товаром, он превращается в чувственно-сверхчувственную вещь. Он не только стоит на земле на своих ногах, но становится перед лицом всех других товаров на голову, и эта его деревянная башка порождает причуды, в которых гораздо более удивительного, чем если бы стол пустился по собственному почину танцевать» [11, с. 81].

В результате товарный фетишизм понимается как процесс превращения общественных отношений, отношений между людьми в отношения между вещами, причем особым образом превращенные и воспринимаемые в качестве объективно существующих в форме предмета или вещи. Такие вещи начинают действовать как весьма активные и в этой своей активности как бы совершенно самостоятельные агенты. Например, деньги, хотя и кажутся вещью, на самом деле являют собой представляющие в виде вещи общественные отношения. Поэтому стоимость, становящаяся капиталом, Маркс может характеризовать как активную, как «автоматически действующий субъект» [11, с. 164]. Аналогичные процессы, как указывал Маркс, происходят в сфере религии.

В этом отношении показательно, что осуществленный Марксом анализ фетишизма в сфере экономики на самом деле предварялся анализом аналогичных процессов в области идеологии. В этом анализе эффекты призрачности были рассмотрены им на примере конкретных идеологических конструкций весьма подробно, с систематическим и содержательным использованием самих терминов «призрак», «привидение», «дух» и даже критикой их каталогизации [12, с. 143–147], однако результаты этого рассмотрения при жизни Маркса не были опубликованы. Речь идет о написанной совместно с Энгельсом «Немецкой идеологии», в которой отчетливо намечается стратегия авторов – выявление призрачности (обманчивой видимости) целого ряда абстрактных всеобщих понятий в их квазипредметной форме.

В силу разных причин Маркс не стал детализировать свою трактовку метафоры призрака в качестве фетиша в области религии. Он также не стал исследовать с помощью концепции фетишизма те явления, которые называются оккультными, хотя и в первом, и во втором случае весь теоретический инструментарий для этого у него был. Среди исследователей, которые так или иначе опирались на подходы и идеи Маркса, критическим анализом того, что принято

называть оккультными явлениями, занимался, хотя и эпизодически, лишь Теодор Адорно.

Характеризуя общие принципы подхода Адорно, следует отметить, что он рассматривает оккультизм в контексте анализа механизмов опосредования и, таким образом, диалектических взаимоотношений непосредственного (безусловного) и опосредованного (обусловленного). Адорно считает, что «склонность к оккультизму является симптомом регресса сознания. Оно утратило способность мыслить безусловное и выносить обусловленное. Вместо того чтобы определить их оба в соответствии с единством и различием в работе понятия, оно смешивает их, не принимая во внимание их различия. Безусловное становится фактом, а обусловленное – непосредственно существующим. Монотеизм разрушается, превращаясь во вторую мифологию (здесь и далее перевод мой. – А.П.)» [13, с. 462].

Между тем, полагает Адорно, вторая мифология истинна в еще меньшей степени, чем первая. Если в докапиталистических обществах оккультизм еще имел какой-то смысл, позволяя объяснить непостижимые стихийные процессы путем соотнесения их с некоторыми антропоморфными субъектами, то в условиях позднего капитализма он лишь скрывает процессы отчуждения. Иными словами, в современных представлениях о призраках или духах Адорно обнаруживает описанные Марксом процессы фетишизации.

По мнению Адорно, представление о том, что весь мир есть продукт духа, приводит к тому, что «мировой дух становится высшим духом, ангелом-хранителем существующего, которое лишено духа. Этим живут оккультисты: их мистика – это *enfant terrible* мистических моментов у Гегеля» [13, с. 474]. Отсюда Адорно – точно так же, как и Маркс – делает вывод, что даже те призраки, которые понимаются метафорически и представляют собой системные эффекты, должны и могут быть изгнаны [13, с. 474].

Фрейд: призрачность как нечто жуткое

Проблема духов, привидений или призраков привлекала внимание и Зигмунда Фрейда, ди-

намика психических процессов в психоанализе которого описывается в качестве своеобразной «экономии либидо» и рассматривается в соответствии с той же, что и у Маркса, теоретической моделью закрытой органической системы. В этой системе происходят процессы обмена, вытеснения и, если пользоваться термином Маркса, должны появляться и превращенные формы, к которым относятся эффекты призрачности. Однако Фрейд, в отличие от Маркса, попытался подойти к этой проблеме не в социально-экономическом контексте, а исходя из анализа эффектов призрачности в психике.

Отправной точкой исследования Фрейда является осмысление чувства, которое соприкосновение с призраками (независимо от того, считаются они реальными, иллюзорными или просто вымышленными) вызывает у человека. Это чувство соприкосновения с чем-то жутким, которое, согласно Фрейду, не только служит ключом к пониманию их сущности, но и связывается в процессе его анализа с таким характерным свойством, которое обычно приписывается призракам, как их постоянное назойливое возвращение. При этом Фрейд, тщательно избегая возможности истолковать свое исследование как реабилитацию сверхъестественного, подчеркивает, что призраки вызывают ужас лишь у тех, кто *не верит* в их существование.

Фрейд считает, что у людей, которые склонны верить в существование призраков, соприкосновение с ними порождает лишь обычный страх и чувство обреченности. В связи с этим он, соглашаясь с трактовкой Ф.Й. Шеллинга, приходит к выводу, что «жуткое – это нечто, что должно было остаться скрытым, но обнаружилось» [14, с. 286]. В целом же жуткое, связанное с призраками, для Фрейда – это регресс к анимистическому миропониманию, которое, как полагает Фрейд, «характеризовалось наполнением мира духами людей, нарциссической переоценкой собственных душевных процессов, всемогуществом мыслей и построенной на этом техникой магии...» [14, с. 285]. При этом главным для Фрейда при объяснении призрака и эффектов призрачности является

убеждение во «всемогуществе мыслей», характерное для магического мышления.

Фрейд также указывает на подразумеваемый при объяснении жуткого как эффекта призрачности механизм вытеснения и замещения. Он подчеркивает, что «часто и легко чувство жуткого возникает тогда, когда стирается граница между фантазией и действительностью, когда перед нами возникает нечто, что мы до сих пор считали фантастическим, когда символ берет на себя функцию символизируемого и тому подобное» [14, с. 289].

В конечном итоге Фрейд считает – в полном согласии с позицией Маркса, затем поддержанной Адорно, – что от призраков или духов, даже если они понимаются как метафоры, необходимо избавиться. Их нужно изгнать не только в качестве необычной, но все же якобы вполне полноценной реальности, в которую некоторые продолжают верить. Согласно Фрейду, Марксу и Адорно, следует также отказаться и от самой метафоры призрака.

Принимая во внимание развитие психоанализа после Фрейда и его отношение к метафоре призрака и эффектам призрачности, нельзя не заметить, что эта метафора действительно была проанализирована не только более подробно, но и в свете несколько иных, чем у Фрейда, трактовок психоанализа. В рассматриваемом контексте особый интерес представляют теоретические построения французских психоаналитиков Николя Абрахама и Марии Торок, основанные на их практическом опыте психотерапии. Идея Абрахама и Торок о том, что бессознательное содержит в себе специфическое различие, оказала влияние на формирование концепции призрака Деррида.

Абрахам и Торок: чужая тайна и возвращающиеся призраки

В теории Абрахама и Торок вводится в рассмотрение общая концепция передачи бессознательного другому человеку не только от матери, но и от родителя вообще к его потомку и, таким образом, от одного поколения к другому. Передача бессознательного, согласно Абрахаму и Торок, охватывает очень сложные

родственные связи и именно в этом контексте позволяет объяснить феномен призрака иначе, чем представление о возвращении вытесненного у Фрейда.

В рамках концепции Абрахама и Торок появление призрака связывается с отношениями между поколениями, что позволяет учесть влияние на психическое развитие человека факторов, выходящих за пределы его индивидуального опыта не только в пространстве, но и во времени. В соответствии с этой стратегией объяснения, патогенные процессы в психике и психопатия связаны отнюдь не с бессознательным индивида в качестве закрытого хранилища подавленных фантазий и желаний, как это представлялось Фрейду. Согласно Абрахаму и Торок, патогенные процессы и психопатия вызываются некоей вытесненной в бессознательное, постыдной и в силу этого травматической тайной, которую после смерти ее носителя, умалчивавшего о ней, уже невозможно осознать и выразить в слове.

Тот член семьи из другого поколения, кто знал об этой тайне вследствие своей вовлеченности в некоторую групповую динамику, в свое время никому ничего не рассказал и унес свое утаенное знание в могилу. Между тем знание не о сути тайны, а о самом ее существовании переходит в бессознательное следующего поколения. Это происходит в процессе восприятия потомком тех умолчаний, которые окружают тайну при жизни хранящего ее родителя. Как и все, относящееся к бессознательному, эта тайна, будучи переданной, становится невыразимой непосредственно и может дать знать о своем существовании лишь через символические опосредования, воплощенные в превращенных формах.

Как пишет Абрахам, «конечно, все ушедшие могут возвращаться, но некоторым из них предназначено преследовать и не давать покоя: это умершие, испытывавшие стыд при жизни, или умершие, которые унесли свои тайны в могилу, никому не рассказав о них. <...> Фактически “призрак”, какую бы форму он ни принимал, это не что иное, как плод воображения живых.

Плод воображения в том смысле, что предназначением призрака является олицетворение – даже в виде индивидуальных или коллективных галлюцинаций – разрыва, созданного в нас сокрытием сведений о части жизни того, кого мы любим. Поэтому призрак является также метапсихологическим фактом: нас преследуют не мертвые, а разрывы, оставленные в нас тайнами других» [15, с. 171].

В основе концепции Абрахама и Торок лежит убеждение, что тайна может быть передана другому, не будучи высказанной и, таким образом, не перестав быть тайной. Именно в результате наблюдения тишины вокруг постыдного поступка родителя возникает разрыв в бессознательном потомка. Он не позволяет его психике полностью отделиться и стать самостоятельной. При этом относительно содержания тайны, создающей данный разрыв, потомок остается в неведении. В результате этот разрыв, независимо от воли потомка, включает его в некую символическую, но не поддающуюся осознанию структуру «групповой динамики», которая задается и навязывается прошлым.

Более того, присутствие в бессознательном потомка некоей не вписывающейся в систему, радикальной чуждости и, тем самым, неустрашимого различия разрушает представление о бессознательном в качестве самотождественного. Как указывает Абрахам, «призрак может исчезнуть лишь тогда, когда будет признана его радикально иная природа по отношению к субъекту, к тому субъекту, с которым он никогда не связан непосредственно. <...> *Призрак, возвращающийся для того, чтобы преследовать и не давать покоя, свидетельствует о существовании умершего, погребенного в другом*» (здесь и далее курсив источника. – А.П.) [15, с. 174–175].

Место погребения тайны предка в концепции Абрахама и Торок обозначается словом «крипта» («склеп», «тайник»), что предполагает обязательное отделение пространства крипты от остального пространства. При этом создание крипты подобно формированию кокона вокруг куколки у насекомых [16, с. 141].

Совершенно непроницаемые стены позволяют говорить о функции крипты как о «предохраняющем подавлении» [17, с. 159]. Крипта, как пишут Абрахам и Торок, это «вид искусственного бессознательного, внедрившегося в самую сердцевину его. Создание такого склепа подобно заделыванию всех щелей в полупроницаемых стенах динамического бессознательного. Ничто не может просочиться во внешний мир. Его поручено быть кладбищенским сторожем» [17, с. 159].

Деррида добавляет к этой характеристике, что крипта обозначает место, где находится не бессознательное как таковое, но «ложное бессознательное» [18, с. XIII], очевидно, названное им так по аналогии с интерпретацией идеологии Марксом в качестве «ложного сознания». Проявляясь в виде совокупности особых психопатических симптомов, несистемное бессознательное, проникшее в бессознательное потомка и укоренившееся в нем, начинает активно преследовать и пугать его. Это несистемное другое делает именно то, чего, согласно мифам, легендам, фольклору и их литературным обработкам, от него обычно и ждут, оказываясь навязчивым и поэтому постоянно возвращающимся.

При этом призрак вызывает у человека чувство соприкосновения с чем-то жутким не только потому, что его вообще не должно быть, но и потому, что он, несмотря ни на что, еще и неотвратимо, но всегда неожиданно появляется снова и снова. В соответствии с этим мотивы появления призрака парадоксальны, поскольку он появляется не для того, чтобы раскрыть тайну, а наоборот, для того, чтобы воспрепятствовать ее раскрытию, ради чего он и возвращается постоянно¹. Поэтому призрак отнюдь не стремится к преодолению состояния неведения: «Дух возвращается, преследуя и не давая покоя, с намерением лгать: его возможные

“откровения” по своей природе обманчивы» [19, с. 188].

В целом главной особенностью призрака в силу того, что его существование обуславливается наличием в субъекте чего-то чужеродного, является невозможность субъекта быть самоидентифицируемым. Бытие призрака внутренне противоречиво: он парадоксальным образом присутствует своим отсутствием. Именно в этом смысле метафор скорлупы и ядра, образующих название книги, статьи из которой цитировались выше. В использованной Абрахамом и Торок метафоре видимая, присутствующая скорлупа выступает в качестве средства сокрытия смысла, тогда как закрытое скорлупой, невидимое и, следовательно, не присутствующее ядро парадоксальным образом становится носителем смысла [21, с. 10].

Деррида: призрак как след другого

Наиболее полно смысл метафоры призрака раскрывается в книге Деррида «Призраки Маркса», в которой он использовал особый термин «*hantologie*», постепенно входящий в научный оборот как «хонтология» (от англ. *haunt* – «призрак») [22, с. 24]. В трактовке Деррида эффекты призрачности не сводятся лишь к обособлению духа, идеи или мысли, как оно изображено в гегелевском идеализме. Эффекты призрачности предполагают также обретение обособившимся духом некоторой «видимости плоти», некоторого «пространства невидимой видимости» [22, с. 184]. При этом обособившийся дух не возвращается в прежнее тело, а обретает искусственное, «протетическое» или «протезное» (фр. *prothétique*) тело [22, с. 184].

В соответствии с логикой Маркса, которой в своем анализе следует Деррида, субъект, считающий, что лишь он обладает телесностью, на самом деле неизбежно становится телом всех призраков и, тем самым, «абсолютным призраком».

¹Абрахам рассматривает это понимание на примере пьесы У. Шекспира «Гамлет». Согласно его реконструкции, постыдной тайной, хранимой бессознательным Гамлета и служащей причиной его загадочной, совершенно необъяснимой нерешительности, является не столько отравление его отца Клавдием, сколько убийство его отцом старшего Фортинбраса на дуэли, вскользь упоминаемой в пьесе, отравленным клинком. В связи с этим Абрахам даже написал, в подражание Шекспиру, VI акт пьесы, в котором эта тайна раскрывается (см. [19, с. 187–205; 20, с. 22–24]).

Он представляет собой «призрак призрака призрака-духа», «симулякр симулякра» [22, с. 185]. Такой субъект будет убежден, что для изгнания призраков (объективных идей или мыслей) достаточно осознания их призрачности. При этом Маркс не ставил под сомнение необходимость избавиться от призраков, изгнать их и, кроме того, считал, что сделать это возможно. Радикальное расхождение Маркса с современной ему немецкой идеологией, которую он критиковал, заключается в понимании того, как именно можно избавиться от призраков.

Деррида пишет, характеризуя позицию Маркса: «Невозможно изгнать *реальных* Папу или императора, изгнав или фокуснически устранив одну лишь *призрачную* форму их тел. Маркс весьма непреклонен: когда уничтожают призрачное тело, остается тело реальное» [22, с. 189]. Однако Деррида, в отличие от Маркса и стоящей за ним традиции, ставит под сомнение саму возможность изгнания призраков. Деррида подчеркивает, что борьба против них – это борьба против протеза и делегирования, повторения и различания. В общем случае это борьба против различающих и отчуждающих структур опосредования, стремление достичь уровня исходной самотождественной непосредственности.

Деррида убежден в невозможности достижения исходной непосредственности, которая всегда была бы тождественной самой себе. Это объясняет, почему уже в начале книги «Призраки Маркса» Деррида настаивает на том, что «следует учиться понимать духов. Хотя, и это есть главная причина, почему все же это следует делать, – их *не существует*. Несмотря на то, или как раз потому, что призрак – это не субстанция, не сущность и не существование, *он никогда не присутствует как таковой*» [22, с. 9]. Переходя к задаче понимания духов или призраков вместо их изгнания, Деррида обращается главным образом к анализу и деконструкции шекспировского образа призрака отца Гамлета. В итоге, как это

всегда делается в процессе деконструкции, происходит переворачивание бинарных оппозиций как простейших иерархий².

Речь здесь идет об иерархии призрака и того, кто на него смотрит. Деконструкция выявляет «эффект забрала», в соответствии с которым не столько мы смотрим на призрак, сколько он некоторым образом смотрит на нас, хотя из-за забрала мы не видим его взгляда [22, с. 19–20]. В соответствии с этим то, что является чем-то другим по отношению к сегодняшнему дню, еще должно прийти из будущего в виде призрачного разрыва, который, однако, уже вписан в настоящее. Это позволяет Деррида, в соответствии с теоретической моделью Абрахама и Торок, назвать постоянное возвращение другого в качестве призрака «законом другого поколения» [18, с. XXXI].

Деррида считает, что метафорически понимаемые призраки (как обособившийся дух, обособившиеся идеи или мысли) постоянно являются везде, где живет человек. Такие призраки, не принадлежащие только к бытию или только к небытию, определяемые для Деррида *неразрешимостью* вопроса о том, существуют они или нет, свидетельствуют о разломах и брешах в мире человека. Эти разломы и бреши – следы призрачного, одновременно невидимого и видимого, но принципиально неустранимого присутствия чего-то другого, которое разрушает метафизическое представление о бытии в качестве самотождественного.

Заключение

В философии Деррида метафора призрака принадлежит к открытой, допускающей дополнение серии взаимосвязанных и близких по смыслу терминов или выражений. Эта серия состоит, в частности, из таких метафор, как различание, след, дополнение, метка, неразрешимость и платоновский «фармакон» как лекарство и яд одновременно, а в общем смысле – внутренне противоречивое единство и символ неразрешимости.

²Как утверждал Деррида, «в классической философской оппозиции мы имеем дело не с мирным сосуществованием некоего взаимного противостояния, но с силовой иерархией. Один из двух членов главенствует над другим (аксиологически, логически и т. д.), стоит на вершине. Деконструировать оппозицию – значит сначала в определенный момент перевернуть иерархию» [23, с. 50].

Именно эта серия несет основную смысловую нагрузку при описании способа выхода за пределы европейской метафизики, которую Деррида характеризовал как «метафизику присутствия». Кроме того, к серии метафор, если и не равнозначных метафоре призрака, то тесно связанных с ней, добавляется метафора вируса, которая является для Деррида более общей.

В одном из интервью Деррида заявлял: «...В итоге во всем, что я сделал, преобладает мысль о вирусе, о том, что можно назвать паразитологией, вирусологией, в которых вирус имеет много смыслов. <...> Вирус – это, в частности, некий паразит, который разрушает процесс передачи информации, вносит в него беспорядок. Даже с точки зрения биологии вирус делает именно это, он расстраивает механизм передачи информации, присущие ему способы кодирования и декодирования. С другой стороны, он не является ни живым, ни неживым; вирус – это не микроб. И если вы будете двигаться вдоль этих двух линий... у вас будет матрица всего, что я сделал с того момента, как начал писать. <...> Такое впечатление, будто все, что я говорил последние двадцать пять лет, определялось идеей *destinerrance*³... дополнения, фармакона, всего неразрешимого – и, в конце концов, это одно и то же» [24, с. 12].

Позиция Деррида существенно отличается от предшествующей критики культуры и

идеологии, использовавшей метафору призрака в качестве обозначения идеологических aberrаций, которые могут быть исправлены или даже устранены. В этой традиции – и у Маркса, и у Фрейда, и у Адорно – допускалась принципиальная возможность окончательно избавиться от призраков, понимаемых как системные эффекты, и увидеть реальность без искажающих опосредований, в ее исходной непосредственности, «как есть». Деррида отвергает такую возможность, считая призраки и эффекты призрачности неустранимыми. Тем самым традиционной онтологии как стремлению увидеть сущее в его изначальном виде, без призрачных искажений, противопоставляется хонтология. Она признает, что каждый акт познания порождает призраки как нечто неразрешимое – то, что должно быть, но чего, однако, нет.

Таким образом, согласно теоретической модели культуры Деррида, человек живет в среде усложняющихся, бесконечно откладываемых в процессе различания и поэтому неустранимых опосредований, порождающих специфические системные эффекты в качестве эффектов призрачности. При этом обнаруживается, что данные эффекты, будучи в теоретической модели Деррида подобными вирусам, искажающим коммуникацию, тем не менее необходимы для существования культуры как сложной системы.

Список литературы

1. Ghosts: Deconstruction, Psychoanalysis, History / ed. by P. Buse, A. Stott. London: Palgrave Macmillan, 1999. 268 p.
2. Davis C. Haunted Subjects: Deconstruction, Psychoanalysis, and the Return of the Dead. New York: Palgrave Macmillan, 2007. 181 p.
3. Popular Ghosts: The Haunted Spaces in Everyday Culture / ed. by M. del Pilar Blanco, E. Peeren. New York: Continuum, 2010. 365 p.
4. The Spectralities Reader: Ghosts and Haunting in Contemporary Cultural Theory / ed. by M. del Pilar Blanco, E. Peeren. New York: Bloomsbury Academic, 2013. 584 p.

³Неологизм Деррида, означающий «отсрочку предназначения», «блуждание, откладываемое момент исполнения предназначенного» по аналогии с тем, как, в соответствии с почтовой метафорой Деррида, блуждает письмо без адреса.

5. Shaw K. *Hauntology: The Presence of the Past in Twenty-First Century English Literature*. New York: Palgrave Macmillan, 2018. 119 p.
6. Castricano C.J. *Cryptomimesis: The Gothic and Jacques Derrida's Ghost Writing*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2001. 165 p.
7. *Ghostly Demarcations: A Symposium on Jacques Derrida's Specters of Marx* / ed. by M. Sprinker. London: Verso, 2008. 278 p.
8. Glazier J.W. Derrida and Messianic Subjectivity: A Hauntology of Revealability // *J. Cult. Res.* 2017. Vol. 21, № 3. P. 241–256. DOI: [10.1080/14797585.2017.1338600](https://doi.org/10.1080/14797585.2017.1338600)
9. McNeill D. *Fetishism and the Theory of Value: Reassessing Marx in the 21st Century*. New York: Palgrave Macmillan, 2021. 322 p.
10. Мамардашвили М.К. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Мамардашвили М.К. *Формы и содержание мышления*. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2011. С. 243–262.
11. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: [в 50 т.]. 2-е изд. Т. 23. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1960. 907 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология* // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: [в 50 т.]. 2-е изд. Т. 3. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. С. 7–544.
13. Adorno T.W. *Thesen gegen den Okkultismus* // Adorno T.W. *Minima Moralia: Reflexionen aus dem beschädigten Leben*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1951. S. 462–474.
14. Фрейд З. Жуткое // Фрейд З. Собр. соч.: [в 10 т.]. Т. 4. Психологические сочинения / пер. с нем. А.М. Бовикова. М.: Фирма СТД, 2006. С. 261–297.
15. Abraham N. Notes on the Phantom: A Complement to Freud's Metapsychology // Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago: Chicago University Press, 1994. P. 171–176.
16. Abraham N., Torok M. "The Lost Object – Me": Notes on Endocryptic Identification // Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago: Chicago University Press, 1994. P. 137–156.
17. Abraham N., Torok M. The Topography of Reality: Sketching a Metapsychology of Secrets // Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago: Chicago University Press, 1994. P. 157–161.
18. Derrida J. Fors: The English Words of Nicolas Abraham and Maria Torok // Abraham N., Torok M. *The Wolf Man's Magic Word: A Cryptonymy*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986. P. XI–XLVIII.
19. Abraham N. The Phantom of Hamlet or The Sixth Act, Preceded by the Intermission of "Truth" // Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago: Chicago University Press, 1994. P. 187–205.
20. Rashkin E. *Family Secrets and the Psychoanalysis of Narrative*. Princeton: Princeton University Press, 1992. 206 p.
21. Derrida J. Me – Psychoanalysis: An Introduction to the Translation of "The Shell and the Kernel" by Nicolas Abraham // *Diacritics*. 1979. Vol. 9, № 1. P. 3–12. DOI: [10.2307/464696](https://doi.org/10.2307/464696)
22. Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал / пер. с фр. Б. Скуратова; под общ. ред. Д. Новикова. М.: Logos-altera; Ecce homo, 2006. 256 с.
23. Деррида Ж. *Позиции* / пер. с фр. В.В. Бибикина. М.: Акад. Проект, 2007. 160 с.
24. Brunette P., Wills D. *The Spatial Arts: An Interview with Jacques Derrida* // *Deconstruction and the Visual Arts: Art, Media, Architecture* / ed. by P. Brunette, D. Wills. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 9–32.

References

1. Buse P., Stott A. (eds.). *Ghosts: Deconstruction, Psychoanalysis, History*. London, 1999. 268 p.
2. Davis C. *Haunted Subjects: Deconstruction, Psychoanalysis, and the Return of the Dead*. New York, 2007. 181 p.
3. Pilar Blanco M. del, Peeren E. (eds.). *Popular Ghosts: The Haunted Spaces in Everyday Culture*. New York, 2010. 365 p.
4. Pilar Blanco M. del, Peeren E. (eds.). *The Spectralities Reader: Ghosts and Haunting in Contemporary Cultural Theory*. New York, 2013. 584 p.
5. Shaw K. *Hauntology: The Presence of the Past in Twenty-First Century English Literature*. New York, 2018. 119 p.
6. Castricano C.J. *Cryptomimesis: The Gothic and Jacques Derrida's Ghost Writing*. Montreal, 2001. 165 p.

7. Sprinker M. (ed.). *Ghostly Demarcations: A Symposium on Jacques Derrida's Specters of Marx*. London, 2008. 278 p.
8. Glazier J.W. Derrida and Messianic Subjectivity: A Hauntology of Revealability. *J. Cult. Res.*, 2017, vol. 21, no. 3, pp. 241–256. DOI: [10.1080/14797585.2017.1338600](https://doi.org/10.1080/14797585.2017.1338600)
9. McNeill D. *Fetishism and the Theory of Value: Reassessing Marx in the 21st Century*. New York, 2021. 322 p.
10. Mamardashvili M.K. Prevrashchennye formy (O neobkhodimosti irratsional'nykh vyrazheniy) [Converted Forms. On the Need for Irrational Expressions]. Mamardashvili M.K. *Formy i sodержание myshleniya* [Forms and Content of Thinking]. St. Petersburg, 2011, pp. 243–262.
11. Marx K. Kapital [Capital]. Vol. 1. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 23. Moscow, 1960. 907 p.
12. Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology]. Marx K., Engels F. *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow, 1955, pp. 7–544.
13. Adorno T.W. Thesen gegen den Okkultismus. Adorno T.W. *Minima Moralia: Reflexionen aus dem beschädigten Leben*. Frankfurt am Main, 1951, pp. 462–474.
14. Freud S. Zhutkoe [The Uncanny]. Freud S. *Sobranie sochineniy. T. 4. Psikhologicheskie sochineniya* [Collected Works. Vol. 4. Works on Psychology]. Moscow, 2006, pp. 261–297.
15. Abraham N. Notes on the Phantom: A Complement to Freud's Metapsychology. Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago, 1994, pp. 171–176.
16. Abraham N., Torok M. "The Lost Object – Me": Notes on Endocryptic Identification. Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago, 1994, pp. 137–156.
17. Abraham N., Torok M. The Topography of Reality: Sketching a Metapsychology of Secrets. Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago, 1994, pp. 157–161.
18. Derrida J. Fors: The English Words of Nicolas Abraham and Maria Torok. Abraham N., Torok M. *The Wolf Man's Magic Word: A Cryptonymy*. Minneapolis, 1986, pp. XI–XLVIII.
19. Abraham N. The Phantom of Hamlet or The Sixth Act, Preceded by the Intermission of "Truth". Abraham N., Torok M. *The Shell and the Kernel: Renewals of Psychoanalysis*. Vol. 1. Chicago, 1994, pp. 187–205.
20. Rashkin E. *Family Secrets and the Psychoanalysis of Narrative*. Princeton, 1992. 206 p.
21. Derrida J. Me – Psychoanalysis: An Introduction to the Translation of "The Shell and the Kernel" by Nicolas Abraham. *Diacritics*, 1979, vol. 9, no. 1, pp. 3–12. DOI: [10.2307/464696](https://doi.org/10.2307/464696)
22. Derrida J. *Spectres de Marx: L'État de la dette, le travail du deuil et la nouvelle Internationale*. Galilée. 2002 (Russ. ed.: Derrida Zh. *Prizraki Marksa. Gosudarstvo dolga, rabota skorbi i novyy internatsional*. Moscow, 2006. 256 p.).
23. Derrida J. *Positions*. Paris. 1972. 133 p. (Russ. ed.: Derrida Zh. *Pozitsii*. Moscow, 2007. 160 p.).
24. Brunette P., Wills D. The Spatial Arts: An Interview with Jacques Derrida. Brunette P., Wills D. *Deconstruction and the Visual Arts: Art, Media, Architecture*. Cambridge, 1994, pp. 9–32.

DOI: 10.37482/2687-1505-V194

Aleksandr I. Pigalev

Volgograd State University;
prosp. Universitetskiy 100, Volgograd, 400062, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4858-8862> e-mail: pigalev@volsu.ru

METAPHOR OF THE SPECTRE IN JACQUES DERRIDA'S PHILOSOPHY

This paper aimed to analyse the meaning and contexts of the metaphor of the spectre in Jacques Derrida's philosophy. It is emphasized that the notion of the spectre, which was previously inadmissible for philosophical thinking due to its vagueness, doubtfulness and a dash of mysticism, became popular as a metaphor owing to the widely debated "spectral turn" in philosophy. The research starts

For citation: Pigalev A.I. Metaphor of the Spectre in Jacques Derrida's Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 77–87. DOI: 10.37482/2687-1505-V194

with analysing the influence of Karl Marx and Sigmund Freud on Derrida's use of the metaphor of the spectre. It is noted here that Marx viewed commodity fetishism as a variety of the so-called converted form, which in his works became the basis for interpreting the metaphor of the spectre. Freud correlated the notion of the spectre with the uncanny feeling, whereas in other respects he, like Marx, examined spectral effects in the context of systemic processes. For Derrida, who was on that point influenced by psychoanalysts Nicolas Abraham and Maria Torok, the spectre is an anticipation of the future and thus a trace of something else, of a difference in the structures that seem undifferentiated. It is neither a spiritual nor a fully embodied remainder of self-identical presence that in a way haunts, unexpectedly disappears and returns again. In contrast to Marx and Freud, who believed that spectres could be exorcized, Derrida reckoned that one cannot get rid of them. According to Derrida, man is surrounded by endlessly deferred mediations, which engender nonremovable spectral effects. The latter, being similar to the viruses that distort communication, are, nevertheless, required by the system.

Keywords: *Jacques Derrida, metaphor of the spectre, fetishism, converted form, metaphysics of presence, metaphor of the virus.*

Поступила 08.03.2022
Принята 15.06.2022
Опубликована 23.09.2022

Received 8 March 2022
Accepted 15 June 2022
Published 23 September 2022

УДК 94(47).05/08:130.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V193

*МАЗАЛОВА Наталия Евгеньевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург). Автор 107 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7586-4506>

«ПЕТЕРБУРГ – САМЫЙ УМЫШЛЕННЫЙ ГОРОД НА СВЕТЕ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ МИФОЛОГИИ

Петербургская мифология отражает восприятие горожанами своего города, его переживание. В статье она рассматривается как реплика «петербургского текста русской литературы». Автор исследует явления, характерные для петербургской мифологии постмодернистского периода: неопределенность, свободное цитирование, фрагментарность, гибридизация, «малая история» и др. Анализируются значения, которые вкладывают петербуржцы в ставшее крылатым выражение Ф.М. Достоевского «Петербург – самый умышленный город на свете». В представлениях о Петербурге проявляется одна из главных особенностей постмодернистского мышления, когда из различных источников – прежде всего литературных, а также исторических, архитектурных – складывается современная петербургская мифология. Именно поэтому для исследования избран структурно-типологический метод – сравнение новых мифологических мотивов с архаическими и литературными. Отмечается, что словосочетание «умышленный Петербург» петербуржцы наделяют как позитивной семантикой (нечто, заранее обдуманное, замысел, план), так и негативной (нечто «предвзвешенное», ошибка, преступление). Автор анализирует связь понятия «умышленный город» с основными мифами Петербурга – мифом творения и эсхатологическим, которые неразделимы. Представления об «умышленности Петербурга» также ассоциируются с утопическими идеями – созданием по воле самодержца идеального города из хаоса, на болоте, по правилам регулярного европейского градостроительства. Автор делает вывод о том, что востребованность исследования понятия «умышленный Петербург» в настоящее время определяется следующим: создание и все дальнейшее существование города – потенциал для «умышленного» импульса к развитию не только Петербурга, но и всей страны.

Ключевые слова: *умышленный Петербург, петербургская мифология, постмодернизм, особенности постмодернистского мышления, миф творения, эсхатологический миф, Петр I.*

*Адрес: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3; e-mail: mazalova.nataliya@mail.ru

Для цитирования: Мазалова Н.Е. «Петербург – самый умышленный город на свете» в контексте современной петербургской мифологии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 88–96. DOI: 10.37482/2687-1505-V193

Фраза Ф.М. Достоевского «Петербург – самый умышленный город на свете» стала крылатой. Ее используют журналисты, ученые – лингвисты, литературоведы, философы, исследующие разные вопросы, связанные с Петербургом [1–5]. Она стала частью петербургской мифологии, в которой отражается восприятие горожанами своего города, его переживание.

В связи с этим представляет интерес исследование новых явлений, промежуточных между языком и сознанием и характерных для петербургской мифологии постмодернистского периода, к которым относятся неопределенность, свободное цитирование, фрагментарность, гибридизация, «малая история» и др. В восприятии Петербурга нашими современниками проявляется одна из главных особенностей постмодернистского мышления, в соответствии с которой из различных источников – прежде всего литературных, а также исторических, архитектурных – складывается современная петербургская мифология [6, с. 123–124; 7, с. 103–125]. Важно проследить, как литературные мотивы, сюжеты и образы «петербургского текста русской литературы», сами нередко созданные под влиянием мифологии, в свою очередь, повлияли на представления петербуржцев о городе, на современную петербургскую мифологию. О сходных с созданием образа Петербурга процессах формирования мифологического образа Парижа, механизмах воздействия на него книжных источников писал Р. Кайуа: «Существует некое представление о большом городе... представление, созданное из разнообразных книжных материалов, но настолько широко распространенное, что ныне оно составляет часть психологической атмосферы коллектива и потому обладает известной принудительной силой. Здесь уже узнаются черты мифических представлений» [8, с. 122].

Один из самых известных исследователей Петербурга и «петербургского текста русской литературы» – В.Н. Топоров отмечал наличие в произведениях Ф.М. Достоевского архаических мифопоэтических схем космологического содержания [9, с. 193]. Для мифологического

сознания петербуржцев также характерны данные универсальные архаические схемы, что нашло отражение в их размышлениях по поводу фразы Ф.М. Достоевского об «умышленности» города, поэтому для исследования избран структурно-типологический метод – сравнение новых мифологических мотивов с архаическими и литературными.

Фраза Ф.М. Достоевского об умышленности Петербурга известна многим петербуржцам, в оригинале (в «Записках из подполья») она звучит следующим образом: «...в Петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре» [10, с. 455]. Большинство петербуржцев помнят только вторую часть фразы, поэтому мы обратились к анализу представлений горожан об умышленности их города. В статье рассматривается, как горожане воспринимают эту фразу Достоевского применительно к современному Петербургу, какие ассоциации она вызывает, как она встраивается в петербургскую мифологию и какие особенности постмодернистского мышления отражаются в представлениях об умышленности города. Полевые исследования проводились в 2018–2019 годах среди петербуржцев разного возраста, в т. ч. студентов, среди которых – приезжие, временно проживающие в Петербурге (более 70 опросов). В основу изучения полевых материалов (ПМ) был положен прагматический анализ, направленный на выявление включенности мифологических представлений в сознание современных горожан и их актуализацию.

Исследователи связывают «умышленность» Петербурга – создание его по воле самодержца и единому плану – с утопическими идеями Нового времени. Так, Л. Лурье пишет: «Действительно, трудно назвать другой большой европейский город, который в такой же степени, как столица Российской империи, возник бы не из потребностей общества, а как воплощенная утопия государства, не считающегося с поданными» [1, с. 6]. Другой автор предлагает гипотезу, в соответствии с которой «архитектурно-ландшафтный феномен Петербурга» соотносится с утопическими концепциями

Платона и Томаса Мора, поскольку «город основан и отчасти спланирован по единоличной воле деспота как символ обожествленной государственной власти» [11].

В мифологических представлениях петербуржцев выражение «умышленный Петербург» имеет разные значения. Отметим, что слово «умышленный» в современном языке употребляется достаточно редко. Согласно представлениям петербуржцев, ему присуща и позитивная, и негативная семантика: позитивная – как заранее обдуманное намерение сделать что-либо, замысел, план; негативная – как нечто «предрассудительное», форма вины. Отметим, что, прежде всего, умысел – это замысел, действие по заранее обдуманному плану. И в определениях горожан «умышленный» – это, в первую очередь, существующий в реальности, но созданный по проекту. Умышленность, по мнению петербуржцев, проявляется в строительстве города по четкому градостроительному плану (пусть и не в полной мере воплощенному), в исторической и экономической целесообразности его создания: «В Санкт-Петербурге квартальная застройка; город заранее предполагался, как портовый, а не естественным путем расположился около воды. Вообще большая часть городов в свое время разрасталась стихийно, а для Петербурга сразу были продуманы какие-то планы и идеи градостроительства. Здесь также большое количество архитектурных сооружений с лепниной и прочими украшениями фасадов – маленькими деталями, которые требуют тщательной работы мастеров, а практической роли не играют – все это, в каком-то смысле, тоже можно уместить в термин “умышленный”» (ПМ). Об умышленности Петербурга как архитектурном замысле пишут и исследователи: «Вместе с тем Петербург – один из самых хорошо спланированных, по выражению Достоевского, “умышленных” городов на свете, обладающий уникальным архитектурным оформлением» [12, с. 324].

Идеи регулярности и порядка в соответствии с принципами регулярного европейского градостроения нашли отражение в градостро-

ительном планировании центра Петербурга: три луча (Невский проспект, Гороховая улица и Вознесенский проспект), направленные к композиционному центру – Адмиралтейству, являлись основой всей планировочной композиции. В Петербурге воплотились мечты Петра I о европейском городе – парадизе с «образцовыми» домами, прямыми улицами и каналами: «Умышленность – строительство по четкому плану, градостроительный баланс, сочетание урбанистики и природных ландшафтов (парки, реки и каналы)» (ПМ).

Синонимом слова «умышленный» выступает «искусственный» в значении ‘не природный, созданный наподобие подлинного’ [13, с. 248]. Петербуржцы придают этому слову значения ‘созданный человеком по подобию природного, подлинного’, ‘связанный с сознательной деятельностью человека’, ‘ненастоящий, неестественный’, ‘ненатуральный, противопоставленный природе’. Некоторые горожане считают, что построенный по строгому плану город «кажется “искусственным”, то есть сделанным из камня, без признаков жизни, природы» (ПМ).

Словосочетание «умышленный город» также обладает семантикой ‘безжизненный’, ‘миражный’, ‘напоминающий театр’. Согласно ПМ, горожанам Петербург представляется мистическим, похожим на театральные декорации. Эти признаки Петербурга – миражность, мистичность, театральность – являются особенностями постмодернистского сознания.

Умышленность – это не только замысел, план, но и мысль: горожане отмечают, что в основу понятия «умышленный» положен признак «мысль / продукт мысли». Так, они считают, что Петербург создан по мысли Петра. Мысль – исходная форма по отношению к замыслу, за которой следует действие, причем действие завершено, доведенное до результата, до совершенного состояния; мысль – не только продукт мышления, но и его результат. Горожане отмечают связь замысла и действия в создании Петербурга: «“Умышленный город” связан с умыслом, намерением обдуманным решением, действием... Санкт-Петербург сначала замыслился

Петром, а затем гениально был спроектирован талантливыми архитекторами-художниками в разное время» (ПМ). Умышленность Петербурга горожане связывают с именем его основателя Петра I, процесс создания города рассматривается как результат его волевого акта; умышленный – созданный волей одного человека, преодолевшего фантастические вымыслы и воплотившего их в жизнь. Таким образом, слово «умысел» одновременно обозначает понятия «мысль», «слово» и «действие»: «Слово в этих условиях выходит за пределы языка, сливается с мыслью и действием, актуализирует свои внеязыковые потенции» [9, с. 194]. В высказываниях петербуржцев об умышленности создания города постоянно подчеркивается действие – одна из важнейших особенностей постмодернистского дискурса [7, с. 122].

Умышленность Петербурга также осмысливается как целесообразность строительства города в соответствии с геополитическими, экономическими условиями и «замышляемым» местом в отечественной и мировой истории. Так, один из горожан выражает согласие с фразой Ф.М. Достоевского именно по этим причинам: «Согласен с выражением Достоевского, поскольку те люди, которые создавали этот город, создавали его с той целью, чтобы становление города во многом определило дальнейшее культурное и экономическое развитие всей страны, что и произошло в дальнейшем, на мой взгляд. Над окном работали зодчие и проектировщики со всего мира. Этот город задумывался как окно в Европу, как средство коммуникации со всем миром. И он действительно сделал Россию по-настоящему открытой и международной... страной» (ПМ).

Трактовки понятия «умышленный город» связаны с главными петербургскими мифами, прежде всего – с этиологическим мифом, или мифом творения. Петербуржцы упорно повторяют миф о строительстве города на болоте, хотя он давно развенчан историками; для многих Петербург – умышленный город именно потому, что он построен на болоте, в непроходимых лесах, и в этом они видят уникальность города.

Петербургский миф творения совпадает с космогоническим по нескольким признакам: город возникает из хаоса (пустоты) – на болоте. Болото – это территория хаоса, роль которого в мифологии рассматривается как «роль лона, в котором зарождается мир, содержание в нем некоей энергии, приводящей к порождению» [14, с. 585]. Строительство северной столицы на болоте – это неотъемлемая часть петербургской мифологии и «петербургского текста русской литературы»: «...Из тьмы лесов, из топи блат...» (А.С. Пушкин. «Медный всадник»).

Для жителей Петербурга характерно заблуждение, что город построен на пустынном, незаселенном месте, и в этом они видят его «умышленность» и «искусственность». Петербург ими определяется как искусственный город, «так как он возник на “пустой” территории болот и лесов» (ПМ). Пустота – важное понятие постмодернистского дискурса, который разрабатывали М. Фуко, Ж. Делез [15, 16]. Уникальность мифологии Петербурга и ее соответствие постмодернистским понятиям заключаются в самой идее создания города на пустом месте, в отсутствии исторических связей. Эти представления также восходят к космогоническому мифу – о возникновении города из пустоты (хаоса). Это – аллюзия на поэму «Медный всадник»: «На берегу пустынных волн / Стоял он, дум великих полн...». В действительности давно известно, что даже на месте сегодняшнего исторического центра было около 40 поселений (например, на месте Адмиралтейства – шведское поселение, в устье Фонтанки – деревня Каллила и др.).

Умышленность, искусственность Петербурга также проявляется в том, что, по мнению петербуржцев, этот город не является поселением, которое медленно и постепенно развивалось на территории «своего» этноса, а строился на территории, принадлежащей другим этносам. Иначе говоря, умышленность – это отсутствие генетической связи с автохтонным населением: «Умышленный – потому что это город, выстроенный по замыслу, без соотношения с прежним населением и прежними

сооружениями, которые обычно присутствуют на месте строительства города» (ПМ). Умышленность также проявляется в различии ментальности пришлого населения и населения автохтонного: «Петербург был создан искусственно по желанию Петра Великого и принудительно заселен людьми со всей России и Европы. Это место не являлось социокультурным или экономическим центром региона, кроме того, он образовался вокруг Петропавловской крепости, которая относилась к территории Шведского государства, так что сама ментальность и пассионарность этого места не была схожа с русской» (ПМ).

Для «петербургского текста русской литературы» характерно сравнение Петербурга с Москвой – как неорганичного искусственного объекта с органичным естественным началом [2, с. 665]. Однако для современных петербуржцев это сравнение не актуально; возможно, это объясняется тем, что Москва перестала быть «естественным» русским городом и превратилась в интернациональный мегаполис. В высказываниях горожан умышленный Петербург обычно противопоставляется некому собирательному «естественному» городу: «“Умышленный город” – город, существующий реально, но возникший когда-то не в виде крошечного поселения и развивавшийся естественно, в соответствии с разнообразными и противоречивыми экономическими и иными интересами множества людей, а созданный по решению власти и застроенный по единому плану» (ПМ).

«Умышленный» также имеет значение ‘противоестественный’: «Умышленность – это неестественное, неорганическое создание города на “чужой” территории, однако со временем умышленность нивелируется» (ПМ). Как известно, территория, принадлежащая другим этносам, в архаическом сознании оценивается как «чужая», расположенная в потустороннем мире.

Умышленность, сводимая к искусственности, противоестественности и эксцентричности города, несомненно, коррелирует с принципами философии постмодернизма.

Вместе с тем в действительности выбор места строительства новой столицы был обусловлен рядом объективных причин: «Возникший по воле самодержца Петербург превратился в самый северный в мире город с многомиллионным населением именно в силу того, что место для него объективно было выбрано очень удачно – и уже возникший город сам организовал свое положение, значительно его улучшив. Возможно, что Петр I интуитивно нащупал точку роста» [5].

В современном русском языке слово «умысел» чаще употребляется в отрицательном значении: «В этом не совсем обычном слове слышна негативная экспрессия (по словарю Даля “умышленник” – то же, что злоумышленник), – поставим рядом слово “умысел” с ближайшим родственным – “замысел”. А ведь именно сам момент чудотворного замысла любили живописать создатели петербургского мифа – и Батюшков в своей прозе, и Пушкин в своей поэме, который в первых строках “Медного Всадника” прямо следовал воображению Батюшкова (“И воображение мое представило мне Петра, который в первый раз обозревал берега дикой Невы, ныне столь прекрасные!”). На эти картины замысла и отвечал Достоевский своим неприязненным словом, в котором замысел деформировался в злоеший умысел» [3, с. 138]. Эту особенность слова «умышленный» в выражении Ф.М. Достоевского отмечают и петербуржцы: «В слове “умышленный” действительно есть некоторый негативный оттенок, ведь обычно умышленно совершают какое-либо преступление либо правонарушение. В этом смысле, когда я говорю об “умышленности” Петербурга, я тоже чувствую некоторый подвох, какую-то маленькую ложь» (ПМ); «Достоевский усматривал в этом “умысле” противоестественность и, следовательно, порочность» (ПМ).

В словаре Брокгауза–Ефрона приводится единственное значение слова «умысел»: «Умысел (*Dolus*), юридич., один из видов виновности, противопоставляется неосторожности. Элементы У[мысла]: сознание совершаемого, предвидение его последствий и воля, направленная к

совершению» [17, с. 737]. Умышленность строительства Петербурга отчасти рассматривается петербуржцами как преступление, как вина в ее широком смысле – не только его создателя, а также самого созданного Петербурга как города, противостоящего человеку, и всей его истории: «Сложно спорить с Федором Михайловичем, но что такое умысел? В уголовном праве это – преступное заведомое деяние человека. Если брать факты истории, судьба нашего города столкнулась с такими деяниями не раз: осуждены деяния 1825 года, народовольцы, социалисты в 1905 году, остается 1917 год. Про наш Санкт-Петербург говорят “колыбель трех революций”, а что бы сказал Ф.М. Достоевский про эти революции? Были ли они умышленны либо нет? Был ли в них преступный умысел? Ведь Достоевский пророчески предупреждал нас в своих произведениях о пагубности умыслов, направленных против Отечества! В настоящий момент Санкт-Петербург больше не является имперской столицей России, сосредоточением денежных потоков страны, и теперь определение Ф.М. Достоевского “умышленный город” намного больше подходит новой столице России – Москве» (ПМ).

В мифологическом сознании петербуржцев понятия «вина» и «преступление» сосуществуют с понятием «катастрофизм». Два основных петербургских мифа – миф творения и миф конца – постоянно соседствуют друг с другом. В умышленности Петербурга – его строительстве в непредназначенном для жизни месте – просматривается связь с эсхатологическими представлениями, в соответствии с которыми город рано или поздно погибнет. Другое высказывание Ф.М. Достоевского продолжает тему умышленности Петербурга, доводя его до логического конца: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь тот гнилой, склизлый город, поднимется с туманом и исчезнет, как дым, и останется прежнее Финское болото, а посреди его, пожалуй,

для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?» [18, с. 270].

В наши дни в городском социуме функционируют эсхатологические мифы, в которых предсказывается гибель города в результате потопа, погружения на дно моря. С ними связан еще один важнейший петербургский миф – «Петербургу быть пусту». Петербургская мифология и эсхатология были соединены изначально: «История Петербурга мыслится замкнутой; она не что иное, как некий временный прорыв в хаосе» [2, с. 677]. Миф конца определяет главную тему петербургской мифологии. Этот миф подтверждался почти ежегодными наводнениями на протяжении более двух веков. Даже несмотря на построенную дамбу, горожан постоянно беспокоит возможное наводнение: «Читала в газетах, что одной дамбы недостаточно, она может выдержать наводнение только в течение дня. Нужно строить новую дамбу, в истоках Невы» (ПМ).

Петербургжцы размышляют над темой наводнений на протяжении всей жизни: так, сорокалетняя дама рассказывает, что в детстве мама заставляла ее посещать бассейн, т. к. считала, что каждый ленинградец должен уметь плавать, а ребенок решил, что умение плавать необходимо, потому что бывают наводнения (ПМ). Представления о возможном затоплении Петербурга отражаются в видениях современных горожан и их снах. Например, жительнице Петербурга постоянно снится один и тот же сон: «Живу на Капитанской – у нас окна прямо на залив выходят. Так вот, когда еще и в планах не было никакой засыпки залива и порта, мне сны снились неоднократно... как будто какая-то суша на заливе, вдруг... вода начинает подступать к нашим окнам (пятый этаж), все выше и выше... балкон затапливает, стекла трещины дают... у меня дикий ужас... поднимаю глаза и вижу – со стороны Кронштадта идет гигантская волна!»¹. В народной эсхатологии подобные сны являются показателем настроения горожан.

¹Пророчества о Санкт-Петербурге [2011]. URL: https://vk.com/topic-24964879_25680467 (дата обращения: 03.03.2022).

Существует мнение по поводу умышленности Петербурга, когда его создание воспринимается не как гениальный замысел, а как «ошибка», «случайность», «вопреки или на авось». Некоторые горожане противопоставляют понятию «умышленность» «неумышленность»: «Наоборот, считаю Петербург одним из самых “неумышленных” из известных мне городов. Неумышленность для меня – синоним выражения “так получилось”, “нечаянно” и т. д. Именно поэтому Петербург – абсолютно неумышленный город. Все в нем получилось если и не прямо вопреки, то уж во всяком случае “мимо умысла” – точно. Хотя я придерживаюсь точки зрения, что именно вопреки умыслу Петербург – результат ожесточенного сопротивления чего-то вроде “Genius Loci” всем умыслам всех его создателей» (ПМ). По словам других, город строился в расчете на случай, удачу: «Петербург построен на “авось”, могло не получиться, но ведь получилось же. Город был необходим, предсказуем. Он живет, обновляется» (ПМ). Здесь историческая и экономическая необходимость строительства Петербурга связывается с представлениями о неожиданном везении, счастливом случае. Слово «авось» выступает в значении ‘в надежде на ничтожно малый шанс’. Иначе говоря, на авось – в надежде не на себя, свои действия, а исключительно полагаясь на случай, судьбу. По мнению исследовательницы А. Вежбицкой, частица «авось» связана с темой судьбы, неконтролируемости событий в неуправляемом мире – одними из важнейших идейных составляющих русской языковой картины мира [19, с. 76–79]. Высказывания петербуржцев по

поводу создания Петербурга на авось переключаются с утверждениями Н. Карамзина о Петербурге как «блестящей ошибке» и И. Анненского – «проклятой ошибке». И если умышленное создание Петербурга в значении ‘по замыслу, по строгому плану’ характеризует западную ментальность и культуру, встраиваться в которые предполагал Петр I, то строительство северной столицы на авось – русское мышление. Петр I – создатель «умышленного Петербурга» предстает в петербургской мифологии как демиург, а в качестве строителя города на авось – как трикстер; иначе говоря, он проявляется в двух ипостасях культурного героя.

Петербург как «самый умышленный город» в представлениях современных петербуржцев обнаруживает некоторые черты утопии. Это эксцентрический город, возникший из хаоса, в пустом пространстве, на краю страны, вне этнического и исторического контекста. Умышленный – утопический в том смысле, что он строился как идеальный город: «Петербург – утопия, город, по замыслу, идеальный и по воплощению искусственный» [4, с. 45]. Однако если утопия – это нечто несбыточное, то умышленный Петербург – это осуществленная утопия: создание и все дальнейшее существование города – потенциал для «умышленного» импульса развития не только Петербурга, но и всей страны.

Таким образом, анализ понятия «умышленный Петербург» продемонстрировал его связь с петербургскими мифами и возможности его дальнейшего исследования как реплики «петербургского текста русской литературы», а также как части постмодернистского мышления горожан.

Список литературы

1. Лурье Л. Предумышленный город // Лурье Л.Я. Петербург Достоевского. Исторический путеводитель. СПб.: БХВ-Петербург, 2012. С. 6–35.
2. Топоров В.Н. Петербургский текст. М.: Наука, 2009. 820 с.
3. Бочаров С.Г. Петербургский пейзаж: камень, вода, человек // Новый мир. 2003. № 10. С. 134–141.
4. Быстров Н.Л., Полякова И.Г. Петербург как утопия: философско-семиотический этюд // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2004. № 29. С. 43–51.

5. Файбусович Э.Л. Тебе спую задушевную песню свою // География. 2003. № 20. URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200302003> (дата обращения: 20.02.2022).
6. Hassan I. The Culture of Postmodernism // Theory Cult. Soc. 1985. Vol. 2, № 3. P. 119–132.
7. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021. 576 с.
8. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. 296 с.
9. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. 624 с.
10. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 4. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. С. 452–550.
11. Мазур-Матусевич Е. Петербург как азиатский город // Электрон. филос. журн. Vox / Голос. 2013. Вып. 14. С. 1–18. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/219/223> (дата обращения: 25.03.2022).
12. Янгфельдт Б. От варягов до Нобеля. Шведы на берегах Невы. М.: Ломоносовъ, 2010. 392 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 5-е изд., стер. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1963. 900 с.
14. Топоров В.Н. Хаос первобытный // Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М., 1997. Т. 2. К – Я. С. 585–586.
15. Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад: АОЗТ «Талисман», 1994. 405 с.
16. Логика смысла / Ж. Делез. *Theatrum philosophicum* / М. Фуко; [к сб. в целом]: пер. с фр. М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая кн., 1998. 480 с.
17. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т. XXXIVA (68): Углерод – Усилие. СПб.: Тип. Акц. О-ва Брокгауз–Ефрон, 1902. 960 с.
18. Достоевский Ф.М. Подросток // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 8. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. С. 139–692.
19. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Рус. словари, 1996. 412 с.

References

1. Lur'e L. Predumyshlennyy gorod [An Intentional Town]. Lur'e L.Ya. *Peterburg Dostoevskogo. Istoricheskiy putevoditel'* [Dostoevsky's Petersburg: A Historical Guide]. St. Petersburg, 2012, pp. 6–35.
2. Toporov V.N. *Peterburgskiy tekst* [Petersburg Text]. Moscow, 2009. 820 p.
3. Vocharov S.G. Peterburgskiy peyzazh: kamen', voda, chelovek [Petersburg Landscape: Stone, Water, Human]. *Novyy mir*, 2003, no. 10, pp. 134–141.
4. Bystrov N.L., Polyakova I.G. Peterburg kak utopiya: filosofsko-semioticheskiy etyud [St. Petersburg as a Utopia: A Philosophical and Semiotic Study]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 2004, no. 29, pp. 43–51.
5. Faybusovich E.L. Tebe spoyu zadushevnyuyu pesnyu svoyu [I Will Sing My Heartfelt Song to You]. *Geografiya*, 2003, no. 20. Available at: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200302003> (accessed: 20 February 2022).
6. Hassan I. The Culture of Postmodernism. *Theory Cult. Soc.*, 1985, vol. 2, no. 3, pp. 119–132.
7. Harvey D. *The Condition of Postmodernity: An Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Oxford, 1989. 378 p. (Russ. ed.: Kharvi D. *Sostoyanie postmoderna: Issledovanie istokov kul'turnykh izmeneniy*. Moscow, 2021. 576 p.).
8. Caillois R. *Le Mythe et l'Homme*. Paris, 1994. 188 p. (Russ. ed.: Kayua R. *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe*. Moscow, 2003. 296 p.).
9. Toporov V.N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo* [Myth. Ritual. Symbol. Image: Research into the Poetics of Myth]. Moscow, 1995. 624 p.
10. Dostoevsky F.M. *Zapiski iz podpol'ya* [Notes from Underground]. Dostoevsky F.M. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 4. Leningrad, 1989, pp. 452–550.
11. Mazur-Matusevich E. Peterburg kak aziatskiy gorod [St. Petersburg as an Asian City]. *Elektronnyy filosofskiy zhurnal. Vox / Golos*, 2013, no. 14, pp. 1–18. Available at: <https://vox-journal.org/html/issues/219/223> (accessed: 25 March 2022).
12. Jangfeldt B. *Ot varyagov do Nobelya. Shvedy na beregakh Nevy* [From Varangians to Nobel: Swedes on the Banks of the Neva River]. Moscow, 2010. 392 p.

13. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1963. 900 p.
14. Toporov V.N. Khaos pervobytnyy [Primordial Chaos]. Tokarev S.A. (ed.). *Mify narodov mira* [Myths of the World]. Moscow, 1997. Vol. 2. К – Ya, pp. 585–586.
15. Foucault M. *Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris, 1966, 405 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg, 1994. 405 p.).
16. Deleuze G. *Logika smysla* [The Logic of Sense]. Foucault M. *Theatrum philosophicum*. Moscow, 1998. 480 p.
17. Brokgauz F.A., Efron I.A. *Entsiklopedicheskiy slovar'. T. XXXIVA (68). Ugl'erod – Usilie* [Encyclopaedic Dictionary. Vol. XXXIVA (68). Nitrogen – Effort]. St. Petersburg, 1902. 960 p.
18. Dostoevsky F.M. Podrostok [The Adolescent]. Dostoevsky F.M. *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 8. Leningrad, 1990, pp. 139–692.
19. Wierzbicka A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996. 412 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V193

Nataliya E. Mazalova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences;
Universitetskaya nab. 3, St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7586-4506> e-mail: mazalova.nataliya@mail.ru

“PETERSBURG IS THE MOST INTENTIONAL TOWN IN THE WORLD” IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY PETERSBURG MYTHOLOGY

Petersburg mythology reflects the perception of the city by its residents and their experience of it. This article considers Petersburg mythology as a replica of the “Petersburg text of Russian literature”. The author examines the phenomena characteristic of contemporary Petersburg mythology of the postmodern period: indeterminacy, free quotation, fragmentation, hybridization, “little history”, etc. Further, the paper analyses the meanings that St. Petersburg dwellers attach to Fyodor Dostoevsky’s famous expression “Petersburg is the most intentional town in the world”. One of the main features of postmodern thinking is manifested in the ideas about St. Petersburg, when various sources – first of all, literary, but also historical and architectural – make up contemporary Petersburg mythology. For this reason, the author chose the structural-typological method: comparing new mythological motifs with archaic and literary ones. St. Petersburg dwellers assign both positive (something thought out beforehand, an idea, a plan) and negative (something impetuous, a mistake, a crime) meanings to the phrase “intentional Petersburg”. The author analyses the relationship between the concept of intentional town and the main myths of St. Petersburg: the creation myth and the eschatological myth, which are inseparable. Ideas about the intentionality of St. Petersburg are also associated with utopian ideas: creation at the will of an autocrat of an ideal city out of chaos, on swamp, but according to the rules of regular European urban planning. The author concludes that studying the concept of “intentional Petersburg” is relevant at present due to the following: the city’s creation and subsequent existence serve as a potential for an “intentional” impulse for the development of not only St. Petersburg, but of Russia as a whole.

Keywords: *intentional Petersburg, Petersburg mythology, postmodernism, features of postmodern thinking, creation myth, eschatological myth, Peter I.*

Поступила 16.03.2022
Принята 15.06.2022
Опубликована 03.10.2022

Received 16 March 2022
Accepted 15 June 2022
Published 3 October 2022

For citation: Mazalova N.E. “Petersburg Is the Most Intentional Town in the World” in the Context of Contemporary Petersburg Mythology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 88–96. DOI: 10.37482/2687-1505-V193

УДК 123.1:34

DOI: 10.37482/2687-1505-V201

*МИШАГИН Павел Андреевич, старший преподаватель кафедры философии и социальных наук Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева. Автор 59 научных публикаций, в т.ч. четырех монографий (коллективных) и одного учебного пособия**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7799-905X>

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ СВОБОДЫ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Автор обращается к проблеме свободы воли как предпосылке моральной, а, следовательно, и юридической ответственности человека как субъекта права и концентрируется на ее постановке в аналитической философии. Последняя исходит из противоречия между свободой воли субъекта и детерминизмом объективных процессов. Особенность таковой постановки проблемы свободы воли проистекает из характерных черт аналитической философии: ее антиисторизма, антиметафизичности, сциентизма, логицизма, натурализма здравого смысла, ценностной нейтральности. Рассмотрение оснований, на которых мы можем считать человека свободным, приводит к выводу, что таковые основания предельно проблематичны в свете обоих конкурирующих аналитических теорий – компатибилизм и инкомпатибилизм. Если первая в духе Д. Юма вынуждена искать средства для описания свободных действий человека как необходимых элементов в цепи регулярной последовательности событий, то вторая сталкивается с проблемой обоснования индетерминизма, прояснения его типов и уточнения уровня реализации необусловленных процессов, делающих действие свободным. Развитие аналитического понимания свободы воли приводит к парадоксальному выводу о том, что последняя является условием включения индивида в цепь нормативно-правовой детерминации «преступление – наказание». Иными словами, человек должен быть свободен, чтобы оказаться в зоне действия каузальной зависимости определенного типа. Логицизм аналитического типа философствования делает такие заключения недопустимыми, что еще более проблематизирует свободу воли. Автор приходит к выводу, что аналитический подход к проблеме свободы воли имманентно содержит ее отрицание или формализацию, и потому он инороден традиционному социально-правовому дискурсу, базирующемуся на допущении незыблемых, априорных оснований для свободы воли субъекта права. В заключение автор обосновывает неприменимость аналитической постановки проблемы свободы для социальной философии ценностного типа, но актуальность ее для рефлексивной социальной философии.

Ключевые слова: *свобода, необходимость, случайность, детерминизм, индетерминизм, компатибилизм, инкомпатибилизм, свобода в социально-правовом дискурсе.*

*Адрес: 660004, г. Красноярск, просп. им. газеты «Красноярский рабочий», д. 31; e-mail: mishagin@sibsau.ru

Для цитирования: Мишагин П.А. Аналитическая постановка проблемы свободы в контексте социально-правовой аргументации // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. № 4. С. 97–105. DOI: 10.37482/2687-1505-V201

Проблема свободы воли субъекта – одна из центральных проблем социальной философии, возникающая в точке ее пересечения с этикой и правом. В зоне этой проблемы группируются несколько ведущих линий социального дискурса. Сюда вовлечены исследования обусловленности социального действия, влияния общества на личность, роли агента (личности) в построении социального пространства, определение пределов его моральной и юридической ответственности, что существенно уже для нормативно-правового измерения социальной философии, дискуссия об увеличении уровня свободы и счастья каждого индивида в качестве критериев социального прогресса и т. п.

Свобода личности как социального субъекта является основанием для всех современных правовых систем. Эта идея – краеугольный камень права как социального института. В правовом пространстве человек рассматривается как априорно свободный субъект, за исключением отдельно оговоренных случаев (несовершеннолетние, люди с особенностями психического развития и т. п.). Однако мы полагаем, что современная социальная философия должна обратиться к альтернативной позиции или, по крайней мере, обсуждать потенциальную и сущностную свободу человека как проблему. Здесь возникает принципиальный вопрос: действительно ли свобода воли, будучи незыблемым социально-правовым концептом, онтологически присуща субъекту, или же она ему приписывается в рамках определенных социально-теоретических структур?

Очевидно, что за каждой социальной теорией свободы должно стоять ее исходное понимание. Прежде, чем рассуждать о свободе индивида, нужно определить свободу как онтологический, ментальный или же чисто социальный феномен и рассмотреть условия ее возможности. В связи с этим интерес представляет постановка проблемы свободы в аналитической философии как в одном из наиболее разрабатываемых и наукоемких на данный момент направлений.

Цель статьи – очертить специфику аналитического подхода к проблеме свободы и оценить

его перспективность для социально-правовых исследований.

Особенности аналитического подхода

Аналитическая философия – одно из влиятельнейших направлений в современной философии, восходящее к Аристотелю и Д. Юму. Ее положения были эксплицированы Дж.Э. Муром, Б. Расселом и Л. Витгенштейном, нашли поддержку среди представителей неопозитивизма и прагматизма. В настоящее время это весьма многочисленное направление; едва ли не каждый четвертый философ причисляет себя к аналитикам. В России его представляют такие ученые, как В. Васильев, Д. Волков, А. Мишура, В. Суровцев, Е. Борисов, В. Ладов, А. Кузнецов, М. Секацкая и др.

При всей своей популярности критерии отнесения тех или иных идей к аналитической парадигме неоднозначны. В качестве ее общих признаков обычно отмечают идеалы ясности, точности и логической строгости мышления, антиметафизическую установку, сциентизм, логицизм, аргументацию к эмпирическим данным [1], в предельной форме натурализм – например, понимание сознания как совокупности нейрофизиологических процессов [2]. Однако это не единственная версия. Э. Нагель, один из первых, кто обобщил известных ему философов под термином «аналитическая философия», выделял такие их общие черты, как сосредоточенность на философском методе, антиисторический подход и сопротивление построению большой системы [3, с. 9]. Философы-аналитики не чтут исторические авторитеты, они принимают как должное совокупность достоверных знаний, полученных специальными науками, и заботятся не о том, чтобы добавить что-то к этим знаниям, а о том, чтобы прояснить их значение и последствия [4]. Для них характерен «прагматизм здравого смысла» и неприемлемы вопросы о статусе реальности окружающего мира, типичные, например, для трансцендентальной парадигмы [5, с. 19]. С другой стороны, А. Престон указывает на «лингвистический тезис» как на определяющую доктрину аналитической философии, т. к.

последняя есть «школа, которая рассматривает собственно философскую работу как анализ языка» [6, с. 2]. Такое понимание аналитической философии весьма распространено, начиная с 1960-х годов [7–9].

Обратим внимание еще на одну особенность аналитического подхода, показательную для нашего исследования, – ее ценностную нейтральность. Согласно Э. Нагелю, для аналитической философии типична этическая и политическая нейтральность в области собственно философского анализа [10, с. 48]. В дальнейшем изложении мы будем апеллировать к выделенным особенностям аналитического подхода, чтобы объяснить специфику постановки проблемы свободы в его рамках.

Аналитическая дискуссия о свободе

Проблема свободы актуальна и, можно сказать, имманентна аналитической философии. Некоторые аналитики, такие как Р. Кейн и С. Блэкмор, определяют свободу как наиболее актуальный объект современных исследований [11, с. 3; 12, с. 262]. Основная интрига объяснения свободы связана с противоречием между свободой воли субъекта и детерминизмом объективных процессов. Здесь конкурируют две позиции: компатибилизм (от англ. *compatibility* – совместимость) и его оппозиция, инкомпатибилизм.

Инкомпатибилисты считают, что свобода воли и детерминизм исключают друг друга и, следовательно, что мы действуем свободно (т. е. можем руководствоваться свободной волей) только в том случае, если детерминизм ложен [13]. Компатибилизм – это противоположная позиция, в соответствии с которой детерминизм и свобода воли принципиально совместимы и не противоречат друг другу.

Нетрудно заметить онтологическое происхождение аналитической постановки проблемы. Степень свободы дедуцируется из представлений о природе реальности. Вопрос о свободе воли, а, следовательно, о моральной ответственности и вменяемости субъекта, напрямую связан с вопросом о том, возможно ли вообще свободное действие в наличной реальности. При этом детерминизм может признаваться

или отрицаться на любом ее уровне, начиная с тотальной организации мира и заканчивая локальной детерминированностью человеческих поступков. Так, одна из компромиссных версий компатибилизма признает, что индетерминизм существует исключительно на микроуровне поступков людей, в то время как на макроуровне господствует детерминизм [11, с. 137–139].

Обратимся к ключевому понятию в рамках данной постановки проблемы – детерминизму. Его суть состоит в том, что в любой момент времени у мира есть только одно реально возможное будущее [14, с. 131]. В таком определении детерминизма существенно важным оказывается понятие «реально возможное». Реальная возможность теоретически отличима от реальности как таковой и от логической возможности. Относительно реальности как таковой очевидно и является онтологическим фактом наличие у мира только одного единственного варианта возможного будущего. Для логической возможности достаточно логической непротиворечивости, обеспечиваемой ясной и точной картиной мира.

Каждое состояние мира, бытийствующего во времени и носящего с необходимостью темпоральный характер, допускает возможность ментального конструирования различных сценариев развития мира и его событий. Основанием для приписывания субъекту свободы воли может служить примат логической возможности в построении картины мира, коль скоро с точки зрения последней у каждого события есть не один вариант развития. Однако из этого некорректно делать вывод об индетерминистичности мира и составляющих его событий, поскольку логическая возможность не тождественна реальной возможности и не исчерпывает содержание последней. Реальная возможность определяется соответствием закономерностям окружающего мира и его событий при тех или иных исходных данных, присущих тем или иным конкретным событиям [15, с. 10].

Итак, детерминизм предполагает, что: 1) состоянию мира в произвольный момент времени t и законам существования мира и его событий со-

ответствует лишь один определенный вариант развития событий; 2) в мире происходит лишь то, что строго соответствует законам мира (природы, общества и человеческого мышления); 3) точное повторение состояния мира, существовавшего в момент времени t , с неизбежностью и во всех без исключения случаях приведет к повторению событий, которые последуют за названным состоянием в момент времени t .

Сказанное явно противоречит общему для классических компатибилистов представлению о том, что «свобода предполагает альтернативные возможности» [16, с. 308]. И в целом аналитическая постановка проблемы свободы содержит много камней преткновения. Ситуация не выглядит так, как будто отрицания детерминизма достаточно, чтобы открыть путь свободе воли. Даже если мы, подобно инкомпатибилистам, будем обосновывать индетерминизм, открытым останется вопрос, какой его тип (беспричинные, неопределенные, недетерминистически обусловленные события, события с множественным исходом или же события, вызываемые агентом, и т.п.) требуется для обоснования свободы воли. Не менее сложен вопрос о том, где именно в процессах, ведущих к действию, должно находиться ничем не обусловленное звено, чтобы действие было свободным. Разные ответы на эти вопросы порождают конкурирующие инкомпатибилистские теории свободы воли: некаузальные, событийно-каузальные и агентно-каузальные [13].

Инкомпатибилизм не прокладывает дорогу к обоснованию свободы воли, безотносительно того, признаем ли мы его аргументы против детерминизма бесспорными или нет (ввиду ограниченного объема статьи, мы не обсуждаем данные аргументы). Как же обосновывает свободу воли компатибилизм на фоне признания им обусловленности событий реальностью?

Компатибилистское объяснение возможности свободы воли восходит к теории Д. Юма. Его истоком является восьмая глава «Исследований о человеческом познании» [17], где излагаются три постулата детерминизма: о необходимости связи физических явлений, об их

сводимости к регулярной последовательности событий и о невозможности обнаружения этих связей посредством прямого наблюдения. Все это вполне может быть экстраполировано на личную и социальную жизнь человека, поскольку социальные явления и явления внутренней жизни личности также необходимо взаимосвязаны и регулярны, как взаимосвязаны и регулярны человеческие поступки и желания. Следовательно, понятие свободы воли не должно противоречить детерминизму как необходимости событий в их регулярности и взаимосвязи. Сам Д. Юм, считающийся родоначальником аналитической философии, полагал, что противоречия и разногласия в вопросе о свободе воли носили исключительно формальный, терминологический характер. Сущностно по данному вопросу вполне возможно достичь полного согласия при терминологической унификации.

Для Юма принимаемые решения свободны, если они не случайны, т. е. проистекают из характеров индивидов. Характер индивидов – это совокупность внутренних правил поведения, обязательных для исполнения. Эти правила, которым следуют индивиды, коррелятивны с законами природы в силу их повторяемости [18, с. 171–172]. Однако это обоснование суть стратегия, уравнивающая онтологический статус человека и физических объектов. Человек и его действия становятся таким же частным случаем объективных закономерностей, как, например, живые тела с их законами роста, размножения и т.п. Квалификация действий внутри этой системы как свободных весьма проблематична.

Но, с другой стороны, нельзя отрицать, что возлагание на человека ответственности за преступления – это тоже повторяющаяся каузальная связь в рамках определенной детерминированной системы. Связь «преступление – наказание» регулярно возобновляется, она воспроизводима и однозначна; повторяющееся событие приводит к повторению следствия. С онтологической и этической точки зрения не ясно, почему свобода должна быть условием включения индивида в эту цепь детерминированных событий.

Мы можем заключить, что свобода, понятая как условие морально-правовой ответственности, не изымает субъекта из каузальных связей, а, напротив, вовлекает его в них.

Последствия аналитической дискуссии о свободе воли для социально-правового дискурса

Мы начали рассуждения с того, что в правовом дискурсе понятия ответственности и свободы взаимообусловлены. К примеру, моральная ответственность полностью снимается в том случае, если морально значимое действие или бездействие совершено лицом, утратившим разум, осознанность, способность дать верную оценку ситуации и своим действиям, осуществить выбор и т.п. Также ответственность полностью снимается, если действие совершено под принуждением. Следовательно, отсутствие свободы, понятой как сознательное независимое действие, связано с отсутствием ответственности, а наличие ответственности с неизбежностью предполагает наличие свободы.

Но аналитическая постановка проблемы свободы показала, что презумпция свободы субъекта правового действия не настолько прочна, чтобы нести на себе систему правовых представлений и отношений. Нам могли бы возразить, что моральное должностное и ответственность не включены в естественную причинно-следственную связь, и потому аналитическая постановка проблемы не правомерна. Однако моральное или правовое действие субъект совершает именно в рамках естественной, в том числе и социальной, каузальности, реализующейся на уровне отношений предметов и событий. Следовательно, нужно обосновать возможность свободы внутри детерминизма.

Мы можем обратиться к конкретным примерам. Поведение индивида, который имеет определенные желания, взвешивает их, но тем не менее не реализует наилучшее, а также, когда индивид по тем или иным причинам совершает обдуманый и взвешенный поступок, противоречащий его желаниям и не являющийся при взвешивании наилучшим, не противоречит детерминизму.

Человек здесь действовал рационально, сознательно и, следовательно, свободно. Но действия его при этом были обусловлены внешними факторами. В этих примерах свобода как бы вписана в обусловленность, является ее дополнительной характеристикой, существующей в «свернутом» состоянии. Однако это частные случаи, не позволяющие делать обобщений. Свобода, по сути, сводится здесь к осознанности, как в известном тезисе о том, что свобода есть осознанная необходимость.

Выходом из этого противоречия, казалось бы, является инкомпатибилистский ход отрицания детерминизма. Однако признание индетерминизма с неизбежностью приводит к отождествлению человеческих поступков со случайными событиями, что онтологически снимает как моральную, так и правовую ответственность за их совершение.

Мы вынуждены признать, что аналитический подход к проблеме свободы воли несовместим с классическим социально-правовым дискурсом, который апеллирует к незыблемым, априорным, трансцендентальным основаниям для свободы воли субъекта права. Отмеченная несовместимость вызвана имманентными особенностями самого аналитического дискурса. Он антиметафизичен, не переходит на уровень «больших систем» и поэтому не позволяет выстроить обоснование свободы воли из более широких онтологических оснований. Стремление работать только с конкретными эмпирическими данными тоже усложняет дело, поскольку на феноменально-эмпирическом уровне свобода не наблюдаема, здесь можно только фиксировать различные режимы зависимости. Сциентизм аналитической установки также усложняет полагание свободы, поскольку наука по природе своей такова, что отдает субъекта во власть необходимости (воспользуемся здесь мыслью Н. Бердяева и Л. Шестова). Если главная задача аналитиков не добавить что-то к имеющимся научным знаниям, а прояснить их значение и последствия, то свобода не может быть введена как дополнительное допущение к совокупности достоверных знаний, полученных

специальными науками. Наконец, ценностная нейтральность аналитической философии снимает пафос проблемы свободы, она не позволяет постулировать свободу воли на основании ценностных гуманистических констант и самоопределения человека.

Полагание человека как свободного действующего агента проблематично и для аналитической этики с ее стремлением к анализу языка морали, логической прозрачности этических высказываний, их верификации и редукции к опыту, т. е. к материальным интересам в натурализме Р. Бойда и Н. Стеджена или же к «интуиции добра», как это имело место у Дж.Э. Мура [19]. Если следовать логике Дж. Мура, свобода, как и добро, «натуральны», так как не подлежат эмпирической фиксации и описанию, поэтому всякая попытка отождествить добро или свободу с тем или иным «естественным» качеством или ситуацией эмпирической реальности есть не что иное как «натуралистическая ошибка», т. е. несоразмерность определяемого и определяющего понятий [20].

Мы приходим к выводу о том, что, стоя на позициях аналитической философии, чрезвычайно проблематично развивать традиционные социально-правовые теории и обосновывать правовые системы. Это вызвано тем, что современный социально-правовой дискурс представляет по преимуществу ценностную философию. Вслед за К.Х. Момджяном, мы выделяем два типа социального философствования, ценностный и рефлексивный [21]. Первый из них ориентирован на вопросы о смысле человеческого существования в обществе и истории, наилучших формах общественного устройства и нормах достойного существования. Ценностная социальная философия мыслит в ключе дихотомии «сущее – должное» и дедуцирует

свои положения из конечных гуманистических ценностей, понимаемых как цели, свободно избираемые людьми. Очевидно, что постановка проблемы свободы у философов-аналитиков не вписывается в эту парадигму, чужеродна ей.

Но тем не менее нельзя заключить о полной неприменимости аналитических представлений о свободе в исследованиях общества. Они адекватны другому типу социально-философского и социально-правового дискурса – рефлексивному. Данный тип не опирается на дихотомию «сущее–должное», он сосредоточен только на аспекте сущего, собственной логике бытия социальных процессов и отношений, поисках верифицируемого знания, требует элиминации ценностных установок. Теоретическая система этого типа философствования сродни системе прецедентного права. В ее рамках вполне обоснованным выглядит представление о свободе воли В.В. Васильева. Он понимает последнюю как феномен, синтезирующий свободу действия и рациональный выбор [15, с. 45]: воля может рассматриваться как свободная, если она обладает актуализационной вариативностью, т. е. способна себя реализовывать в различных действиях, которым предшествует рефлексивный акт оценки наиболее оптимального варианта действий в ситуации прагматического и аксиологического выбора.

Исследование показывает, сколь серьезная методологическая и онтологическая работа должна быть проделана для того, чтобы исследовать свободу в пространстве рефлексивной социальной философии. Но только такая работа, на наш взгляд, может открыть перспективы использования всего потенциала аналитической дискуссии о свободе воли в рамках социально-правового дискурса.

Список литературы

1. *Васильев В.В.* Что такое аналитическая философия и почему важен этот вопрос? // Филос. журн. 2019. Т. 12, № 1. С. 144–158. DOI: [10.21146/2072-0726-2019-12-1-144-158](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-1-144-158)
2. *Dubrovsky D.I.* “The Hard Problem of Consciousness”. Theoretical Solution of Its Main Questions // AIMS Neurosci. 2019. Vol. 6, № 2. P. 85–103. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7179338/> (дата обращения: 25.05.2022).

3. Скрипник К. Оппозиции в историко-философском исследовании: ценность и цель на одном примере // Юж. полнос. Исслед. по истории соврем. запад. философии. 2018. Т. 4, № 1-2. С. 4–16.
4. Nagel E. Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe. I // *J. Philos.* 1936. Vol. 33, № 1. P. 5–24. DOI: [10.2307/2016895](https://doi.org/10.2307/2016895)
5. Шиян А.А. Когнитивно-семантическая интерпретация трансцендентализма Канта и феноменология Эдмунда Гуссерля // Кантовский сб. 2017. Т. 36, № 4. С. 18–30. DOI: [10.5922/0207-6918-2017-4-2](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2017-4-2)
6. Preston A. *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. N.Y.: Continuum, 2007. 208 p.
7. *Classics of Analytic Philosophy* / ed. by R.R. Ammerman. Indianapolis: Hackett Publishing, 1990. 423 p.
8. *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method: With Two Retrospective Essays* / ed. by R.M. Rorty. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 416 p.
9. Ambrose A. The Revolution in Philosophy: From the Structure of the World to the Structure of Language // *Mass. Rev.* 1968. Vol. 9, № 3. P. 551–564.
10. Frost-Arnold G. The Rise of ‘Analytic Philosophy’: When and How Did People Begin Calling Themselves ‘Analytic Philosophers’? // *Innovations in the History of Analytical Philosophy* / ed. by S. Lapointe, C. Pincock. London: Palgrave Macmillan, 2017. P. 27–67.
11. Kane R. *A Contemporary Introduction to Free Will*. N.Y.: Oxford University Press, 2005. 208 p.
12. Blackmore S. *Conversations on Consciousness: What the Best Minds Think About the Brain, Free Will, and What It Means to Be Human*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 274 p.
13. Clarke R., Capes J., Swenson P. Incompatibilist (Nondeterministic) Theories of Free Will (2021) // *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/incompatibilism-theories/#2.2> (дата обращения: 25.05.2022).
14. Fischer J.M. *Deep Control: Essays on Free Will and Value*. N.Y.: Oxford University Press, 2012. 244 p.
15. Васильев В.В. В защиту классического компатибилизма: Эссе о свободе воли. М.: ЛЕНАНД, 2017. 200 с.
16. Pereboom D. *Free Will*. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2009. 408 p.
17. Hume D. *An Enquiry Concerning Human Understanding* Oxford: Clarendon Press, 2000. 302 p.
18. Васильев В.В. Эпистемология Дэвида Юма и ее современное значение // *Эпистемология и философия науки*. 2020. Т. 57, № 1. С. 166–180. DOI: [10.5840/eps202057113](https://doi.org/10.5840/eps202057113)
19. McPherson T., Plunkett D. Metaethics and the Conceptual Ethics of Normativity // *Inquiry*. 2021. DOI: [10.1080/0020174X.2021.1873177](https://doi.org/10.1080/0020174X.2021.1873177)
20. Максимов Л.В. О методологических дилеммах теоретической этики // *Филос. мысль*. 2019. № 10. С. 31–40. DOI: [10.25136/2409-8728.2019.10.31666](https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.10.31666)
21. Момджян К.Х. Социальная философия // Интернет-версия изд.: Новая философ. энцикл.: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; пред. науч.-редакц. совета В.С. Степин. М.: Мысль, 2000–2001. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01ccf678463c91b02066b9cc> (дата обращения: 25.05.2022).

References

1. Vasil'ev V.V. What Is Analytic Philosophy, and Why Is It Important to Ask? *Filosofskiy zhurnal*, 2019, vol. 12, no. 1, pp. 144–158 (in Russ.). DOI: [10.21146/2072-0726-2019-12-1-144-158](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-1-144-158)
2. Dubrovsky D.I. “The Hard Problem of Consciousness”. Theoretical Solution of Its Main Questions. *AIMS Neurosci.*, 2019, vol. 6, no. 2, pp. 85–103. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7179338/> (accessed: 25 May 2022).
3. Skripnik K. Opozitsii v istoriko-filosofskom issledovanii: tsennost' i tsel' na odnom primere [Oppositions in the History of Philosophy: Aim and Value. An Example]. *Yuzhnyy polyus. Issledovaniya po istorii sovremennoy zapadnoy filosofii*, 2018, vol. 4, no. 1-2, pp. 4–16.
4. Nagel E. Impressions and Appraisals of Analytic Philosophy in Europe. I. *J. Philos.*, 1936, vol. 33, no. 1, pp. 5–24. DOI: [10.2307/2016895](https://doi.org/10.2307/2016895)
5. Shiyen A.A. Kognitivno-semanticheskaya interpretatsiya transtsendentalizma Kanta i fenomenologiya Edmunda Gusserlya [Edmund Husserl's Phenomenology and a Cognitive-Semantic Interpretation of Kant's Transcendentalism]. *Kantovskiy sbornik*, 2017, vol. 36, no. 4, pp. 18–30. DOI: [10.5922/0207-6918-2017-4-2](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2017-4-2)

6. Preston A. *Analytic Philosophy: The History of an Illusion*. New York, 2007. 208 p.
7. Ammerman R.R. (ed.). *Classics of Analytic Philosophy*. Indianapolis, 1990. 423 p.
8. Rorty R.M. (ed.). *The Linguistic Turn: Essays in Philosophical Method: With Two Retrospective Essays*. Chicago, 1992. 416 p.
9. Ambrose A. The Revolution in Philosophy: From the Structure of the World to the Structure of Language. *Mass. Rev.*, 1968, vol. 9, no. 3, pp. 551–564.
10. Frost-Arnold G. The Rise of ‘Analytic Philosophy’: When and How Did People Begin Calling Themselves ‘Analytic Philosophers’? Lapointe S., Pincock C. (eds.). *Innovations in the History of Analytical Philosophy*. London, 2017, pp. 27–67.
11. Kane R. *A Contemporary Introduction to Free Will*. New York, 2005. 208 p.
12. Blackmore S. *Conversations on Consciousness: What the Best Minds Think About the Brain, Free Will, and What It Means to Be Human*. Oxford, 2006. 274 p.
13. Clarke R., Capes J., Swenson P. Incompatibilist (Nondeterministic) Theories of Free Will. *Stanford Encyclopedia of Philosophy*. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/incompatibilism-theories/#2.2> (accessed: 25 May 2022).
14. Fischer J.M. *Deep Control: Essays on Free Will and Value*. New York, 2012. 244 p.
15. Vasil’ev V.V. *V zashchitu klassicheskogo kompatibilizma: Esse o svobode voli* [In Defense of Classical Compatibilism: An Essay on Free Will]. Moscow, 2017. 200 p.
16. Pereboom D. *Free Will*. Indianapolis, 2009. 408 p.
17. Hume D. *An Enquiry Concerning Human Understanding*. Oxford, 2000. 302 p.
18. Vasil’ev V.V. David Hume’s Epistemology and Its Contemporary Importance. *Epistemol. Philos. Sci.*, 2020, vol. 57, no. 1, pp. 166–180 (in Russ.). DOI: [10.5840/eps202057113](https://doi.org/10.5840/eps202057113)
19. McPherson T., Plunkett D. Metaethics and the Conceptual Ethics of Normativity. *Inquiry*, 2021. DOI: [10.1080/0020174X.2021.1873177](https://doi.org/10.1080/0020174X.2021.1873177)
20. Maksimov L.V. O metodologicheskikh dilemmakh teoreticheskoy etiki [On the Methodological Dilemmas of Theoretical Ethics]. *Filosofskaya mysl’*, 2019, no. 10, pp. 31–40. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31666 (accessed: 25 May 2022). DOI: [10.25136/2409-8728.2019.10.31666](https://doi.org/10.25136/2409-8728.2019.10.31666)
21. Momdzhyan K.Kh. Sotsial’naya filosofiya [Social Philosophy]. Stepin V.S. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopaedia of Philosophy]. Moscow, 2010. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01ccf678463c91b02066b9cc> (accessed: 25 May 2022).

DOI: 10.37482/2687-1505-V201

Pavel A. Mishagin

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology;
prosp. im. gazety “Krasnoyarskiy rabochiy” 31, Krasnoyarsk, 660004, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7799-905X> e-mail: mishagin@sibsau.ru

ANALYTICAL FORMULATION OF THE PROBLEM OF FREEDOM IN THE CONTEXT OF A SOCIO-LEGAL ARGUMENTATION

The author addresses the problem of free will as a prerequisite for the moral and, consequently, legal responsibility of a person as a legal entity and concentrates on its formulation in analytic philosophy. The latter proceeds from the contradiction between a person’s free will and the determinism of objective processes. The peculiarity of this formulation of the problem of free will stems from the characteristic features of analytic philosophy: its anti-historicism, anti-metaphysics, scientism, logicism, naturalism of common sense, and value neutrality. Considering the grounds on which a person can be deemed free, we come to the conclusion that these grounds are extremely problematic in the light of both competing

For citation: Mishagin P.A. Analytical Formulation of the Problem of Freedom in the Context of a Socio-Legal Argumentation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2022, no. 4, pp. 97–105. DOI: 10.37482/2687-1505-V201

analytic theories, i.e. compatibilism and incompatibilism. While the former, in the spirit of D. Hume, is forced to look for means to describe a person's free actions as necessary elements in the chain of a regular sequence of events, the latter faces the problem of substantiating indeterminism, clarifying its types and the level of implementation of unconditioned processes that make the action free. The development of an analytical understanding of free will leads to the paradoxical conclusion that the latter is a condition for including an individual into the crime–punishment chain of legal determination. In other words, a person must be free to get in the zone of action of a certain type of causal dependence. The logicism of the analytical type of philosophizing makes such conclusions unacceptable, which further problematizes free will. The author comes to the conclusion that the analytical approach to the problem of free will immanently contains its denial or formalization and is, therefore, alien to the traditional socio-legal discourse based on the assumption of unshakable, a priori grounds for a legal person's free will. In the final part of the article, the author explains why the analytical formulation is inapplicable to the problem of freedom for social philosophy of the value type, but relevant for reflective social philosophy.

Keywords: *freedom, necessity, accident, determinism, indeterminism, compatibilism, incompatibilism, freedom in the socio-legal discourse.*

Поступила 26.05.2022
Принята 22.08.2022
Опубликована 05.10.2022

Received 26 May 2022
Accepted 22 August 2022
Published 5 October 2022

УДК 1(091):130.3

DOI: 10.37482/2687-1505-V200

*ТЕТЕНКОВ Николай Борисович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 53 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-7419>

«ТАЙНА» ПСЕВДОНИМОВ КЬЕРКЕГОРА

Объяснение псевдонимии С. Кьеркегора задает дальнейшую интерпретацию его философских взглядов, поэтому проблема псевдонимии остается одной из важнейших для историков философии и комментаторов работ С. Кьеркегора. В статье анализируются различные точки зрения на причины использования датским мыслителем псевдонимов в его философском творчестве. Среди представленных в статье мнений различных философов можно выделить основные гипотезы: 1) псевдонимы – литературные герои; 2) псевдонимы – эксперимент С. Кьеркегора; 3) псевдонимы – поиск самоидентификации; 4) псевдонимы – осмысление прошлого; 5) псевдонимы – альтернативный доклад «Феноменологии духа» Гегеля; 6) псевдонимы – альтернативные формы человеческого бытия; 7) псевдонимы – роли, которые играет С. Кьеркегор, одновременно, будучи и автором разыгрываемых пьес; 8) псевдонимы – демонстрация репрезентативных фигур, показывающих границы форм человеческого бытия; 9) псевдонимы – борьба с одиночеством; 10) псевдонимы – способ непрямого общения; 11) псевдонимы – расщепление личности С. Кьеркегора и т.д. Автор полагает, что понятие «концептуальный персонаж», используемое Ж. Делезом и Ф. Гваттари, позволяет раскрыть тайну псевдонимов С. Кьеркегора, так как данное понятие показывает сложность и многомерность псевдонимов. Применение понятия концептуального персонажа корректно, так как псевдонимы обладают теми же свойствами, что и концептуальные персонажи: 1) псевдонимы, как и концептуальные персонажи, обладают автономностью по отношению к автору, создавшему их, и выражают собственное мировоззрение; 2) им также присущ диалогизм, позволяющий раскрыть через диалог воплощенную в псевдониме идею; 3) среди псевдонимов отсутствуют симпатичные псевдонимы, выражающие авторскую точку зрения, и антипатичные псевдонимы – оппоненты автора; 4) как и концептуальные персонажи, псевдонимы образуют имманентный план; 5) псевдонимы не тождественны социальной роли и понятию «литературный герой».

Ключевые слова: псевдоним, концептуальный персонаж, псевдонимы Кьеркегора, непрямота коммуникация, Делез, Кьеркегор, Адорно, Фенгер.

*Адрес: 163006, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 4; e-mail: tenibo@yandex.ru

Для цитирования: Тетенков Н.Б. «Тайна» псевдонимов Кьеркегора // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. № 4. С. 106–112. DOI: 10.37482/2687-1505-V200

Каждый, кто начинает изучать философское наследие С. Кьеркегора, рано или поздно, но обязательно сталкивается с проблемой псевдонимов С. Кьеркегора. Решение этой «тайны» очень важно, так как в зависимости от него кьеркегоровская философия получает различные интерпретации.

Литературное определение псевдонима: «Псевдоним – это подпись, которой автор заменяет свое настоящее имя» [1, с. 680], подразумевает, что он утаивает настоящее имя автора, но выражает его мировоззрение. Однако С. Кьеркегор постоянно отмечал: «...в псевдонимных произведениях нет ни одного слова, которое принадлежит мне» [2, с. 127]. На этом основании с полным правом можно утверждать, что псевдонимы С. Кьеркегора не тождественны ему самому.

Таким образом, использовать понятие «псевдоним» по отношению к вымышленным авторам, которых создал датский философ – значит, игнорировать мнение самого С. Кьеркегора и подменять его авторский замысел собственными теориями. Приведенное выше утверждение С. Кьеркегора ставит под сомнение само использование данного понятия по отношению к его вымышленным авторам. Кроме того, псевдонимы С. Кьеркегора привлекают внимание, а не скрывают его настоящее имя, тем самым, они не выполняют свою основную функцию.

На данную особенность обратил внимание П. Роде и предложил свой вариант объяснения псевдонимии С. Кьеркегора: «...христианские речи выражают его собственные убеждения вполне однозначно, поэтому он может изъясняться без обиняков от собственного имени, а вот остальные сочинения имеют экспериментальный характер, будучи написаны из предпосылок и установок, которые не всегда могут быть обозначены как его собственные». [3, с. 144]

Фактически П. Роде только констатирует различие между С. Кьеркегором и его вымышленными авторами, что соответствует мнению самого С. Кьеркегора, но объяснение использования псевдонимов отсутствует, так как ссылка

на экспериментальный характер не объясняет псевдонимии: в данных произведениях также присутствует мнение и самого С. Кьеркегора.

В.В. Бибахин также пытается объяснить псевдонимию датского философа посредством сравнения с литературными героями Гоголя: «у обоих – маски, у Кьеркегора его псевдонимы, у Гоголя – его персонажи, как срываемые с самого себя личины; оба знают только себя, только о самих себе хотят говорить...» [4, с. 83].

Цель псевдонимии, по В.В. Бибахину, – поиск самоидентификации путем очищения собственного Я от ложных масок. С его утверждением можно согласиться, потому что самоидентификация является одной из основных идей философии С. Кьеркегора, но она не объясняет псевдонимии, так как большинство вымышленных авторов-«редакторов» книг не связаны с данной идеей.

А. Дру делит все творчество С. Кьеркегора на два периода: первый, когда он «осмыслил все (прошлое), что он видел, читал, думал и пережил» (А. Дру называет его периодом псевдонимии); второй, когда философ «открыл свою миссию» и утратил необходимость в псевдонимах, и все работы С. Кьеркегора стали публиковаться от собственного имени [5, с. 19–24].

Решение проблемы псевдонимии, предложенное А. Дру, можно назвать упрощенным, поскольку его позиция не учитывает многих нюансов:

1) когда С. Кьеркегор начал публиковать свои произведения, он уже «открыл свою миссию» и использовал псевдонимы для ее выполнения;

2) по А. Дру, и в первый период С. Кьеркегор публиковался от собственного имени;

3) А. Дру предлагает разделить творчество С. Кьеркегора на псевдонимный и собственный периоды, но не объясняет, зачем, собственно, нужны псевдонимы С. Кьеркегору и т.д;

Для М. Тейлора псевдонимы С. Кьеркегора – это эстетические фигуры, при помощи которых датский философ показывает борьбу эстетического «Я».

Каждая эстетическая фигура обладает свободой и в ходе диалогов открывает «уникальные

контур, придирчивые натянутости и деструктивные противопоставления».

По мнению М. Тейлора, все эстетические фигуры вместе составляют альтернативу «Феноменологии духа» Гегеля: на примере эстетических фигур демонстрируется движение от бездуховности к духу.

Отличие кьеркегоровских эстетических фигур от гегелевской «Феноменологии духа» М. Тейлор также видит в том, что они не описывают этапы самоактуализации сознания, эстетические фигуры – это экзистенциальные проекты на пути становления подлинной индивидуальности, альтернативные формы человеческого бытия [6, с. 90–93].

М. Тейлор также проводит различие между С. Кьеркегором и его псевдонимами, но пытается разгадать «тайну» псевдонимов, к сожалению, только в рамках литературы, хотя сравнение с гегелевской «Феноменологией духа» наталкивало на мысль, что невозможно ограничиваться только ей, а необходимо обратиться и к философии.

Само сравнение представляется не совсем корректным, так как у С. Кьеркегора отсутствует движение от бездуховности к духу, его больше интересуют формы человеческого бытия. Если что-то и представляло интерес для датского философа в «Феноменологии духа», то это главы, посвященные сознанию и, прежде всего, феномену «несчастливого» сознания. Для С. Кьеркегора, как и для других, философия Гегеля стала своеобразной отправной точкой для собственного философствования, которое начинается как преодоление Гегеля.

Х. Фенгер называет проблему псевдонимии догматом для тех, кто интересуется философией С. Кьеркегора, догматом, при чтении которого каждый интересующийся должен представить свою точку зрения на псевдонимов, их отношение друг к другу и к С. Кьеркегору.

Для Х. Фенгера кьеркегоровские псевдонимы – это роли, а сам С. Кьеркегор – одновременно автор и актер, разыгрывающий роли псевдонимов. Свою точку зрения Х. Фенгер обосновывает тем, что:

- в своих дискуссиях С. Кьеркегор и его отец часто менялись местами, защищая разные точки зрения;

- С. Кьеркегор посещал Королевский театр чаще, чем церковь;

- он разыгрывал роли для своих друзей, при этом не различая действительность и иллюзию;

- в дневниках С. Кьеркегора много места отведено черновикам пьес, драматическим сценам, наброскам характеров, диалогам;

- смерть отца вынудила его взять на себя роль «отца» и по этой причине сдать экзамен по теологии;

- опираясь на Х. Хельвегас с его теорией маниакально-депрессивного психоза, Х. Фенгер утверждал, что С. Кьеркегор актерствовал и вне дома: веселый сын природы в кафе и на собраниях, одновременно рассуждающий о меланхолической ночи, тем самым разыгрывая роли сомневающегося и обольстителя;

- узнав о грехах молодости своего отца, С. Кьеркегор принимает на себя роль Гамлета;

- в разрыве помолвки с Региной Ольсен С. Кьеркегор разыграл роль злодея и циника: «создать себе плохую репутацию в церкви, в городе, на тротуарах, или посредством книг, писем, завещаний. Драматург Кьеркегор был не способен остановиться в своей игре, так, чтобы занавес, наконец, мог упасть. Актер, проваливший свой выход, – грех, который Бог не склонен прощать» [7, с. 23]

На основании этих фактов Х. Фенгер делает вывод, что все «псевдонимные» произведения С. Кьеркегора – это пожизненная пьеса, играемая на службе Богу, а сама его жизнь – гигантская игра.

Точка зрения Х. Фенгера представляется спорной, так как из жизни С. Кьеркегора выбраны те факты, которые ей соответствуют, но игнорируется множество несоответствующих фактов. Кроме того, этим же фактам можно дать совершенно иную интерпретацию: например, С. Кьеркегор сдал экзамен по теологии, потому что считал моральным долгом перед отцом сдать его, и никакой актерской игры в этом поступке нет, также можно проинтерпретировать

и другие биографические факты, на которые ссылается Х. Фенгер.

Т. Адорно считал, что функция псевдонимов заключается в демонстрации не возможных форм существования, а репрезентативных фигур, которые призваны показать границы форм человеческого бытия и дать им комментарий [8, с. 22–25].

Данная точка зрения справедлива частично: действительно, «редакторы» книг Виктор Эремита, Константин Константинус и др. выполняют репрезентативную функцию, но одновременно могут демонстрировать и возможные формы человеческого бытия.

Подобной точки зрения придерживается и Б.Э. Быховский. Он полагает, что псевдонимы использовались С. Кьеркегором не для сокрытия авторства: будучи «автором авторов», философ демонстрирует себя в разных ролях и с разных сторон, воплощая самые разнообразные грани настроения и переживаний [9, с. 49–50].

По мнению Б.Э. Быховского, С. Кьеркегор выстраивал произведения в несколько слоев, подобно матрешкам. Как и М. Туст [10, с. 18], Б.Э. Быховский определяет кьеркегоровские произведения как «театр марионеток», в котором за нити дергает С. Кьеркегор – единственный исполнитель, режиссер и сценарист.

Б.Э. Быховский согласен с М. Тустом и в том, что при множестве персонажей и жанров главная тема произведений С. Кьеркегора – религиозный фанатизм, для подтверждения этой точки зрения он ссылается на И. Томпсона, который указывал: «Часто кажется, будто С. Кьеркегор вообще не писал различных книг, а лишь на разные лады переписывал одну и ту же книгу» [11, с. 56].

Б.Э. Быховский справедливо отмечает, что псевдонимы используются не для сокрытия авторства, но спорной представляется мысль, что в псевдонимах С. Кьеркегор представил себя в разнообразных настроениях и переживаниях, так как датский философ постоянно подчеркивал свою нетождественность псевдонимам. Спорным представляется и утверждение, что главная тема – религиозный фанатизм, так как

С. Кьеркегор поставил перед собой более глобальную задачу – показать все формы человеческого бытия.

Р. Хейсс солидаризуется с мнением, что псевдонимы С. Кьеркегора – марионетки, но в его одиночестве видит причину использования псевдонимов: «Единственный партнер его был он сам... Кьеркегор расщепляется на части, окружая себя фигурами псевдонимов. С ними он говорит и живет как с наполовину близкими друзьями» [12, с. 231]. Посредством псевдонимов, по Р. Хейссу, С. Кьеркегор осуществлял существование: как поэт, «ненаучный» философ и проповедник, режиссер, руководящий псевдонимами.

Еще одной причиной псевдонимии Р. Хейсс называет непрямую форму сообщения: каждый псевдоним косвенно сообщает часть истины или то, что он считает истиной для себя, но это не является истиной для С. Кьеркегора.

Р. Хейсс справедливо обращает внимание на эффект расщепления личности, так как С. Кьеркегор, создавая псевдонимов, использовал собственные черты и придавал им законченный образ самостоятельной личности, но стоит и указать, что не все псевдонимы созданы подобным образом, некоторые псевдонимы не связаны с биографией или личностными особенностями С. Кьеркегора.

Обобщая представленные в статье мнения о причинах использования псевдонимов С. Кьеркегором, необходимо отметить, что каждый из комментаторов акцентирует внимание на одном объяснении, но подобный феномен не может иметь однозначного ответа. На наш взгляд, решение «тайны» псевдонимии возможно, если применить понятие «концептуальный персонаж» Ж. Делеза к псевдонимам С. Кьеркегора.

Согласно Ж. Делезу, концептуальный персонаж обладает следующими чертами:

- концептуальный персонаж автономен по отношению к философу, т. е. выражает отличную от него точку зрения. Каждый кьеркегоровский псевдоним, как и концептуальный персонаж, представляет мировоззрение отдельной формы или стадии человеческого бытия:

Йоханнес Обольститель, Дон Жуан, Виктор Эремита – эстетическая форма, Сократ – ироническая форма, Вильгельм – этическая форма, отец Тацитурнус – юмористическая форма, Авраам – религиозная форма и т.д. – их мировоззрения отличны от мировоззрения самого С. Кьеркегора [13, с. 90–125];

- для концептуальных персонажей характерен диалогизм, так как именно через диалог они раскрывают заложенную автором идею. Эту же особенность мы наблюдаем и у псевдонимов: псевдонимы спорят и соглашаются. В дискуссиях также раскрываются особенности присущего каждому из них мировоззрения;

- концептуальный персонаж обладает экзистенциальными чертами, выражая концепт в бытийственной форме, что характерно и для

псевдонимов, так как они, как уже было показано ранее, также демонстрируют присущий каждому из них тип мировоззрения;

- концептуальные персонажи образуют общий, имманентный план, по этой причине они равноправны между собой. С. Кьеркегор поставил перед собой фундаментальную задачу – показать все формы человеческого бытия [14].

Уже наличие этих общих существенных черт у концептуального персонажа и псевдонимов датского философа, позволяет нам сделать вывод, что он использовал псевдонимы не в качестве литературных героев, не как способ сокрытия собственного имени, а как концептуальных персонажей. Более детальный анализ представлен в монографии «Концептуальные персонажи С. Кьеркегора» [15].

Список литературы

1. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. А.П. Горкина, М.: Росмэн, 2006. 984 с.
2. *Lowrie W.* A Short Life of Kierkegaard. Princeton: Princeton University Press. 1941. 315 p.
3. *Родэ П.П.* Сёрен Киркегор, сам свидетельствующий о себе и о своей жизни. Челябинск: Урал LTD, 1998. 429 с.
4. *Бибихин В.В.* Кьеркегор и Гоголь // Мир Кьеркегора: русские и датские интерпретации творчества Сёрена Кьеркегора М.: Ad Marginem, 1994. С. 82–90.
5. *The Journals of Kierkegaard 1834–1854* / ed. by A. Dru. London: Fontana Books. 1960. 254 p.
6. *Taylor M.C.* Journeys to Selfhood: Hegel and Kierkegaard. Berkley: University of California Press. 1980. 298 p.
7. *Fenger H.* Kierkegaard, the Myths and Their Origins. New Haven: Yale University Press, 1980. 233 p.
8. *Adorno T.W.* Kierkegaard: Konstruktion des Ästhetischen: mit einer Beilage. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1962. 294 p.
9. *Быховский Б.Э.* Кьеркегор. М.: Мысль, 1972. 238 с.
10. *Thust M.* Sören Kierkegaard, der Dichter des Religiösen: Grundlagen eines Systems der Subjektivität. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1931. 619 s.
11. *Thompson J.* The Lonely Labyrinth. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1967. 242 p.
12. *Heiss R.* Die grossen Dialektiker des 19. Jahrhunderts: Hegel, Kierkegaard, Marx. Köln: Kiepenheuer & Witsch. 1963. 437 p.
13. *Блан Ш. ле.* Кьеркегор М.: РИПОЛ классик, 2021. 256 с.
14. *Делёз Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? М.: Ин-т эксперим. социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 288 с.
15. *Тетенков Н.Б., Лаиов В.В.* Концептуальные персонажи С. Кьеркегора: науч. моногр. М.: Акад. Международ. Ин-т», 2012. 360 с.

References

1. Gorkin A.P. (ed.). *Literatura i yazyk. Sovremennaya illyustrirovannaya entsiklopediya* [Literature and Language. Modern Illustrated Encyclopaedia]. Moscow, 2006. 984 p.
2. Lowrie W. *A Short Life of Kierkegaard*. Princeton, 1942. 315 p.
3. Rohde P.P. *Sören Kierkegaard: mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten*. Rowohlt, 1995 (Russ. ed.: Rode P. *Seren Kirkegor, sam svidetel'stvyuyushchiy o sebe i o svoey zhizni*. Chelyabinsk, 1998. 429 p.).
4. Bibikhin V.V. *K'erkegor i Gogol'* [Kierkegaard and Gogol]. *Mir K'erkegora: russkie i datskie interpretatsii tvorchestva Serena K'erkegora* [The World of Kierkegaard: Russian and Danish Interpretations of Søren Kierkegaard's Works]. Moscow, 1994, pp. 82–90.
5. Dru A. (ed.). *The Journals of Kierkegaard 1834–1854*. London, 1960. 254 p.
6. Taylor M.C. *Journeys to Selfhood: Hegel and Kierkegaard*. Berkley, 1980. 298 p.
7. Fenger H. *Kierkegaard, the Myths and Their Origins: Studies in the Kierkegaardian Papers and Letters*. New Haven, 1980. 233 p.
8. Adorno T.W. *Kierkegaard: Konstruktion des Ästhetischen: mit einer Beilage*. Frankfurt am Main, 1962. 294 p.
9. Bykhovskiy B.E. *Kierkegaard*. Moscow, 1972. 238 p. (in Russ.).
10. Thust M. *Sören Kierkegaard, der Dichter des Religiösen: Grundlagen eines Systems der Subjektivität*. Munich, 1931. 619 p.
11. Thompson J. *The Lonely Labyrinth: Kierkegaard's Pseudonymous Works*. Carbondale, 1967. 242 p.
12. Heiss R. *Die grossen Dialektiker des 19. Jahrhunderts: Hegel, Kierkegaard, Marx*. Cologne, 1963. 437 p.
13. Le Blanc C. *Kierkegaard*. Paris, 1998. 140 p. (Russ. ed.: Blan Sh. le. *K'erkegor*. Moscow, 2021. 256 p.).
14. Deleuze G., Guattari F. *Qu'est-ce que la philosophie?* Paris, 1991. 206 p. (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Chto takoe filosofiya?* Moscow, 1998. 288 p.).
15. Tetenkov N.B., Lashov V.V. *Kontseptual'nye personazhi S. K'erkegora* [S. Kierkegaard's Conceptual Characters]. Moscow, 2012. 360 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V200

Nikolay B. Tetenkov

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 4, Arkhangelsk, 163006, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-7419> e-mail: tenibo@yandex.ru

THE “MYSTERY” OF KIERKEGAARD’S PSEUDONYMS

Unriddling S. Kierkegaard's pseudonyms is important for interpretation of his philosophical views. That is why his pseudonyms remain one of the central issues for historians of philosophy and commentators on Kierkegaard's works. This paper analyses various points of view on the reasons for Kierkegaard's use of pseudonyms in his philosophical works. Among the opinions of various philosophers presented in the article, key hypotheses can be distinguished viewing pseudonyms as the following: literary characters; Kierkegaard's experiment; a search for self-identification; understanding the past; an alternative to Hegel's *The Phenomenology of Spirit*; alternative forms of human existence; roles played by S. Kierkegaard, who is also the author of these plays; demonstration of representative figures showing the boundaries of forms of human existence;

For citation: Tetenkov N.B. The “Mystery” of Kierkegaard's Pseudonyms. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, no. 4, pp. 106–112. DOI: 10.37482/2687-1505-V200

a way to overcome loneliness; means of indirect communication; dissociation of Kierkegaard's personality. The author believes that the concept of conceptual persona (or character) used by G. Deleuze and F. Guattari allows us to reveal the "secret" of Kierkegaard's pseudonyms, since this concept demonstrates the complexity and multidimensionality of pseudonyms. Applying the concept of conceptual persona is relevant since pseudonyms have the same properties as conceptual personae: 1) like conceptual personae, pseudonyms are autonomous from their creator and express their own worldview; 2) dialogism, intrinsic to them, allows them to reveal through dialogue the idea embodied in a pseudonym; 3) among the pseudonyms there are no sympathetic pseudonyms expressing the author's point of view or antipathetic pseudonyms opposing the author; 4) like conceptual personae, pseudonyms form a plane of immanence; 5) pseudonyms are not identical to a social role or the concept of literary character.

Keywords: *pseudonym, conceptual persona, Kierkegaard's pseudonyms, indirect communication, Deleuze, Kierkegaard, Adorno, Fenger.*

Поступила 14.03.2022
Принята 20.07.2022
Опубликована 03.10.2022

Received 14 March 2022
Accepted 20 July 2022
Published 3 October 2022

УДК 141.333:004.8

DOI: 10.37482/2687-1505-V199

*АРТЕМЕНКОВ Алексей Александрович, кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой теоретических основ физической культуры, спорта и здоровья Череповецкого государственного университета. Автор более 150 научных публикаций, в т. ч. двух монографий и 4 учебных пособий**

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7919-3690>

НООЦЕФАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ТЕХНОГЕННО-ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

В данной статье показано, что в настоящее время происходят стремительное расширение границ искусственной среды обитания человека (техносферы) и повышение роли городов в научно-техническом и социально-экономическом развитии общества. Сегодня города стали центрами развития человечества, так как именно в техногенно-городской среде складываются определенные условия для совершенствования работы мозга. Этот процесс назван нооцефализацией, которая выражается в совершенствовании и оптимизации деловой и разумной деятельности человека. Автором работы акцентируется внимание на том, что трансформационные процессы урботехносоциальной глобализации человека ускоряются именно в городской среде. И это приводит к появлению у человека новых качеств, обусловленных новыми социальными условиями техногенно-городской среды. Также в работе обосновывается ключевая роль техногенно-городской среды в запуске процесса мозговой нооцефализации. В рамках идеи урбоцефализации современного человека анализируется эволюция мозга по М. Каку, обсуждается концепция клеточного аутопоза У. Матураны и Ф. Варелы. В связи с этим рассматривается роль процессов преадаптации и интеграции в ходе нооцефализации мозга. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что нооцефализация есть общебиологическая закономерность и универсальная философская категория. Также автором подчеркивается, что в условиях техногенно-городской среды нооцефализация мозга современного человека происходит ускоренными темпами параллельно идущей глобализации. Доказывается, что нооцефализация есть результат совершенствования живой материи и единства мозговой и сознательной деятельности человека. Отдельно автор останавливается на феномене био-техно-социальной цефализации Г.С. Смирнова и Д.Г. Смирнова, реализующейся на основе нейронных сетей мозга и коэволюции человеческого и искусственного разума. В заключении подчеркивается важность изучения нооцефализации мозга современного человека, которая имеет большое естественнонаучное и гуманитарное значение.

Ключевые слова: техногенно-городская среда, развитие мозга человека, нооцефализация, глобализация, эволюция.

*Адрес: 162600, Вологодская область, г. Череповец, просп. Луначарского, д. 5; e-mail: basis@live.ru

Для цитирования: Артеменков А.А. Нооцефализация современного человека в условиях техногенно-городской среды // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. № 4. С. 113–122. DOI: 10.37482/2687-1505-V199

В настоящее время большая часть населения нашей планеты проживает в больших и малых городах, количество которых продолжает увеличиваться. Это приводит к тому, что территория биосферы (природная экологическая ниша человека) неизбежно сокращается, а техносфера, т. е. искусственная среда, стремительно расширяется. Тем не менее индустриальные, промышленно развитые города сегодня являются центрами экономической, образовательной, общественной и культурной жизни во всем мире (концепция креативного города Ч. Лэндри). При определенных различиях в архитектуре их облик примерно одинаков: в них сосредоточено большое количество многоэтажных домов, в которых проживает подавляющая часть населения; дорог, загруженных автотранспортом; промышленных предприятий; общественных, образовательных, муниципальных и банковских учреждений; предприятий торговли, бизнеса, связи, системы здравоохранения. Данная городская, искусственно созданная человеком среда обитания непременно способствует ускорению социально-экономического развития общества за счет создания условий для ускоренного ритма жизни и трудовой деятельности человека. Но такое постоянное пребывание в деловой среде повседневной жизни приводит наш мозг (по большей части новую кору – неокортекс) в более активное состояние, чем при нахождении в естественной биосферной среде, заставляет его приспособливаться к новым условиям жизнедеятельности за счет возникновения центральных структурно-функциональных перестроек. По сути, в данном случае мы имеем дело с известным явлением, которое в биологии обозначается термином «цефализация». Еще В.И. Вернадский [1], обсуждая это явление, названное Д.Д. Дана цефализацией, подчеркивал, что эволюция живого вещества идет в определенном направлении – направлении роста центральной нервной системы (мозга). И достигнутый уровень развития мозга в эволюции уже не идет вспять, а только вперед. Далее Вернадский по этому поводу пишет следующее: «Нет ни одного клочка Земли, где бы человек не

мог прожить, если бы это было ему нужно <...> все это результат цефализации Дана <...> мощь его (человечества) связана не с его материей, но с его мозгом, с его разумом и направленным этим разумом его трудом» [1, с. 478–479].

Как можно заметить, академик Вернадский не только признавал цефализацию мозга человека, но и верил в его изменчивость, а также в приспособительную силу природы и разума человека. Но в современных условиях урботехногенного развития нашего общества уже имеет место не просто цефализация, а ноосферная цефализация (нооцефализация), позволяющая человечеству достичь огромных успехов в хозяйственной деятельности, «шагнуть» в космос и даже исследовать Марс. Таким образом, нооцефализация – это уже объективная реальность, т. е. существующая действительность. Однако нооцефализация человеческого мозга вовсе не означает, что человек будет совершать только обдуманные и правильные действия в жизни, не наносящие, например, вред окружающей природной среде. Существует и обратный процесс дегенерации и дегенерации мозговой ткани (децефализации), приводящий к снижению когнитивных функций и просто неразумной деятельности человека. Отсюда и возникают, например, экологические проблемы современности, имеющие большое значение, поскольку сам человек не лучшим образом трансформирует естественную природную среду обитания – биосферу.

Урботехногенная глобализация и социальная нооцефализация

Известно, что трансформация биосферы сопровождается изменением естественного биологического круговорота веществ на Земле и заменой его на антропо-техногенный, что создает для людей в городах техносферные условия жизнедеятельности [2]. Здесь следует процитировать важное обобщение, сделанное Э.С. Демиденко и Е.А. Дергачевой, имеющее непосредственное отношение к нооцефализации: «Таким образом, техногенное общество представляет собой социотехноприродную систему, развивающуюся на основе техногенеза и трансформации биосферы,

ее живого вещества и приобретающую благодаря этому новые социотехноприродные качества» [3, с. 15].

В настоящее время трансформационные процессы техногенного характера существенно усиливаются в городской среде и сама техносферно-городская среда обитания человека существенно видоизменяется. И в условиях индустриальных и постиндустриальных техногенных общественных систем формируется техногенный человек, неблагоприятные изменения в котором складываются под воздействием расширения техносферно-городской среды обитания [4]. В более ранней работе Е.А. Дергачева [5] показала, что на пути техногенного развития создается качественно новый тип среды обитания человека – техногенный земной мир, который приходит на смену природной биосфере. В этом новом, техногенном земном мире (техно-ноосфере) интенсивно происходит техносферно-биологическая трансформация самого человека и формируется техногенное общество.

Итак, из вышесказанного ясно, что в процессе становления техносферы человек вырабатывает новые, социально-техногенные качества, а по сути дела, они формируются за счет процесса нооцефализации, в урботехносоциальной городской среде. По мнению В.И. Шостка [6], трансформация биосферы и биосферной жизни осуществляется под влиянием техносоциогенеза, что приводит в значительной мере к искусственным изменениям в антропосфере и техносфере. При этом радикальные изменения в техносфере неизбежно отражаются на человеке и обществе. Кроме того, в современной городской жизни общества происходит широкое внедрение Интернета во все сферы бытия человека, от повседневной жизни до банковских услуг, бизнеса и экономики в целом. Все это приводит к качественно иному типу взаимоотношений между людьми [7].

Примечательно, что Г.С. Смирнов [8] показал, что применение принципа подобия позволяет представить проекцию процесса биологической цефализации, происходящей в биосфере, на

различные формы цефализации ноосферы (социальную, государственную, техническую). Автором акцентируется внимание на том, что цефализация ноосферы – это особая надсоциальная форма биосферно-цивилизационного развития общества, и что за период человеческой эволюции *Homo sapiens* его биологическая цефализация переросла в социальную и человек оказался в русле социальной эволюции. Именно поэтому в процессе нового этапа цефализации будет формироваться ноосферный человек.

Действительно, нет сомнения в том, что социальная нооцефализация – это новое объективное явление в развитии мозга современного человека. Биологическая цефализация происходит в результате медленного воздействия сил природы на морфологические характеристики человека через мыслительную деятельность и изменения самих способов жизнедеятельности. Следовательно, цефализация проявляется как элемент, характеризующий экосферу человека, в то время экосфера есть процесс медленного морфологического превращения человека в более высокую степень ее выражения [9]. А.Д. Урсул [10] рассматривает связь процессов цефализации и культурогенеза. По его мнению, культурогенез в ходе глобальной эволюции начинает переходить в ноосферогенез, который формируется через ноосферно-опережающее образование для устойчивого развития общества. Следовательно, цефализация, т. е. увеличение размеров и усложнение структуры головного мозга, важна еще и потому, что она ведет к более полной переработке информации мозгом человека. Появление негенетической передачи информации – закономерность биологической эволюции и интеллектуализация культур есть ни что иное, нежели продолжение цефализации. Иными словами, интеллектуализация является стержнем живого и мыслящего вещества, поскольку интеллектуальные личности (и особи) в антропосфере и биосфере доминируют над менее интеллектуальными сущностями [11]. Д.С. Кривовичев [12], рассматривая теорию эволюции Дж. Дана, указывает на то, что принцип

цефализации в биологической эволюции всегда направлен на формирование человеческого мозга как наиболее сложной на сегодняшний день природной системы.

Проецируя вышесказанное на проблему развития мозга, можно сказать, что приобретение мозгом человека нового качества в виде нооцефализации есть не что иное, как результат опосредованного действия техногенно-городской среды. Действительно, в наше время города стали центрами промышленного производства и процессов интенсивной техносферизации и рационализации. Ведь город сегодня – это искусственно созданная, сложная, многофункциональная и динамично развивающаяся социотехноприродная система с урбанистически-техногенным образом жизни людей и новым, урботехногенным типом культуры. И, по сути дела, создаваемая на этапе техногенеза ноосфера в действительности функционирует сейчас как техносфера, в которой естественная природная среда обитания человека вытесняется искусственной. Таким образом, нарастающие роли социальных факторов в стремительно развивающейся техносфере трансформирует образ жизни современного человека и, соответственно, изменяет ход его прогрессивных преобразований в части формирования мозговой нооцефализации. И, действительно, по нашему мнению, нооцефализация чаще формируется у людей, проживающих и работающих в развитых городских районах (деловой активности), где сконцентрировано множество функций (жилая, офисная, торговая, административная, рекреационная и др.). Напротив, у людей, проводящих время в промышленных, необустроенных и бедных районах городов, выраженной нооцефализации, как правило, не наблюдается, и процессы деградации, социальной дезадаптации и дезадаптогенеза лишь усиливаются [13].

Таким образом, налицо феномен социальной нооцефализации, а точнее – урбоцефализации. На наш взгляд, социальная нооцефализация, формирующаяся в техногенно-городской среде, проявляется по большей части не в количественных преобразованиях мозга совре-

менного человека, а в качественной перестройке, специализации, интеграции и координации функций коркового мозгового вещества под влиянием урботехносоциальной глобализации.

Биологическая и философская сущность нооцефализации

Согласно представлениям М. Каку, биологическая цефализация в процессе эволюции осуществлялась от мозга рептилий к мозгу млекопитающих и далее – к мозгу человека. Об этом свидетельствует то, что продолговатый и задний мозг (мост и мозжечок) являются самыми древними структурами мозга человека и почти идентичны мозгу рептилий (рептильный мозг). Мозг млекопитающих в процессе эволюции усложнялся, формируя такие новые структуры, как таламус, гипоталамус, лимбическую систему и более молодой отдел – кору больших полушарий [14]. В связи с этими особенностями развития мозга автор выделяет три уровня сознания. Организмы с центральной нервной системой, обладающие сознанием уровня I (например, пресмыкающиеся), имеют набор параметров, позволяющих отслеживать положение объекта в пространстве. Организмы, с сознанием уровня II (например, социальные животные, имеющие в мозге лимбическую систему и обладающие эмоциями) создают модель своего положения не только в пространстве, но и по отношению к сородичам. Сознание уровня III – у человека. Оно способно не только моделировать будущее, оно уже создает модель своего места в мире за счет формирования в мозге множества обратных связей. Таким образом, области человеческого мозга, связанные с сознанием III уровня, самосознанием, мышлением и интеллектом (по Каку), являются областями наиболее вероятной нооцефализации. И это происходит в том случае, когда неокортекс берет на себя дополнительные высшие аналитико-синтетические функции в быстро развивающейся техногенно-городской среде. Здесь уместно вспомнить о концепции клеточного аутопоэза и принципе самовоспроизводства замкнутых (автономных) систем У. Матураны и Ф. Варелы. Эта теория в определенной

степени может объяснить процесс ноцефализации, протекающий в мозге человека, находящегося в новых средовых условиях.

Данные авторы считают, что при описании аутопоэзного единства взаимодействие между этим единством и окружающей средой состоит из взаимных возмущений. И во взаимодействиях такого рода структура окружающей среды непременно запускает структурные изменения в аутопоэзных единствах, и наоборот, структурные изменения в аутопоэзных единствах вызывают структурные изменения в окружающей среде [15]. Поэтому такое взаимодействие запускает тот или иной биологический эффект (как мы полагаем, в том числе, и процесс ноцефализации мозга). Таким образом, если следовать концепции аутопоэза, то получается, что измененная окружающая техно-социальная среда городов может вызывать определенные кортикальные структурно-функциональные изменения в головном мозге человека, которые мы называем ноцефализацией. И это вовсе не противоречит эволюционной теории Ч. Дарвина [16]. Следовательно, можно полагать, что биологическая ноцефализация мозга человека подчиняется естественному отбору, и очевидно прогрессивные морфофункциональные признаки передаются по наследству другим поколениям. Недаром Дарвин в конце своего знаменитого труда отмечал следующее: «И так как естественный отбор действует только в силу и ради блага каждого существа, то все качества, телесные и умственные, будут прогрессировать, стремясь к совершенству» [16, с. 464].

С другой стороны, мы прекрасно понимаем, что биологическая ноцефализация должна осуществляться с участием генетического аппарата клеток. И сейчас в этом отношении можно определенно сказать, что именно многофункциональные гены, а именно дупликация генов, могут быть генетической основой эволюционных новшеств ноцефализации [17]. В то же время в природе мы часто сталкиваемся с таким явлением, как преадаптация, через которую может осуществляться адаптив-

ная ноцефализация. По меткому выражению Г.А. Югай, преадаптация – это результат взаимодействия органических форм между собой и со средой в пределах биогеоценоза. По мнению философа, в этом явлении обнаруживается диалектическое единство нового и старого в развитии органических форм [18]. То есть, в нашем понимании, старое есть цефализация, а новое – ноцефализация мозга современного человека, формирующаяся в новом глобально-техногенном мире. В таком случае ноцефализация есть часть эволюционной теории – проблемы направленности и прогрессивного характера органической эволюции мира.

Но на пути совершенствования в виде ноцефализации мозга человека живая материя должна эволюционировать как в отношении усложнения и совершенствования структуры, так и в отношении совершенствования функций. То есть прогресс в живой природе всегда заключается в возрастании степени организованности (интеграции), которая рассматривается как единство противоположностей – организации и интеграции живого [19]. Собственно, данное замечание Г.А. Югай и позволяет раскрыть действительную сущность ноцефализации как феномена урботехносоциальной эволюции мозга современного человека. *Но самое главное заключается в том, что являющаяся общебиологической закономерностью и универсальной философской категорией ноцефализация представляет собой усложнение организации живой материи (мозга человека) как в направлении универсализации строения, так и в отношении интеграции функций.* На что, собственно, и указывал Г.А. Югай: «Наибольшую организованность приобретают те структуры и функции, которые обладают приспособлениями широкого универсального значения» [19, с. 115–116]. В таком случае основу структуры и функции ноцефализации составляет адаптация человека к условиям новой, искусственно созданной, техногенно-городской среды, определяющей единство структурно-функциональной организации живых систем.

Справедливость этого утверждения была наглядно продемонстрирована П.К. Анохиным,

основоположником эволюционно-адаптационной теории функциональных систем. Рассматривая философские вопросы высшей нервной деятельности, Анохин сформулировал принцип опережающего отражения внешнего мира, который является главной стороной приспособления жизни к окружающим условиям среды и универсальным явлениям жизни [20]. *Данное обстоятельство наводит на мысль о том, что нооцефализация может происходить ускоренными темпами параллельно глобализации и социально-экономическому развитию общества, которые являются сопутствующими и неотделимыми друг от друга.* Но следует заметить, что в данном случае первостепенную роль в нооцефализации мозга человека, которая может проявляться в различных видах деятельности, начинают играть социальные, а не биологические факторы.

Доказательством тому является направленность эволюции живого организма на все более тонкое приспособление к окружающей среде, что достигается посредством дифференциации и специализации компонентов организма к выполнению специфических функций [21]. И с прогрессивным развитием головного мозга, с его цефализацией, в нем открывается путь к дальнейшему углублению, дифференциации и специализации – т. е. путь, ведущий к нооцефализации.

Таким образом, мы делаем вывод, что головной мозг человека это не просто конгломерат отдельных компонентов, а целостная система, в которой различные мозговые образования постоянно взаимодействуют, объединяются и совершенствуются в ходе социальной нооцефализации вокруг определенных мозговых центров интеграции. Именно в высших отделах головного мозга в первую очередь возникает структурно-функциональная перестройка в виде нооцефализации при изменении условий существования человека в глобализирующемся техногенном мире. И поскольку мозг человека является самоорганизующейся системой, то существенным элементом этой системы будет его способность к нооцефализации, проявля-

ющейся в пластичности, обеспечивающей постоянную структурно-функциональную перестройку в изменяющихся условиях внешней природной и социальной среды.

В подтверждение вышесказанному отметим, что И.П. Павлов в 13-й лекции о работе больших полушарий головного мозга [22], говоря о мозаичности коры, отмечал, что для образования новых сигнальных условных раздражителей в коре полушарий всегда остаются огромные запасы пунктов (нервных центров). Кроме того, занятые ранее пункты подвергаются изменениям в связи с разными деятельностями организма. На этот счет Павлов пишет: «Функциональная мозаика коры не только постоянно может пополняться, но и подлежит частой переделке...» [22, с. 214]. Таким образом, налицо изменчивость физиологической роли коры и возможность нооцефализации мозга человека в меняющихся условиях общественной жизни.

В подтверждение этому можно также привести заключение А. Бергсона: «Таким образом, растущая сложность организма теоретически связана (несмотря на бесчисленные исключения, обязанные случайностям эволюции) с необходимостью усложнения нервной системы» [23, с. 260]. И далее А. Бергсон акцентирует внимание на связи мозга и сознания. Отсюда следует, что соотношение мозговой и сознательной деятельности у человека есть результат нооцефализации, а по сути – деятельности «ноосферного мозга» и «ноосферного разума».

И, действительно, интеграция органического и электронного разума в единый разум может осуществляться на основе общих принципов устройства человеческого мозга и его электронной модели. Так, Г.С. Смирновым и А.С. Никифоровым выдвигается оригинальная идея о том, что формирование искусственного разума (интеллекта) представляет собой продолжение геологического процесса цефализации. И этот коэволюционный процесс авторы рассматривают уже как планетарную цефализацию [24].

Также рассматривается феномен био-техно-социальной цефализации (БТС-цефализация),

реализующейся на основе человеческой нейронной сети цифровизирующегося человечества. Город стал своеобразным мозгом, где осуществляется коммуникация. Он выполняет функции, которые осуществляют в теле нейрона дендриты, т. е. происходит соревнование естественного разума с нарождающимся искусственным интеллектом [25].

Таким образом, ноцефализация сегодня рассматривается как средство и форма выживания человечества и главная цель современного и будущего цивилизационного развития, включая переход к глобальной устойчивости и информационной цивилизации.

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что мы вступили в динамично развивающийся ноосферный мир, в котором влияние биосферы на человека заметно снижается и, напротив, возрастает роль искусственно созданной людьми техносферы. Именно урбанизация, индустриализация, информатизация и в целом глобали-

зация общественного развития способствовали созданию определенных условий техногенно-городской среды, инициирующих биологический процесс ноцефализации мозга современного человека. И в этом приспособительном эволюционном процессе ноцефализации высокоорганизованной живой материи ключевую роль стали играть социальные факторы среды обитания современных людей и их образ жизни. Все сложившиеся условия и социальные причины общественной жизни людей, по всей вероятности, приводят к краткосрочной (по меркам эволюции) морфофункциональной перестройке коркового мозгового вещества, которую мы называем ноцефализацией. Целостное определение сущности ноцефализации, помимо теоретического значения в области биологии, имеет огромное гуманитарное и мировоззренческое практическое значение, так как способствует прогрессивному развитию общества, углублению наших знаний о естественнонаучной картине мира.

Список литературы

1. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Т8RUGRAM, 2017. 576 с.
2. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Биотический круговорот веществ на Земле и его социально-техногенная трансформация: научно-философский анализ // Вестн. Вятск. гос. ун-та. 2019. № 2(132). С. 7–13. DOI: [10.25730/VSU.7606.19.013](https://doi.org/10.25730/VSU.7606.19.013)
3. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Техногенное развитие общества и трансформация биосферы. М.: КРАСАНД, 2017. 288 с.
4. Дергачева Е.А. Человек в техногенном городе: междисциплинарный подход // Упр. городом: теория и практика. 2020. № 2 (36). С. 30–35.
5. Дергачева Е.А. Философия техногенного общества. М.: ЛЕНАНД, 2011. 216 с.
6. Шостка В.И. Современный техносциогенез в свете ноосферных взглядов В.И. Вернадского // Вестн. Ин-та развития ноосферы. 2019. № 2 (4). С. 5–19.
7. Йоселиани А.Д. Цифровизация бытия и социальная адаптация человека // Международ. журн. гражд. и торг. права. 2019. № 4. С. 5–12.
8. Смирнов Г.С. Цефализация ноосферы: эволюция разумного вещества на рубеже тысячелетий // Вестн. Иванов. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2012. Вып. 2 (12). С. 17–30.
9. Сеньюшкина М.А. Экосфера и ее роль в развитии цивилизации // Полит. пространство и соц. время / под ред. Т.А. Сеньюшкиной, А.В. Баранова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 192–199.
10. Урсул А.Д. Несколько замечаний о ноосфере // Вестн. культуры и искусств. 2017. № 3(51). С. 78–86.
11. Буровский А.М. Правило интеллектуализации в живой и мыслящей природе // Эволюция: срез, правила, прогнозы. Междисциплинар. ежегодник «Экология». Вып. 8 / под ред. Л.Е. Грина, А.В. Коротаева. Волгоград: Учитель, 2016. С. 184–220.
12. Кривовичев С.В. На заре теистического эволюционизма: Джеймс Дуайт Дэна (1813–1895) и его религиозные взгляды // Христианские чтения. 2019. № 3. С. 41–47. DOI: [10.24411/1814-5574-2019-10043](https://doi.org/10.24411/1814-5574-2019-10043)

13. *Артеменков А.А.* Дезадаптогенез в антропосфере: естественнонаучное и философское осмысление проблемы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер. Гуманит. и соц. науки. 2019. № 5. С. 91–101. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2019.5.91](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.5.91)
14. *Каку М.* Будущее разума. М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 646 с.
15. *Матурана У., Варела Ф.* Дерево познания: Биологические корни человеческого понимания. М.: УРСС-ЛЕНАНД, 2019. 320 с.
16. *Дарвин Ч.* Происхождение видов. М.: Эксмо, 2016. 480 с.
17. *Марков А., Наймарк Е.* Эволюция. Классические идеи в свете новых открытий. М.: АСТ: CORPUS, 2017. 656 с.
18. *Югай Г.А.* Философские проблемы теоретической биологии. М.: ЛЕНАНД, 2020. 248 с.
19. *Югай Г.А.* Общая теория жизни: диалектика формирования. М.: ЛЕНАНД, 2020. 256 с.
20. *Анохин П.К.* Очерки по теории функциональных систем. М.: Книга по требованию, 2013. 450 с.
21. *Афанасьев В.Г.* Мир живого: системность, эволюция и управление. М.: ЛКИ, 2019. 334 с.
22. *Павлов И.П.* Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М.: Изд-во «Э», 2017. 480 с.
23. *Бергсон А.* Творческая эволюция. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 384 с.
24. *Смирнов Г.С., Никифоров А.С.* Планетарная цефализация: органический и электронный глобальный разум (пути языкового сближения) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 1. С. 84–92. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2018.1.84](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.1.84)
25. *Смирнов Г.С., Смирнов Д.Г.* Цефализация и цифровизация: философско-методологические аспекты цифровой нооцеризации // От экологического образования к экологии будущего: VI Всерос. науч.-практ. конф. по экол. образованию (Москва, 30 октября – 1 ноября 2019 г.): сб. материалов и докл. / под общей ред. В.А. Гречева. М.: Фонд им. В.И. Вернадского, 2020. С. 1954–1961.

References

1. Vernadsky V.I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and Noosphere]. Moscow, 2017. 576 p.
2. Demidenko E.S., Dergacheva E.A. Bioticheskiy krugovorot veshchestv na Zemle i ego sotsial'no-tekhnogennaya transformatsiya: nauchno-filosofskiy analiz [Biotic Cycle of Substances on the Earth and Its Social and Technogenic Transformation: Scientific and Philosophical Analysis]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 2, pp. 7–13. DOI: [10.25730/VSU.7606.19.013](https://doi.org/10.25730/VSU.7606.19.013)
3. Demidenko E.S., Dergacheva E.A. *Tekhnogennoe razvitie obshchestva i transformatsiya biosfery* [Society's Anthropogenic Development and Transformation of the Biosphere]. Moscow, 2017. 288 p.
4. Dergacheva E.A. Chelovek v tekhnogennom gorode: mezhdistsiplinarnyy podkhod [Man in the Technogenic City: Interdisciplinary Approach]. *Upravlenie gorodom: teoriya i praktika*, 2020, no. 2, pp. 30–35.
5. Dergacheva E.A. *Filosofiya tekhnogennogo obshchestva* [Philosophy of Anthropogenic Society]. Moscow, 2011. 216 p.
6. Shostka V.I. Sovremennyy tekhnosotsiogenez v svete noosfernykh vzglyadov V.I. Vernadskogo [Modern Technosociogenesis in the Light of Noosphere Views of V.I. Vernadsky]. *Vestnik Instituta razvitiya noosfery*, 2019, no. 2, pp. 5–19.
7. Ioseliani A.D. Tsifrovizatsiya bytiya i sotsial'naya adaptatsiya cheloveka [Digitalization of Being and Social Adaptation of a Person]. *Mezhdunarodnyy zhurnal grazhdanskogo i torgovogo prava*, 2019, no. 4, pp. 5–12.
8. Smirnov G.S. Tsefalizatsiya noosfery: evolyutsiya razumnogo veshchestva na rubezhe tysyacheletiy [Cephalization of the Noosphere: The Evolution of Reasonable Substance at the Turn of the Millennium]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 2, pp. 17–30.
9. Senyushkina M.A. Ekosfera i ee rol' v razvitii tsivilizatsii [Ecosphere and Its Role in the Development of Civilization]. Senyushkina T.A., Baranov A.V. (eds.). *Politicheskoe prostranstvo i sotsial'noe vremya* [Political Space and Social Time]. Simferopol, 2016, pp. 192–199.
10. Ursul A.D. Neskol'ko zamechaniy o noosfere [Some Remarks About Noosphere]. *Vestnik kul'tury i iskusstv*, 2017, no. 3, pp. 78–86.
11. Burovskiy A.M. Pravilo intellektualizatsii v zhivoy i myslyashchey prirode [The Rule of Intellectualization in Living and Thinking Nature]. Grin L.E., Korotaev A.V. (eds.). *Evolutsiya: srezy, pravila, prognozy. Mezhdistsiplinarnyy ezhegodnik "Ekologiya"* [Evolution: Cross-Sections, Rules, Forecasts. Interdisciplinary Yearbook Ecology]. Iss. 8. Volgograd, 2016, pp. 184–220.

12. Krivovichev S.V. Na zare teisticheskogo evolyutsionizma: Dzheymy Duayt Dena (1813–1895) i ego religioznye vzglyady [On the Dawn of Theistic Evolutionism: James Dwight Dana (1813–1895) and His Religious Views]. *Khristianskie chteniya*, 2019, no. 3, pp. 41–47. DOI: [10.24411/1814-5574-2019-10043](https://doi.org/10.24411/1814-5574-2019-10043)
13. Artemenkov A.A. Maladaptogenesis in the Anthroposphere: Scientific and Philosophical Understanding of the Problem. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2019, no. 5, pp. 91–101. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2019.5.91](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2019.5.91)
14. Kaku M. *The Future of the Mind: The Scientific Quest to Understand, Enhance, and Empower the Mind*. New York, 2014. 377 p. (Russ. ed.: Kaku M. *Budushchee razuma*. Moscow, 2019. 646 p.).
15. Maturana H.R., Varela F.J. *The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding*. Boston, 1987 (Russ. ed.: Maturana U., Varela F. *Drevo poznaniya: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya*. Moscow, 2019. 320 p.).
16. Darwin C. *Proiskhozhdenie vidov* [On the Origin of Species]. Moscow, 2016. 480 p.
17. Markov A., Naymark E. *Evolutsiya. Klassicheskie idei v svete novykh otkrytiy* [Evolution. Classical Ideas in the Light of New Discoveries]. Moscow, 2017. 656 p.
18. Yugay G.A. *Filosofskie problemy teoreticheskoy biologii* [Philosophical Problems of Theoretical Biology]. Moscow, 2020. 248 p.
19. Yugay G.A. *Obshchaya teoriya zhizni: dialektika formirovaniya* [General Theory of Life: Formation Dialectic]. Moscow, 2020. 256 p.
20. Anokhin P.K. *Ocherki po teorii funktsional'nykh sistem* [Essays on the Theory of Functional Systems]. Moscow, 2013. 450 p.
21. Afanas'ev V.G. *Mir zhivogo: sistemnost', evolyutsiya i upravlenie* [The World of the Living: Consistency, Evolution and Management]. Moscow, 2019. 334 p.
22. Pavlov I.P. *Lektsii o rabote bol'shikh polushariy golovnogo mozga* [Lectures on the Function of the Cerebral Hemispheres]. Moscow, 2017. 480 p.
23. Bergson H. *L'Évolution créatrice*. Geneva, 1945. 369 p. (Russ. ed.: Bergson A. *Tvorcheskaya evolyutsiya*. St. Petersburg, 2017. 384 p.).
24. Smirnov G.S., Nikiforov A.S. Planetary Cephalization: The Organic and Electronic Global Mind (Ways of Language Convergence). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 1, pp. 84–92. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2018.1.84](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.1.84)
25. Smirnov G.S., Smirnov D.G. Tsefalizatsiya i tsifrovizatsiya: filosofsko-metodologicheskie aspekty tsifrovoy noosferizatsii [Cephalization and Digitalization: Philosophical and Methodological Aspects of Digital Noospherization]. Grechev V.A. (ed.). *Ot ekologicheskogo obrazovaniya k ekologii budushchego* [From Ecological Education to Ecology of the Future]. Moscow, 2020, pp. 1954–1961.

DOI: 10.37482/2687-1505-V199

Aleksey A. Artemenkov

Cherepovets State University;

ul. Lunacharskogo 5, Cherepovets, 162600, Vologodskaya obl., Russian Federation;

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7919-3690> e-mail: basis@live.ru

NOOCEPHALIZATION OF THE MODERN HUMAN IN THE ANTHROPOGENIC URBAN ENVIRONMENT

This article demonstrates that, at present, the boundaries of artificial human environment (technosphere) have been rapidly expanding and the role of cities in the scientific, technical and socio-economic development of society has been growing. Today, cities have become development

For citation: Artemenkov A.A. Noocephalization of the Modern Human in the Anthropogenic Urban Environment. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, no. 4, pp. 113–122. DOI: 10.37482/2687-1505-V199

centres for the humanity, since it was in the anthropogenic urban environment that certain conditions started to form for enhancing brain function. This process is called noocephalization, which is expressed in the improvement and optimization of business and intellectual human activities. The author points out that it is in the urban environment that the transformational processes of urban technological and social globalization accelerate, which generates new human qualities, determined by the new social conditions of this environment. Further, the paper substantiates the key role of the anthropogenic urban environment in starting the process of noocephalization. Within the framework of the idea of urban cephalization of modern humans, the evolution of the brain according to M. Kaku is analysed and the concept of cellular autopoiesis by H.R. Maturana and F.J. Varela is discussed. In this regard, the role of preadaptation and integration processes in the course of noocephalization is considered. In the course of the study, the author comes to the conclusion that noocephalization is a general biological pattern and a universal philosophical category. In addition, the paper emphasizes that in the conditions of an anthropogenic urban environment, noocephalization in modern humans runs at an accelerated pace, parallel to globalization processes. Moreover, the author argues that noocephalization is a result of improving living matter and of the unity of human brain and conscious activity. The author specifically focuses on the phenomenon of bio-techno-social cephalization (according to G.S. Smirnov and D.G. Smirnov) implemented on the basis of neural networks of the brain and coevolution of the human and artificial minds. In conclusion, the paper highlights the importance of noocephalization of the modern human, which is of great scientific and humanitarian significance.

Keywords: *anthropogenic urban environment, development of the human brain, noocephalization, globalization, evolution.*

Поступила 28.06.2021

Принята 23.05.2022

Опубликована 13.10.2022

Received 28 June 2021

Accepted 23 May 2022

Published 13 October 2022

УДК 165.5

DOI: 10.37482/2687-1505-V195

ДИМИТРОВА Светлана Васильевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета. Автор более 90 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий (из них три коллективные)*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4962-0692>

КЯРОВА Мадина Алиевна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой истории, философии и права Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В.М. Кокова (Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик). Автор 20 научных публикаций***

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1984-4273>

КАЛЬДИНОВА Галина Павловна, кандидат социологических наук, заведующая отделом социологических исследований Института комплексных исследований аридных территорий (Республика Калмыкия, г. Элиста), доцент кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета имени Б.Б. Городовикова (Республика Калмыкия, г. Элиста). Автор более 50 научных публикаций, в т. ч. двух коллективных монографий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7070-1396>

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Проблема определения границ и степени влияния на человека результатов научного знания обретает еще большую актуальность на современном этапе развития науки. Особенностью развития гуманитарного знания является его амбивалентность, проявляющаяся в том, что поиск и совершенствование путей достижения гуманистических идеалов могут стать основанием для формирования ресурсов, позволяющих продуцировать-конструировать определенный тип личности. Значимым является анализ ситуаций, при которых научно обоснованное стремление к гуманитарным идеалам – сохранению и улучшению качества жизни человека – приводит тому, что даже жизнь и смерть индивида могут стать результатом соглашения ученых, политиков. Цель работы – обосновать необходимость определения границ при достижении гуманитарных идеалов. Методом исследования послужил анализ философских учений, позволяющих экспли-

*Адрес: 400050, г. Волгоград, ул. Ткачева, д. 16А; e-mail: dimitrova@volsu.ru

**Адрес: 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. А.С. Пушкина, д. 11; e-mail: gala758@yandex.ru

***Адрес: 360003, Кабардино-Балкарская Республика, г. Нальчик, просп. Ленина, д. 1в; e-mail: mad-kyarova@yandex.ru

Для цитирования: Димитрова С.В., Кальдинова Г.П., Кярова М.А. Гуманитарное знание в современном мире // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 123–133. DOI: 10.37482/2687-1505-V195

цировать новые подходы к определению путей обретения смысла. В условиях плюрального, разновекторного, рискогенного развития мира традиционные черты гуманитарных наук – стремление к пониманию, поиск смысла, контекстуальность – претерпевают существенные изменения. Беспрецедентная фрагментация сегодняшнего мира, «эпизодичность жизни» индивидов актуализируют поиск ресурсов для достижения понимания в условиях отсутствия целостности. Показана особая значимость усилий человека в поиске возможности пребывания в таких режимах сознания, как: «участное мышление» (М.М. Бахтин); «мыследействие» (М.К. Мамардашвили); «сознание, не основанное на познавательных значениях» (Иоанн Павел II). Обосновывается, что онтологической и гносеологической ценностью обладает идея установления смысла в результате усилий, упорства индивида. Поиск и установление смысла – это свершенное событие (Ж. Делез), в котором проявляется уникальность личностного бытия.

Ключевые слова: идеалы научности, целостность, «власть-знание», биополитика, «режимы сознания», смысл, поступок, событие.

Размышления о специфике гуманитарного знания всегда были значимыми для философии. Актуальность задачи определения роли и статуса гуманитарных наук в настоящее время обусловлена тем, что в современном мире ценностные основания гуманитарного знания оказывают непосредственное влияние на развитие науки в целом.

Особенность ситуации заключается в том, что усиление процессов гуманитаризации знания является следствием успешного развития естественных наук. Все более значимыми становятся подходы к исследованию природы и человека, использующие ценности не только как цели, но и как основания для формирования новых научных парадигм (биоэтика, экология).

Поиск истины в гуманитарном знании проявляется в стремлении обрести понимание, связанное с определением человеком своей роли, предназначения, места в данной картине мира, системе ценностей, социальных проектах. Тем самым истина в гуманитарном знании – это указание на подлинные формы бытия человека, основание процессов самопознания личности.

Зарождение и формирование классического идеала научности основывалось, с одной стороны, на признании существования объективных закономерностей мира и возможности их отражения в сознании субъекта. С другой стороны, утверждалось наличие независимого

от мира сознания. Стремление к достижению объективной истины и рассмотрение последней как цели научного познания становится основанием классической научной рациональности. Следовательно, знания о человеке, стремящиеся не к объяснению, а к пониманию, не могут быть научными.

Между тем переход к неклассической рациональности связан с признанием активной позиции субъекта. Поскольку предметом познания становится та часть действительности, которую способен воспринять субъект, то при описании законов мира необходимо учитывать «положение наблюдателя», «контекстуальность», способы выражения и систематизации знаний.

Тем самым особенности неклассической рациональности связаны с изменением роли субъекта познания, который не элиминируется, а оказывает влияние на содержание знания. Сложность, полисистемность и разнонаправленность развития мира приводят к пониманию, что представления о законах реальности во многом зависят от контекста исследования, от дискурса, в котором пребывает научное сообщество. Возникновение постнеклассической рациональности вводит в содержание познания аксиологический аспект, поскольку утверждается, что на результаты познания оказывают влияние ценностные установки субъекта.

Признание отсутствия фундаментальных оснований в научном знании актуализирует

проблемы достижения понимания, а не только объяснения.

Однако необходимо осознавать, что последовательное стремление к гуманистическим идеалам, основанное на абсолютизации роли научного знания, может выступить условием для формирования ресурса, позволяющего не только эффективно управлять людьми и «форматировать» сознание человека, но даже продуцировать, конструировать заданный тип индивида. К наиболее негативным формам новых типов отчуждения относится биовласть, которая, следуя гуманным целям (сохранение, продление, новое качество жизни человека), превращает понятия жизни и смерти в политические понятия.

Таким образом, амбивалентная природа гуманитарного знания актуализирует необходимость рассмотрения критериев успешности в развитии гуманитарных наук. Цель настоящего исследования – обосновать важность определения границ при достижении гуманитарных идеалов.

Стремление гуманитарного знания к пониманию маркировало его особенность и вместе с тем обеспечивало научность. В. Дильтей, разделивший все знание на два класса – «науки о природе» и «науки о духе», – стремился к целостному восприятию человека. Его позиция заключалась в том, что гуманитарные науки не только отличаются предметом, но и требуют специфических методов исследования. Интерпретация и контекстуальность как методы гуманитарных наук позволяют прийти к пониманию и постичь жизненную целостность. Задача понимания в науках о духе нацелена на возвращение к внутренним истокам от внешних проявлений и, наоборот, «сопряженность внешних единичных событий с чем-то внутренним» [1, с. 298].

Выявление специфических отличий понимания и объяснения позволило показать особенности знаний о человеке и трансформировать их в гуманитарные науки. Важно отметить, что понимание основывается на признании целостности, являющейся условием для возникновения знаний: «Содержание подлинного символа через опосредствованные смысловые

сцепления соотнесено с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума» [2, с. 186].

Разработка и установление особенностей метода понимания в учении Х.-Г. Гадамера позволили сделать философу оригинальные выводы. Во-первых, процесс понимания не может и не должен требовать объективно-бесстрастного отношения исследователя к изучаемым жизненным проявлениям. Поэтому Гадамер обосновывает гносеологическую значимость «предрассудков». Каждый исследователь, стремящийся к пониманию, неизбежно «погружен» в определенную традицию, и «тот, кто, полагаясь на объективность своих методов и отрицая свою собственную историческую обусловленность, мнит себя свободным от предрассудков, тот испытывает на себе могущество этих предрассудков, господствующих над ним без всякого контроля с его стороны...» [3, с. 424].

Во-вторых, согласно учению Гадамера, в гуманитарных науках строгое применение методов демонстрирует принуждение к определенному пониманию. Безусловно, «навязывание» того, как это должно быть понято, не имеет ничего общего с объективностью исследования. Следовательно, строгость методологии «почти наверняка приводит к противоположности истины» [4].

Обусловленность, по Гадамеру, предполагает «вслушивание» в историческую традицию, а понимание «следует мыслить скорее не как действие субъективности, но как включение в свершение предания, в котором происходит непрерывное опосредование прошлого и настоящего» [3, с. 345].

Рассуждая об особенностях наук о человеке, французский мыслитель М. Фуко писал: «...гуманитарные науки – это не столько исследование человека в его природной данности, сколько исследование, простирающееся между тем, что есть человек в своей позитивности (существо, которое живет, трудится, говорит), и тем, что позволяет этому самому существу знать (или по крайней мере стремиться узнать), что же такое жизнь, в чем заключается сущность и законы человеческого труда и как

вообще возможно говорить» [5, с. 373]. Философ утверждает, что существованию любых типов знания предшествует некая «историческая априорность», эпистема, дискурс, т. е. некий предзаданный порядок вещей, который выступает необходимым условием для возникновения мнений, наук, истин, типов рациональностей в каждый исторический период.

Как отмечает И.Т. Касавин, постмодернистская традиция, несмотря на оригинальность подходов и учений, «в целом представляется как кризис норм и ценностей, метанарративов, авторства и субъектности, в основе которого крах прежних эпистемических стандартов... Отсюда и главная задача философии – критика знания» [6, с. 218].

Целостность рассматривалась как необходимое условие для достижения понимания и, следовательно, основание для развития «наук о духе». Целостность, задаваемая мифологической, религиозной, философской, научной картинами мира, приводила к возможности определения людьми своего «места в мире», смысла и предназначения человеческой жизни.

Важно отметить, что эффективное развитие научного знания, постметафизическая традиция в философии сформировали условия, при которых целостность утрачивает свою продуктивность и не может рассматриваться как регулятивный принцип понимания и основание для поиска человеком смысла жизни. Формируются онтологические парадигмы, в которых развитие мира рассматривается как вечный, бесконечный хаос, непрерывное столкновение случайностей, ведущее к разновекторному, непредсказуемому развитию. Последовательное преодоление и вытеснение метафизических интенций, исключение самого принципа централизации (критика логоцентризма, рациоцентризма и т. д.) приводят к смене основных направлений, «стержней» развития и утверждению возможности существования вне целостности и центра. Весьма значимым становится вопрос о том, что может выступить ресурсом для достижения понимания в условиях беспрецедентной фрагментации сегодняшнего мира,

эпизодичности жизни индивидов, гибкости и неопределенности социального развития.

Одновременно возникает устойчивая тенденция рассматривать целостность как основание для порабощения человека, нивелирования его индивидуальности. Программным становится утверждение Ж.-Ф. Лиотара о кризисе метанарративов. Лиотар демонстрирует, что любая целостность задается/навязывается и выступает условием формирования у отдельных людей и обществ в целом стиля познания, представлений о свободе и справедливости. По сути, целостность, фундированная неким метанарративом, это заданное направление процесса самореализации и поиска знаний о себе и мире, тотальная форма проявления зависимости людей: «Великий рассказ утратил свое правдоподобие, вне зависимости от способа унификации, который ему предназначался: спекулятивный рассказ или рассказ об освобождении» [7, с. 92].

Вместе с утратой гносеологической значимости «метанарративов» существенно меняются и подходы к определению истинности знания. В постмодернизме возникают концепции, делающие акцент на социальной значимости истин. Новизна такого подхода заключается в том, что критерий социальной значимости не только учитывается, но и вводится «в сам процесс достижения истины» [8, с. 289].

Новые формы и беспрецедентная степень отчуждения наиболее последовательно, на наш взгляд, представлены в учении М. Фуко, который выявил конструктивистский характер знания. «Историческое априори» – это формирование и распространение/навязывание определенного видения мира, критериев научности и т. д. Различные способы познания и систематизации фактов, грамматические и логические правила как способы выражения знаний не репрезентируют, а организуют определенный порядок, ход вещей. Автор концепции «власти-знания» констатирует, что «не существует отдельно, с одной стороны, познания или науки, а с другой, общества и государства, но существуют лишь фундаментальные формы “власти – знания”» [9, с. 118].

Важно также отметить, что в учении М. Фуко о зарождении и развитии социально-гуманитарных наук утверждается априорный характер истин. В социально-гуманитарных науках истины формируются в рамках «дисциплинарной матрицы», а рассмотрение индивида как объекта познавательной деятельности обусловлено необходимостью наиболее полного использования человеческого потенциала.

Сложно переоценить роль социально-гуманитарного знания, позволившего качественно преобразовать способы подчинения человека. Благодаря накоплению знаний о человеке формируются более гуманные идеалы развития, «смягчаются» методы наказания, пытки и казни трансформируются в практики «заботы о себе». Вместе с тем возникают более эффективные способы контроля, при которых исчезает необходимость «надзирать и наказывать». Контроль заменяется самоконтролем, а стремление людей к эффективности, успешности, здоровому образу жизни становится движущей силой, ведущей к достижению поставленных властью целей.

Таким образом, сформированный дискурс гуманитарных наук позволяет власти не подчинять, а продуцировать нужный ей тип человека – солдата, ученого, гуманиста. М. Фуко отмечает, что когда произошел переход «от историко-ритуальных механизмов формирования индивидуальности к научно-дисциплинарным механизмам... (заменив тем самым индивидуальность человека, которого помнят, индивидуальностью человека исчисляемого)... когда стали возможны науки о человеке... были осуществлены новая технология власти и новая политическая анатомия тела» [10, с. 282].

На основе размышлений М. Фуко можно сделать выводы о том, что познающий субъект утрачивает свою автономность и творческий потенциал. Качественные изменения, происходящие в процессах познания, привели к возникновению автономной, независимой от субъекта логики, формирующей гносеологические и аксиологические установки. Поскольку познающий субъект не в состоянии

понять механизмы формирования автономных сил, то у него, соответственно, нет возможности прогнозировать дальнейшее развитие.

Между тем развитие «власти-знания», связанное с успешным следованием гуманитарным идеалам, приводит к ситуациям, при которых национализируется и тело. Современный итальянский философ Дж. Агамбен указывает, что даже жизнь и смерть «являются не собственно научными понятиями, но понятиями политическими, которые в силу своей политической природы приобретают точное значение лишь в результате специального решения» [11, с. 208].

Стремление к гуманным идеалам (увеличению продолжительности и улучшению качества жизни) может обусловить ситуации, в которых забота о людях рассматривается как биополитический механизм: «Право верховной власти суверена заставить человека умереть или позволить ему жить сменилось правом заставить индивида жить или позволить ему умереть» [12, с. 262].

Таким образом, высокий уровень познавательной активности, научно-технический прогресс не стали основанием для осознанного планирования жизни людей и социумов. Напротив, современная действительность характеризуется увеличивающейся степенью неопределенности, поскольку «впереди... нас ждет лишь большая гибкость, большая рискованность и большая уязвимость» [13, с. 50]. Появление «общества риска» [14], становление «текущей реальности» [15] обусловили необходимость достижения такого понимания, при котором стало бы возможным ответственное отношение к окружающей действительности. Следует отметить, что основанная на научных знаниях продуктивность биополитики может рассматриваться и как условие для поиска новых типов активности, сущностными характеристиками которых будут самоизменение, личностное становление, проявление индивидуальности.

Тем самым успешное развитие познавательной деятельности привело к осознанию того, что необходимым становится обращение

к новым формам активности. Достижение понимания, поиск смысла становятся возможными в процессе свершения поступка/события.

Понимание – это событие бытия, актуализировать которое может только человек, пребывающий в определенном режиме сознания. Важным аспектом рассмотрения характеристик сознательности является то, что понимание связано не с ориентированностью на объективность и общезначимость суждений, а предполагает самоизменение субъекта, актуализацию личностного бытия. Интенции, направленные на преодоление теоретико-объективных значений, становятся условием обретения иных, недоступных теоретическому познанию режимов сознания.

Совершенствование способов и методов познания, высокоразвитые технологии не исключили, а скорее сделали еще более актуальной задачу решения предельных вопросов бытия. Следует отметить, что принятие экзистенциальных решений находится в поле ответственности человека и зависит от его каждодневных усилий.

Отличительной особенностью понимания можно считать не направленность на преобразование сущего, а усилия, способствующие актуализации бытия. Так, в философии Ж. Делеза установление смысла – это событие. Следовательно, понимание возможно при условии совершенного события. Сущностными характеристиками события являются уникальность, неповторимость, получившие свое выражение благодаря усилиям конкретного человека. Каждое событие создает новые «системы исчислений», типы взаимосвязей, позволяет актуализировать иные режимы сознательности, уникальные формы бытия. Таким образом, понимание/установление смысла обретает онтологические черты, выступая как продуктивная сила. Как отмечал Ж. Делез, событие как концепт «всегда обладает той истиной, которую получает в зависимости от условий своего создания» [16, с. 40].

Делезовскому пониманию смысла-события созвучны характеристики поступка, описанные в трудах таких оригинальных мыслителей, как М.М. Бахтин, В.С. Библер, Иоанн Павел II,

М.К. Мамардашвили. Важным выводом нашего исследования становится утверждение о том, что поступок не может быть основан на познавательных значениях, а является условием становления-актуализации бытия.

Теоретическое познание, ориентированное на объективность и стремящееся установить общезначимые суждения, изначально рассматривает проявление индивидуального как ошибку и стремится исключить влияние субъекта на получаемые знания. М. Бахтин определяет такого рода познание как «роковое теоретизирование», требующее отречения от «моего единственного бытия». «Меня, действительно мыслящего и ответственного за акт моего мышления, нет в теоретически значимом суждении», – пишет М. Бахтин [17, с. 84].

Поступок свершается, когда отсутствуют, распадаются регуляторы человеческого поведения и действия, когда сознательность индивида проявляется в том, что он должен заново устанавливать, изобретать, создавать исходные условия для нравственных, познавательных, эстетических ценностей. Тем самым поступок не исключает существующие значения и смысл, но и не полагается на них, в каждом поступке возможен выход к основаниям знания. «Поступающее» мышление, согласно учению М. Бахтина, является авторским, поскольку каждая личность актуализирует особый (бытийный) стиль мышления, на котором будут основаны новые действия.

Автономность, собственная логика развития мира объективных значений не только управляет действиями людей, навязывая определенный стиль мышления и способы достижения и понимания истины, но и продуцирует определенный тип личности. Следует признать значимость для современного мира и утверждения Бахтина о том, что «человек чувствует себя уверенно» только «там, где его принципиально нет: в автономном мире культурной области... но неуверенно, скудно и неясно, где он имеет с собой дело, где он – центр исхождения поступка, в действительной единственной жизни» [17, с. 96–97].

Следовательно, достижение понимания становится возможным при формах активности, позволяющих утверждать абсолютность личностного начала. М. Бахтин вводит важный термин, раскрывающий суть понимания, – «участное мышление». Пребывая в режиме «участного мышления», можно понять все явления и процессы, рассмотрев их в отношении к человеку – единственному личностному бытию. Следовательно, понимание есть результат не теоретического знания, а ответственного отношения человека к своему бытию, проявлению индивидуальной жизненности. Результатом поступка является актуализация новых форм бытия, установление новых «систем отсчета», способов достижения истины. В.С. Библер отмечает, что «обыденный, одинокий поступок все чаще обретает роковой, “акмейный” характер, обретает смысл решающего действия “на прошлое” и “на будущее” индивидуальных – и не только индивидуальных – судеб» [18, с. 266].

Важная черта поступка – его завершенность, единственность, окончательность свершения. Тем самым поступок служит основанием целостности, при которой утверждается «полифония смыслов»: «Каждый поступок (если он хоть как-то осознан) всегда что-то преступает, несет в себе риск личного перерешения – заново! – исторических судеб, выборов, решений, исторических форм общения. Все эти ценностные и смысловые спектры оказываются значимыми одновременно...» [18, с. 263].

В работе Иоанна Павла II «Личность и поступок» выделены три важных аспекта полноты сознания: в сознательных действиях субъекта; в осознании того, что человек делает; в понимании того, что личность действует сознательно. Высокотехнологичные, сознательные действия субъекта основываются на познавательных значениях, но не указывают на то, что человек есть «причинность действий». В сознательных действиях проявляется уровень владения знаниями, достижения научно-технического прогресса, но не сам человек.

Согласно учению Иоанна Павла II, познавательные действия не относятся к сознанию,

поскольку основанием сознательной деятельности выступает указание на человека как на «причинность действий». Если же абсолютизировать активность, основанную на познавательных процессах, то люди оказываются вовлеченными в череду «навязанных» действий, наступает эпоха «рокового теоретизирования». «Мы придерживаемся того мнения, что подлинно познавательный динамизм, сама деятельность познания к сознанию не относятся», – указывает Иоанн Павел II [19, с. 96].

Исходя из этого, за познанием, основанным на установлении значений, следует процесс поиска смыслов – понимание. Началом для понимания служат две функции сознания – отражение и интериоризация. Благодаря этим функциям все, что отражается сознанием, переосмысливается человеком и позволяет включить в личностное смысловое поле полученные и отраженные в сознании результаты познания.

Следующие уровни сознательной активности основываются на процессах самопознания. Самосознание сначала предоставляет данные человеку о самом себе, переводя объективные знания во внутреннее содержание сознания, а затем указывает «еще и на переживание, в котором по-особому (ибо опытно) проявляет себя субъектность человека как переживающего субъекта. И в этом смысле рефлексивная особенность сознания... ведет к выявлению субъектности в переживании» [19, с. 109].

Осмысление полученных знаний о самом себе, включенность их во внутреннее содержание сознания способствуют становлению личности. Таким образом, сознательная активность реализуется в поступках человека. Сознание «пронизывает собой поступок и становится его важным аспектом. Это такой аспект, в котором и бытование личности, и ее действие не только отражаются, но и по-своему создаются» [19, с. 95].

Важно отметить, что совершение поступка позволяет человеку «переживать» собственное авторство. Подчеркнем, что переживание авторства предполагает принятие на себя ответственности. Человек, являющийся «виновником действия», творит собственное бытие.

Таким образом, понимание не достигается в процессе получения знаний, а возникает при нравственно-практических усилиях человека, берущего на себя ответственность как за содержание поступка, так и за свое бытие. При этом важно, что свершение поступка требует от индивида постоянных усилий и удержания себя в определенном режиме сознательности.

Данное положение можно пояснить, обратившись к размышлениям М.К. Мамардашвили о том, что человек не создается в процессе эволюции, задача «быть человеком» всегда актуальна: «В мире для каждого человека оставлено место, оно оставлено там, где есть наш собственный акт (лик), который мы должны совершить. Попав в это место, мы можем быть ликом (свободным), только переосмыслив и преобразовав себя. А это преобразование требует силы (не слов, не логических рассуждений)» [20, с. 426]. Создание человека – это непрерывность индивидуальных усилий, направленных на создание себя.

Подводя итоги, сделаем ряд выводов.

Во-первых, важнейшей особенностью современного гуманитарного знания является его амбивалентность. С одной стороны, совершенствуются пути, активно используются междисциплинарные знания и технологии для достижения гуманистических идеалов. С другой стороны, активная разработка и внедрение научных знаний приводят к появлению беспреце-

дентных форм воздействия на человека, регулирующих не только действия и знания людей, но и влияющих на определение экзистенциальных критериев – состояния жизни и смерти.

Во-вторых, меняется роль целостности, рассматриваемой как необходимое условие для достижения понимания. Целостность, рассматриваемая как определенная иерархия, приводит к появлению навязанного, априорного порядка вещей. Наиболее значимым ресурсом для достижения понимания является признание потенциального многообразия, бесконечности изменений, незавершенности процессов актуализации сущего. Условием перманентного изменения сущего становятся процессы возникновения-установления смыслов.

Особенность современных реалий заключается в том, что поиск новых форм понимания и основанных на них типов активности имеет экзистенциальный смысл. Следовательно, условием обретения понимания выступают не теоретические исследования, а индивидуальные усилия каждого человека.

Пребывание в ситуациях, сформированных в результате успешного развития наук и последовательного достижения гуманистических идеалов, позволяет указать на экзистенциальную значимость таких типов активности, как поступок, смысл-событие, в которых проявляется уникальность личностного бытия.

Список литературы

1. Дильтей В. Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. Построение исторического мира в науках о духе / под ред. А.В. Михайлова и Н.С. Плотникова. М.: Три квадрата, 2004. 419 с.
2. Бахтин М.М. К методологии гуманитарных наук // Развитие личности. 2008. № 4. С. 186–197.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики / общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 709 с.
4. Abulad R.E. What Is Hermeneutics? // Kritike. 2007. Vol. 1, № 2. P. 11–23. URL: http://www.kritike.org/journal/issue_2/abulad_december2007.pdf (дата обращения: 14.02.2022).
5. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
6. Касавин И.Т. Наука как общественное благо // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 217–227. DOI: [10.17223/1998863X/60/19](https://doi.org/10.17223/1998863X/60/19)

7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
8. Пыхтина Т.Ф. Истина как социальная значимость (пути постмодернизма в трактовке познания) // Вестн. НГУЭУ. 2012. № 3. С. 289–294.
9. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова; под общ. ред. Б. Левченко. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей соврем. искусства «Гараж», 2020. 416 с.
11. Агамбен Дж. Ното сасег. Суверенная власть и голая жизнь / [пер. с итал. И. Левиной и др.]. М.: Европа, 2011. 256 с.
12. Самовольнова О.В. Социально-философский анализ основных концепций биополитики: М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Негри // Вестн. РГГУ. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 4-2(10). С. 261–271.
13. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. М.: Весь мир, 2004. 116 с.
14. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
15. Бауман З. Текущая современность / [пер. с англ. С.А. Комарова]. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
16. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 286 с.
17. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М.: Наука, 1986. С. 80–160.
18. Библиер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. М.: Политиздат, 1990. 413 с.
19. Иоанн Павел II (Войтыла К.Ю.). Личность и поступок. М.: Изд-во Францисканцев, 2003. 333 с.
20. Мамардашвили М.К. Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2002. 832 с.

References

1. Dil'tey V. *Sobranie sochineniy. T. 3. Postroenie istoricheskogo mira v naukakh o dukhe* [Collected Works. Vol. 3. Construction of the Historical World in the Sciences of the Spirit]. Moscow, 2004. 419 p.
2. Bakhtin M.M. K metodologii gumanitarnykh nauk [To the Methodology of the Humanities]. *Razvitie lichnosti*, 2008, no. 4, pp. 186–197.
3. Gadamer H-G. *Wahrheit und Methode*. Tübingen, 1960 (Russ. ed.: Gadamer Kh.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki*. Moscow, 1988. 709 p.).
4. Abulad R.E. What Is Hermeneutics? *Kritike*, 2007, vol. 1, no. 2, pp. 11–23. Available at: http://www.kritike.org/journal/issue_2/abulad_december2007.pdf (accessed: 14 February 2022).
5. Foucault M. *Les Mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris, 1966, 405 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg, 1994. 408 p.).
6. Kasavin I.T. Nauka kak obshchestvennoe blago [Science: A Public Good and a Humanistic Project]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, 2021, no. 60, pp. 217–227. DOI: [10.17223/1998863X/60/19](https://doi.org/10.17223/1998863X/60/19)
7. Lyotard J.-F. *La Condition postmoderne: Rapport sur le savoir*. Paris, 1979 (Russ. ed.: Liotar Zh.-F. *Sostoyanie postmoderna*. Moscow, 1998. 160 p).
8. Pykhtina T.F. Istina kak sotsial'naya znachimost' (puti postmodernizma v traktovke poznaniya) [Verity as a Social Weight (Postmodernism's Ways in Cognition Theory)]. *Vestnik NGUEU*, 2012, no. 3, pp. 289–294.
9. Foucault M. *L'Archéologie du savoir*. Paris, 1969 (Russ. ed.: Fuko M. *Arkheologiya znaniya*. Kiev, 1996. 208 p.).
10. Foucault M. *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris, 1975. 318 p. (Russ. ed.: Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my*. Moscow, 2020. 416 p.).

11. Agamben G. *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [*Homo sacer: Sovereign Power and Bare Life*]. Moscow, 2011. 256 p.
12. Samovol'nova O.V. Sotsial'no-filosofskiy analiz osnovnykh kontseptsiy biopolitiki: M. Fuko, Dzh. Agamben, A. Negri [Social Philosophical Analysis of Basic Concepts of Biopolitics. M. Foucault, G. Agamben, A. Negri]. *Vestnik RGGU. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie*, 2017, no. 4-2, pp. 261–271.
13. Giddens A. *Runaway World: How Globalisation Is Reshaping Our Lives*. New York, 2000. 124 p. (Russ. ed. Giddens E. *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'*. Moscow, 2004. 116 p.).
14. Beck U. *Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main, 1986. 391 p. (Russ. ed.: Bek U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Moscow, 2000. 383 p.).
15. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge, 2000. 228 p. (Russ. ed.: Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'*. St. Petersburg, 2008. 240 p.).
16. Deleuze G., Guattari F. *Qu'est-ce que la philosophie?* Paris, 1991. 206 p. (Russ. ed.: Delez Zh., Gvattari F. *Chto takoe filosofiya?* St. Petersburg, 1998. 286 p.).
17. Bakhtin M.M. K filosofii postupka [Toward a Philosophy of the Act]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki* [Philosophy and Sociology of Science and Technology]. Moscow, 1986, pp. 80–160.
18. Bibler V.S. *Ot naukoucheniya – k logike kul'tury: Dva filosofskikh vvedeniya v dvadtsat' pervyy vek* [From Science to the Logic of Culture: Two Philosophical Introductions to the Twenty-First Century]. Moscow, 1990. 413 p.
19. Pope John Paul II. *Lichnost' i postupok* [Person and Act]. Moscow, 2003. 333 p.
20. Mamardashvili M.K. *Filosofskie chteniya* [Philosophical Readings]. St. Petersburg, 2002. 832 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V195

Svetlana V. Dimitrova

Volgograd State University;
ul. Tkacheva 16A, Volgograd, 400050, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4962-0692> e-mail: dimitrova@volsu.ru

Galina P. Kal'dinova

Institute for Comprehensive Research of Arid Territories;
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov;
ul. A.S. Pushkina 11, Elista, 358000, Respublika Kalmykiya, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7070-1396> e-mail: gala758@yandex.ru

Madina A. Kyarova

Kabardino-Balkarian State Agricultural University named after V.M. Kokov;
prosp. Lenina 1B, Nalchik, 360003, Kabardino-Balkarskaya Respublika, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1984-4273> e-mail: mad-kyarova@yandex.ru

HUMANITIES KNOWLEDGE IN THE MODERN WORLD

Determining the boundaries and degree of influence of the results of scholarly knowledge on a person is becoming increasingly relevant at the current stage of the development of scholarship. Humanitarian knowledge is ambivalent, which is manifested in the fact that the search for and improvement of ways to achieve humanistic ideals can form the basis for the formation of resources allowing us to produce or construct a certain type of personality. Particular attention is paid to

For citation: Dimitrova S.V., Kal'dinova G.P., Kyarova M.A. Humanities Knowledge in the Modern World. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsialnye nauki*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 123–133. DOI: 10.37482/2687-1505-V195

situations in which the scientifically based striving for humanitarian ideals – preservation and improvement of the quality of human life – leads to the fact that even life and death of an individual can be the result of an agreement between scientists and politicians. This paper aimed to substantiate the need to identify boundaries in achieving humanitarian ideals. The research method applied here is the analysis of philosophical doctrines, which allow to explicate new approaches to determining the ways of finding meaning. In the context of a plural, multidirectional and risk-inducing development of the world, the traditional features of the humanities – desire for understanding, search for meaning, and contextuality – are undergoing essential changes. The unprecedented fragmentation of today's world and the sporadic nature of people's lives actualizes the search for resources to achieve understanding in the absence of integrity. Further, the paper shows the fundamental importance of human efforts aimed to find and be able to stay in such modes of consciousness as “participatory thinking” (M.M. Bakhtin), “thought-action” (M.K. Mamardashvili) and “consciousness not based on cognitive meanings” (Pope John Paul II). It is substantiated here that the idea of establishing meaning as a result of the efforts/perseverance of an individual has ontological and epistemological value. The search for and establishment of meaning is an accomplished event (G. Deleuze), which reflects the uniqueness of a person's existence.

Keywords: *scholarly ideals, integrity, power-knowledge, biopolitics, modes of consciousness, meaning, act, event.*

Поступила 21.03.2022
Принята 20.07.2022
Опубликована 11.10.2022

Received 21 March 2022
Accepted 20 July 2022
Published 11 October 2022

УДК 378.4:811.161.1

DOI: 10.37482/2687-1505-V196

КОТЦОВА Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 133 научных публикаций, в т.ч. трех монографий, двух учебных пособий, трех словарей*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6982-5823>

МАРЬЯНЧИК Виктория Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 70 научных публикаций, в т.ч. четырех монографий, трех учебных пособий***

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1859-3767>

ПОПОВА Лариса Владиславовна, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 79 научных публикаций, в т.ч. четырех монографий (две в соавторстве), одного учебного пособия**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8254-8787>

ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ САФУ (к 90-летию высшего педагогического образования в Архангельске)

Статья посвящена истории и современному положению кафедры русского языка и речевой культуры САФУ имени М.В. Ломоносова, а также преподавателям, внесшим значительный вклад в ее становление и развитие. Описываются основные этапы истории развития кафедры, ее достижения. Раскрывается содержание работ кафедры по основным направлениям: педагогическому, научно-исследовательскому, международному.

Ключевые слова: кафедра русского языка и речевой культуры, русский язык, высшее педагогическое образование, филологическое образование в Архангельске.

*Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7; e-mail: e.kotzova@narfu.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7; e-mail: l.v.popova@narfu.ru

***Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7; e-mail: v.marjyanchik@narfu.ru

Для цитирования: Котцова Е.Е., Попова Л.В., Марьянчик В.А. Из истории кафедры русского языка и речевой культуры САФУ (к 90-летию высшего педагогического образования в Архангельске) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. № 4. С. 134–143. DOI: 10.37482/2687-1505-V196

В 2022 году исполняется 90 лет с начала подготовки в Архангельской области учителей-специалистов с высшим образованием. Первые будущие учителя русского языка и литературы начали свое обучение в 1932 году, когда был открыт Архангельский вечерний педагогический институт. В 1938 году постановлением Совнаркома РСФСР в Архангельске был создан дневной педагогический институт. Отделение русского языка и литературы было одним из первых направлений пединститута, а подготовкой будущих учителей-словесников занималась кафедра русского языка и литературы.

Кафедра русского языка как отдельное подразделение ведет свое начало с 1938 года. Современным преемником кафедры является кафедра русского языка и речевой культуры. За 90 лет только на очном отделении Архангельского государственного педагогического института (АГПИ) – Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ПГУ) – САФУ было подготовлено более 5 тысяч учителей русского языка и литературы. Можно с уверенностью сказать, что в каждой школе Архангельской области, а также в школах других регионов России работают наши выпускники. Иногда это представители педагогических династий в двух-трех поколениях.

За такой большой срок было немало сделано как в педагогической, так и в научной сфере. Юбилейная дата – хороший повод оглянуться назад, подвести некоторые итоги, вспомнить тех, кто стоял у истоков научных и педагогических традиций. В рамках статьи, к сожалению, невозможно описать вклад каждого из работавших и работающих ныне преподавателей, без сомнения, заслуживающих этого, поэтому мы ограничимся описанием основных достижений кафедры, понимая, что кафедра – это прежде всего люди.

Высшее образование, ориентированное на подготовку учителей русского языка и литературы для школ нашего региона, прошло несколько значимых этапов, на каждом из которых перед кафедрой русского языка стояли важные задачи формирования научно-педагогического потенциала, взаимодействия со

школами региона, подготовки новых учебных планов и программ дисциплин, разработки и реализации новых направлений подготовки, в том числе и для иностранных студентов.

1932–1951 годы. В АГПИ факультет русского языка и литературы развивался как самостоятельное структурное подразделение. Сначала всех преподавателей-филологов объединяла кафедра русского языка и литературы, заведовал которой *Иван Автономович Елизаровский* (1881–1958). Затем кафедры русского языка и литературы разделились, и в 1938 году Елизаровский возглавил уже отдельную кафедру русского языка.

Иван Автономович получил серьезное филологическое образование в Санкт-Петербурге, в 1908 году он окончил отделение русской палеографии Археологического института по специальности «история русского языка» и одновременно словесно-историческое отделение Санкт-Петербургской духовной академии по курсу «введение в языковедение». Сфера его научных интересов была достаточно разнообразна: современный русский язык, историческая лексикология, семантика, исторический синтаксис русского языка. Результатами его трудов по изучению памятников письменности Северного Поморья стали работы: «Язык Лодемских актов XVI–XVII вв.» (1955), «Лексика Беломорских актов XVI–XVII вв.» (1958), «Язык Беломорских актов XVI–XVII вв.» (1958). Кроме того, Елизаровский – автор ряда учебников и учебных пособий: «Материалы по курсу языковедения» (1934), «Русский язык XI–XVII вв. Опыт построения курса истории русского языка» (1935), «Синтаксис русского языка» (1936), «Русская речь XI–XIX вв.» (1937).

Одним из преподавателей первого поколения была *Евгения Фёдоровна Плотникова* (1894–1984), выпускница I Московского государственного университета, пришедшая на кафедру в 1938 году. Имея стаж школьного учителя, понимая важность работы по улучшению преподавания русского языка в школах Архангельска, Евгения Федоровна активно занималась вопросами орфографической и

пунктуационной грамотности. В соавторстве с А.В. Хлебниковой она опубликовала в московском издательстве «Сборник текстов для закрепления навыков по орфографии и пунктуации». По этому пособию, выпущенному в двух редакциях (1967, 1972), обучалось не одно поколение студентов-филологов в СССР. В 1953 году Плотникова первой на кафедре защитила диссертацию на тему «Изучение причастий в 6 классе средней школы» и получила ученую степень кандидата педагогических наук.

Начальный период становления кафедры, ее преподавательского состава, научных изысканий требовал ответственной работы по повышению квалификации преподавателей, подготовке учебно-методических материалов, развитию научных исследований. Особое внимание в это время уделяется подготовке квалифицированных кадров для школы, устанавливается тесная связь со школами города и области.

В послевоенные годы начинается возрождение факультета, на который приходят в том числе и фронтовики, как студенты, так и преподаватели. На кафедре появляется новое поколение преподавателей, многие из которых – это выпускники родного факультета конца 1940-х – начала 1950-х годов.

1951–1986 годы. В 1951 году факультет русского языка и литературы и исторический факультет были объединены в историко-филологический факультет. За 35 лет работы истфила в числе деканов факультета были и представители кафедры русского языка – *Маргарита Ивановна Парамонова*, *Тамара Васильевна Щурова*, *Валентина Николаевна Галимова*. *Маргарита Ивановна Парамонова* (1925–1967), выпускница Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена (ЛГПИ), ныне Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (РГПУ), начала работать на кафедре в 1952 году. Сферой ее научных интересов была методика преподавания русского языка. В 1956 году М.И. Парамонова защищает кандидатскую диссертацию «Система орфографических упражнений в 5 классе средней школы».

С 1954 по 1984 год на кафедре проработала канд. филол. наук *Маргарита Викторовна Сыромля* (1924–1994). Маргарита Викторовна вела курс старославянского языка, русской диалектологии, выезжала со студентами в диалектологические экспедиции, учила их сбору и обработке языкового материала, составлению картотеки.

С 1957 по 1972 год во главе кафедры русского языка находилась доцент, канд. филол. наук *Капитолина Ивановна Семёнова* (1908–1988). В этот период происходит закрепление лучших традиций кафедры: активно ведется научная работа, преподаватели защищают диссертации, организуются диалектологическая и фольклорная практики, в учебных планах появляются новые дисциплины лингвистического и исторического циклов, разрабатываются спецкурсы и спецсеминары, активизируется научно-исследовательская работа студентов, обобщается опыт вузовского преподавания русского языка. В 1956 году вышел первый номер институтского сборника «Ученые записки», среди авторов которого были и преподаватели кафедры русского языка И.А. Елизаровский, Е.Ф. Плотникова. Выпуски сборника стали регулярными.

Значимо, что в это время на кафедру пришли работать многие выпускники родного факультета: *Галимова Валентина Николаевна* (1926–2013, выпуск 1948 г.), *Матлина Галина Александровна* (1927–2009, выпуск 1949 г.), *Щурова Тамара Васильевна* (1931–2013; выпуск 1953 г.), Заслуженный работник высшей школы РФ *Осипова Элина Николаевна* (род. 1938, выпуск 1962 г.), в 1970–1980-е годы руководившая кафедрой русского языка, а затем и факультетом; *Розанова Агриппина Андреевна* (1932–1998; выпуск 1955 г.), *Рогова Людмила Николаевна* (1947–2015, выпуск 1969 г.), *Пащенко Татьяна Ивановна* (род. 1946, выпуск 1968 г.), *Морозова Ольга Евгеньевна* (1950–2021, выпуск 1972 г.).

Высокий уровень подготовки выпускников АГПИ демонстрируют и успешные защиты в ЛГПИ кандидатских диссертаций Э.Н. Алсуфьевой (Осиповой) «Односоставные глагольно-личные предложения в современном русском языке» (рук. С.Г. Ильенко, 1968), Г.А. Матлиной

«Конструкции, выражающие объектно-изъяснительные отношения в современном русском языке, и их семантико-синтаксическая соотносительность» (рук. В.В. Степанова, 1971), Т.В. Щуровой «Творительный образ действия в современном русском языке» (рук. И.Я. Сахаров, 1972), В.Н. Галимовой «Система устных упражнений при обучении пунктуации» (рук. А.Ф. Ломизов, 1973). Во многом именно эти молодые преподаватели создали на кафедре и на факультете атмосферу научного поиска, творчества, требовательного, но уважительного отношения к студентам.

Штаб кафедры пополнялся и выпускниками столичных университетов. *Лидия Ивановна Климова* (1938–2018), выпускница Ленинградского государственного университета, работала на кафедре с 1969 по 2004 год. В 1975 году Климова успешно защитила кандидатскую диссертацию «Антонимичные значения полисемантических слов в современном русском языке». Многие выпускники помнят ее лекции и семинары по стилистике русского языка, истории русского литературного языка, лингвистическому анализу художественного текста. Лидию Ивановну отличала интеллигентность, деликатность, тактичность, начитанность, любовь к русской литературе.

Преподаватели кафедры активно исследуют живые диалекты Архангельской области. Вместе со студентами они выезжают в летние диалектологические экспедиции, привозят богатый диалектный материал, на основе которого создается картотека. В это же время устанавливается тесная связь кафедры с преподавателем Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ) О.Г. Гецовой, начавшей в 1960-е годы исследование архангельских говоров. В 1962 году на кафедру был принят ассистентом выпускник МГУ *Виктор Яковлевич Дерягин* (1937–1994). Совместными усилиями О.Г. Гецовой, К.И. Семёновой, В.Я. Дерягина было положено начало картотеке Архангельского областного словаря.

1986–1998 годы. В 1986 году историко-филологический факультет был разделен на два факультета: исторический факультет и факультет русского языка и литературы. Деканом фа-

культета русского языка и литературы стала доцент кафедры русского языка Элина Николаевна Осипова (1986–1989), затем доцент этой же кафедры Елена Евгеньевна Котцова (1989–1992; 2003–2008), после профессор кафедры истории русского языка и диалектологии Татьяна Николаевна Плешкова (1993–1998).

Статус отдельного факультета предъявлял особые требования и к научной работе кафедр, и к уровню подготовки студентов. Кроме того, это был период перехода на самостоятельные университетские планы, в которых вводились новые дисциплины, в том числе дисциплины по выбору и дисциплины специализации. Последнее требовало подготовки и переподготовки научно-педагогических кадров, разработки авторских программ учебных дисциплин.

Конец 80-х и 90-е годы прошлого века оказались социально и экономически сложными как для страны, так и для института. Однако кафедра сумела не только сохранить научный потенциал, но и в значительной степени нарастить его. Молодые преподаватели кафедры, выпускники АГПИ, выезжают учиться в аспирантуру, успешно защищают кандидатские диссертации: Елена Евгеньевна Котцова «Родо-видовые отношения в системе семантических связей глагольных слов» (1987, ЛГПИ), Ольга Евгеньевна Морозова «Словосочетание с причастием в системно-функциональном аспекте» (1990, ЛГПИ), Татьяна Викторовна Петрова «Особенности языка и стиля мемуарной литературы XIX века представителей недворянских сословий» (1995, МПГУ), Лариса Харитоновна Головенкина «Семантика местоимения 3-го лица в сопоставлении с указательными местоимениями: явление синонимизации» (1991, Череповец), Наталья Александровна Петрова (Шейна) «Личные местоимения в коммуникативном аспекте» (1995, Череповец), Татьяна Михайловна Юдина «Горнозаводская терминология Северо-Западной Руси: на материале деловой письменности Олонецких заводов конца XVII – начала XVIII вв.» (1996, Вологда), Андрей Васильевич Петров «Безлично-модальные предложения в современном русском языке» (1999, МПУ).

В 1991 году АГПИ был преобразован в Поморский государственный педагогический университет имени М.В. Ломоносова, а с 1996 года – в Поморский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Начинаясь новый этап развития вуза, продолжались поиски путей дальнейшего совершенствования педагогического и филологического образования, повышались требования к научно-педагогическим кадрам. Статус классического университета предполагал расширение специальностей по подготовке студентов на различных факультетах. Кафедра начинает обучать русскому языку не только будущих учителей русского языка, но и классических филологов, а также журналистов (с 1998 года). Кроме того, преподаватели читают курсы по русскому языку и культуре речи на многих непрофильных факультетах университета.

В 1992 году на базе кафедры русского языка была выделена кафедра истории языка и диалектологии, которую возглавила канд. филол. наук *Лидия Павловна Комягина* (1937–2017). Лидия Павловна – авторитетный ученый в области истории языка и русской диалектологии, лексикограф, автор издания «Лексический атлас Архангельской области» (1994). Ее научные приоритеты определила кандидатская диссертация «Лексические диалектные различия в говорах Архангельской области» (рук. Р.И. Аванесов, 1972, МГУ). Лидия Павловна сумела привлечь к изучению истории северной речи и письменности многих преподавателей кафедры и студентов. Ее усилиями на факультете была открыта специализация «лингвистическое краеведение». Во многом при поддержке и наставничестве Л.П. Комягиной молодые преподаватели кафедры успешно защитили кандидатские диссертации: *Чащина Елена Анатольевна* «Речевой этикет деловых текстов Московского государства» (1991, МГЗПИ), *Плешкова Татьяна Николаевна* «Воспитание культуры речи учащихся в условиях местного диалекта, 5-й класс» (1992, Москва), *Вольнская Анна Владимировна* «Хозяйственные книги севернорусских монастырей XVI–XVII вв. как лингвистический источник» (1992, МПГУ), *Вязикова (Ненашева)*

Лариса Викторовна «Эволюция орфографических и орфоэпических норм древнерусского литературного языка XV вв.: на материале списков Лествицы Музейного собрания РГБ» (2002, МПУ). Кафедра активно занималась изучением говоров Архангельской области и памятников деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков, хранящихся в Государственном архиве Архангельской области и других архивах страны.

Конец XX века – это и время перемен, появления новых научных направлений, новых образовательных возможностей, в том числе международных. Одним из значимых проектов этого этапа стало открытие отделения польской филологии. В 1997 году совместно с Институтом польской филологии Познаньского университета имени Адама Мицкевича (UAM, Польша) началась подготовка по специальности «польская филология» [1]. В 2002 году состоялся первый выпуск студентов, всего же до 2016 года было 14 выпусков, насчитывающих более 150 человек. Это был интересный и плодотворный опыт взаимодействия преподавателей и студентов. Договор предусматривал занятия по практическому польскому языку, которые в течение 5 лет проводил преподаватель из Польши, чтение теоретических курсов по польскому языку и литературе ведущими филологами UAM, а также две 2-месячные стажировки в Познани для студентов отделения польской филологии после 1-го и 3-го курсов. Те, кто планировал писать и защищать диплом бакалавра в UAM по польской филологии, уже в период стажировок в Познани обсуждали темы и содержание своих бакалаврских (лицензиатских) работ по польскому языку или литературе с польскими преподавателями – будущими научными руководителями их дипломов. Таким образом, в Поморском университете сложилась уникальная практика одновременного получения двух дипломов – российского и зарубежного. Студенты, решившие получить второй диплом – бакалавра польской филологии в Познани, после летней сдачи госэкзаменов в Поморском университете осенью защищали

бакалаврскую работу в Познаньском университете и становились бакалаврами по польской филологии.

Изучение польского языка открывало перспективу более глубокого осмысления фактов родного, русского, языка, возможность ознакомления с научными и дидактическими традициями, сложившимися в одном из крупнейших университетов Европы, с трудами наших польских коллег по русской и польской филологии. Многие преподаватели-русисты выезжали в Познань для участия в международных научных конференциях, чтения лекций, руководства практикой студентов.

Международный договор между нашими университетами предусматривал и семестровую стажировку польских студентов, изучающих русский язык и литературу. Как правило, приезжали сильные студенты, очень пытливые, настроенные на серьезную работу. Они посещали лекции и практические занятия по русскому языку и литературе, получали консультации наших преподавателей по темам их бакалаврских и магистерских работ.

С 1992 по 2001 год кафедрой русского языка руководила профессор *Татьяна Александровна Сидорова* (1954–2021), внесшая значительный вклад в развитие кафедры, а также филологической науки Архангельска. Глубокий, разносторонний ученый, хороший организатор, умеющий создать вокруг себя коллектив единомышленников, Т.А. Сидорова была инициатором многих важных научных и образовательных проектов. Одной из первых на кафедре она стала заниматься когнитивной лингвистикой, в частности когнитивным аспектом морфемики, словообразования. С 2007 года она являлась членом «Российской ассоциации лингвистов-когнитологов», руководила научным направлением на кафедре. Под ее руководством была издана коллективная монография «Языковая картина мира поморов».

По инициативе Т.А. Сидоровой на кафедре была открыта магистерская программа «Лингвоправовое обеспечение коммуникативной деятельности». Сама Татьяна Александровна являлась членом гильдии лингвистов-экспертов

по документационным и информационным спорам, активно занималась лингвоэкспертной деятельностью. Под руководством Татьяны Александровны было защищено 6 кандидатских и одна докторская диссертация. Она является автором более 200 научных работ, в том числе 7 монографий и словарей.

В этот период при университете начинают создаваться научные центры и лаборатории. В 1996 году под руководством талантливого ученого, доцента, канд. филол. наук *Ольги Евгеньевны Морозовой* (1950–2021) при кафедре открывается лаборатория социопсихолингвистики. Ее создание стало стартом для новых направлений в научной работе преподавателей и студентов. Изучаются языковая ситуация на Архангельском Севере, детская речь, профессиональная и разговорная речь архангелогородцев, исследуется языковая картина мира поморов, проводятся психолингвистические эксперименты, собирается материал для ассоциативного словаря студентов. Важными результатами научной работы стали монография О.Е. Морозовой «Язык и мир человека» (2005) и коллективная монография «Языковая картина мира поморов» (2010), сборники статей «Живое слово Русского Севера» (1998), «Живое слово северян: прошлое и настоящее» (2008, 2009). На базе лаборатории была организована учебная социолингвистическая практика, на которой студенты-филологи проводили свои первые исследования, знакомились со способами сбора и обработки языкового материала. По тематике лаборатории написано более 30 курсовых и дипломных работ, в том числе и магистерских диссертаций.

К числу достижений сотрудников лаборатории следует отнести издание трех словарей серии «Словарь народно-разговорной речи города Архангельска» (авторы-составители: О.Е. Морозова, Э.Н. Осипова, Н.А. Петрова, Е.Е. Котцова, Т.А. Сидорова): «Городское просторечие Архангельска» (2013), «Профессиональная лексика моряков и рыбаков» (2016), «Молодежный жаргон Архангельска» (2019).

С 2000 года научная работа кафедры выходит на новый уровень. В 2001 году была защищена первая докторская диссертация *Ольги Ивановны Воробьевой* «*Политический язык: семантика, таксономия, функции*» (РУДН), в 2005 году – докторская *Татьяны Николаевны Плешковой* «*Особенности языковой ситуации Архангельского Севера и формирующие их факторы*» (СПбГУ), в 2007 году – в один день сразу две докторские диссертации: *Татьяны Александровны Сидоровой* «*Проблема мотивированности слов фразеологизированной морфемной структуры в современном русском языке: системно-функциональный и когнитивный аспекты*» (ННГУ) и *Андрея Васильевича Петрова* «*Категория безличности в современном русском языке*» (МГОУ).

До 2013 года на кафедре было защищено еще 4 докторских диссертации: *Елены Евгеньевны Котцовой* «*Гипонимия в лексической системе русского языка: на материале глагола*» (2010, САФУ), *Ларисы Викторовны Ненашевой* «*Графические и орфографические особенности памятников русской письменности XV века*» (2011, МГОУ), *Ларисы Владиславовны Поповой* «*Связка в грамматической системе русского языка*» (2013, САФУ) и *Виктории Анатольевны Марьянчик* «*Аксиологическая структура медиа-политического текста*» (2013, САФУ). В 2005 году защищена кандидатская диссертация *Татьяны Энгельсовны Шестаковой* «*Дистантные связи диалогических реплик в тексте драмы*» (рук. Н.А. Николина, ЯГПУ). Темы диссертаций показывают, насколько широк круг научных интересов сотрудников кафедры.

По научно-преподавательскому составу кафедра полностью соответствует статусу университетской. С 2002 года при кафедре открыта аспирантура по специальности 10.02.01 – русский язык, а в университете начал работу диссертационный совет Д 212.008.09 (филологические науки) по защите кандидатских и докторских диссертаций по трем специальностям, в том числе и по русскому языку. За 20 лет в этом совете состоялись защиты кандидатских диссертаций наших препода-

вателей: *Елены Владимировны Столяровой* «*Коммуникативная направленность текстов политической рекламы*» (рук. О.И. Воробьева, 2005), *Анастасии Сергеевны Уткиной* «*Диалектные языковые факты в лингвистическом пространстве Ленского района Архангельской области*» (рук. Т.Н. Плешкова, 2010), *Нины Сергеевны Поздеевой* «*Коммуникативно-дискурсивные признаки концепта “одиночество”*» (рук. Т.А. Сидорова, 2013), *Ольги Евгеньевны Гривы* «*Модально-волеитивные модификации предложений с именным сказуемым*» (рук. Л.В. Попова, 2020). Три названные выше докторские диссертации (Е.Е. Котцовой, Л.В. Поповой, В.А. Марьянчик) также были защищены в этом совете. В настоящее время членами диссовета являются профессоры кафедры Е.Е. Котцова, В.А. Марьянчик, А.В. Петров. Всего под руководством преподавателей кафедры защищено 13 кандидатских и одна докторская диссертация.

Научный потенциал кафедры позволяет обеспечивать высокий уровень преподавания дисциплин лингвистического и историко-лингвистического циклов. В содержание многих рабочих программ включены результаты исследований преподавателей кафедры. Опубликованы учебные пособия А.В. Петрова «*Система безличных предложений в современном русском языке*» (2014) «*Праславянская фонология: теория и практика*» (2014), Н.А. Петровой «*Русский язык и культура речи в юриспруденции*» (2015), Е.Е. Котцовой «*Лексическая семантика в системно-тематическом и функциональном аспектах*» (2022).

С начала XXI века кафедрой руководили опытные преподаватели: д-р филол. наук Ольга Ивановна Воробьева (2000–2005), канд. филол. наук Наталья Александровна Петрова (2005–2011), д-р филол. наук Елена Евгеньевна Котцова (2011–2013), д-р филол. наук Лариса Владиславовна Попова (2013–2018). Смена руководства не влияет на сложившиеся традиции научной и преподавательской деятельности кафедры, на сплоченность коллектива при поисках ответов на различные вызовы времени.

Так, с 2013 года у кафедры появилась еще одна важная миссия – продвижение русского язы-

ка в международном пространстве [2]. Преподаватели кафедры В.А. Марьянчик, Л.В. Попова, Т.Ю. Давыдова, Е.Е. Грязнова, М.В. Полутова, Т.Э. Шестакова, Е.Н. Коростенко, А.С. Онегина, О.Е. Грива обучали русскому языку иностранных слушателей подготовительного отделения САФУ. Ежегодно с 2013 года преподаватели кафедры В.А. Марьянчик, Н.А. Петрова, Л.В. Попова, А.С. Онегина, О.Е. Грива обеспечивают академическую составляющую сезонных школ русского языка и русской культуры для иностранцев. В сфере теории и методики русского языка как иностранного (РКИ) ведется активная работа: преподавание РКИ на подготовительном отделении для иностранных граждан, языковые курсы и мастер-классы для слушателей из разных стран и др. В 2013, 2015, 2017, 2019 годах состоялись наборы на педагогическую магистерскую программу «Русский язык как иностранный» (рук. В.А. Марьянчик), в числе выпускников которой были и преподаватели кафедры О.Е. Грива, С.Н. Раксина. Сотрудники кафедры публикуют научно-методические работы по вопросам РКИ. Так, в 2019 году вышла в свет коллективная монография «Русский язык как иностранный: из опыта Северного (Арктического) федерального университета», в 2021 году – электронный учебник «Русский язык как иностранный в сюжетах» (авторы В.А. Марьянчик, Л.В. Попова, А.С. Онегина). В 2021 году на платформе открытого образования OpenedX запущен массовый открытый онлайн-курс «Дружим с падежами!» (авторы В.А. Марьянчик, Л.В. Попова, О.Е. Грива), в съемках видеосюжетов для которого принимали активное участие студенты бакалавриата – будущие преподаватели РКИ. Особо следует отметить деятельность в рамках выполнения международных соглашений: дистанционные курсы для иностранных бакалавров и обмен студентами с Тамканским университетом (Тайвань); подготовку иностранных студентов к участию в международных олимпиадах и фестивалях и др. Продолжая международное сотрудничество, в 2021 году кафедра открыла сетевую педагогическую магистерскую программу «Преподава-

ние русского языка и литературы» по соглашению с Южно-Казахстанским педагогическим университетом (г. Шымкент, Казахстан).

Авторитет кафедры в научной сфере растет, преподаватели кафедры выступают в качестве экспертов-оппонентов на защите докторских и кандидатских диссертаций, являются членами редколлегий научных журналов (А.В. Петров – «Вестник САФУ», «Вестник МГОУ»; В.А. Марьянчик – «Мир русского слова»).

Члены кафедры активно участвуют в научных конференциях, проводимых МГУ, МГПУ, МГОУ, РГПУ, СПбГУ и другими университетами страны, а также в зарубежных конференциях во Франции, Японии, Китае, Швейцарии, Испании, Болгарии, Венгрии, Польше, Казахстане, Беларуси.

Хорошей традицией стало ежегодное проведение научных секций для преподавателей и студентов в рамках Ломоносовских чтений. Особенно важной частью работы кафедры является организация международных научных мероприятий. Так, в 2014 году состоялась Молодежная научная школа в рамках международной научно-практической конференции «Трансфер знаний в науке, образовании и бизнесе: пути взаимодействия России и Германии». Одним из приглашенных лекторов школы была известный ученый, профессор МГУ *Майя Владимировна Всеволодова*, которая провела класс по методике преподавания РКИ.

В 2018 году кафедрой была организована международная научная конференция «Язык как отражение духовной культуры народа», участниками которой стали около 80 ученых из университетов России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Рязань, Нижний Новгород, Вологда, Тамбов, Волгоград, Мурманск, Киров), Китая, Молдовы, Польши, Узбекистана, Украины. Предложенная тема вызвала научный интерес со стороны участников, результаты обсуждений были опубликованы в одноименном сборнике научных статей.

Кафедра активно взаимодействует с лингвистами из многих университетов страны. В разное время и по различным научным поводам кафедру посещали известные российские ученые *Павел*

Александрович Лекант, Александр Михайлович Камчатнов, Елена Андреевна Брызгунова, Владимир Ильич Зимин, Людмила Алексеевна Вербицкая, Клавдия Анатольевна Войлова, Владимир Ильич Карасик, Анатолий Леонидович Шарандин, Алексей Дмитриевич Шмелёв, Елена Станиславовна Кара-Мурза, Валентина Васильевна Леденёва. Особенно тесные связи установились с РГПУ, МГОУ, ННГУ, с Вологодским государственным университетом.

На сегодняшний день кафедра русского языка и речевой культуры реализует подготовку по двум профилям обучения педагогического бакалавриата 44.03.05 – «русский язык и литература», «русский язык как иностранный, английский язык»; по направлению 45.03.01 «Филология» по трем профилям – «преподавание филологических дисциплин (русский язык и литература)», «прикладная филология: филологическое обеспечение массмедиа», «отечественная филология»; а также по двум магистерским программам 44.04.01 – «филологическое образование в поликультурной среде» и «преподавание русского языка и литературы».

Кафедра внесла достойный вклад в культуру, науку и образование Архангельской области. С 1932 года подготовлено более 5000 специалистов, в числе которых более 30 кандидатов и 6 докторов наук. Выпускники кафедры преподают практически во всех школах Архангельской области, в вузах и других учебных заведениях, работают в СМИ, пресс-службах, издательствах, библиотеках, культурных и образовательных центрах, преподают русский язык и литературу за рубежом.

Не утрачивается связь кафедры со школами. Много лет занимается организацией и про-

ведением педагогических практик старший преподаватель *Елена Николаевна Коростенко*. Н.А. Петрова, Е.Н. Коростенко, А.С. Онегина регулярно проводят интересные мероприятия для школьников: круглые столы на языковые темы, научные конференции, олимпиады, конкурсы «Орфографическая дуэль» и др.

Можно с уверенностью сказать, что сегодня коллектив продолжает лучшие традиции кафедры. С 2018 года руководит кафедрой канд. филол. наук доцент *Татьяна Энгельсовна Шестакова*, также выпускница родного вуза. В настоящее время на кафедре русского языка и речевой культуры работают 5 докторов наук (*Елена Евгеньевна Котцова, Виктория Анатольевна Марьянчик, Андрей Васильевич Петров, Лариса Викторовна Ненашева, Лариса Владиславовна Попова*), 5 кандидатов наук (*Наталья Александровна Петрова, Татьяна Михайловна Юдина, Татьяна Викторовна Петрова, Анастасия Сергеевна Онегина, Ольга Евгеньевна Грива*) и старший преподаватель *Елена Николаевна Коростенко*. Преподаватели кафедры работают над новой научной темой – «Проблемы когнитивности и коммуникации в условиях изучения языка как новой коммуникативной реальности», занимаются разработкой и открытием новых образовательных программ, осваивают цифровые технологии, ведут активную научную работу со студентами и аспирантами.

В основу данного обзора научной деятельности кафедры легли материалы статей, вошедших в юбилейные сборники [3; 4]. Выражаем глубокую благодарность авторам этих статей и отдельно *Элине Николаевне Осиповой* за большой труд и трепетное отношение к истории нашей кафедры и факультета.

Список литературы

1. *Котцова Е.Е.* Из опыта подготовки бакалавров по польской филологии совместно с филологами Познаньского университета // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2014. № 4. С. 75–81.
2. *Марьянчик В.А., Шестакова Т.Э.* Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова: филология в арктических координатах // Мир русского слова. 2021. № 1. С. 110–120.

3. Ровесник университета. Факультет филологии и журналистики, 1932–2002 / отв. ред. Э.Н. Осипова. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2002. 88 с.

4. Факультет филологии и журналистики: ровесник университета (1932–2007) / [авт.: Э.Н. Осипова, Е.Е. Котцова, М.Ю. Елепова и др.]. Архангельск: Помор. ун-т, 2007. 68 с.

References

1. Kottsova E.E. Iz opyta podgotovki bakalavrov po pol'skoy filologii sovместno s filologami Poznan'skogo universiteta [From the Experience of Training Bachelors of Polish Philology in Collaboration with Philologists from Poznań University]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2014, no. 4, pp. 75–81.

2. Maryanchik V.A., Shestakova T.E. Severnyy (Arkticheskii) federal'nyy universitet imeni M. V. Lomonosova: filologiya v arkticheskikh koordinatakh [Northern (Arctic) Federal University Named After M.V. Lomonosov: Philology in the Arctic Coordinates]. *Mir russkogo slova*, 2021, no. 1, pp. 110–120.

3. Osipova E.N. (ed.). *Rovesnik universiteta. Fakul'tet filologii i zhurnalistiki (1932–2002)* [Same Age as the University. Faculty, of Philology and Journalism (1932–2002)]. Arkhangelsk, 2002. 88 p.

4. *Fakul'tet filologii i zhurnalistiki: rovesnik universiteta (1932–2007)* [Faculty of Philology and Journalism: Same Age as the University (1932–2007)]. Arkhangelsk, 2007. 68 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V196

Elena E. Kottsova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6982-5823> e-mail: e.kotsova@narfu.ru

Larisa V. Popova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8254-8787> e-mail: l.v.popova@narfu.ru

Viktoriya A. Maryanchik

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
ul. Smol'nyy Buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1859-3767> e-mail: v.marjanchik@narfu.ru

FROM THE HISTORY OF THE DEPARTMENT OF THE RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH CULTURE, NArFU (to the 90th Anniversary of Higher Teacher Education in Arkhangelsk)

This article dwells on the history of and current situation at the Department of the Russian Language and Speech Culture of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (NArFU), as well as on teachers who have made a significant contribution to its formation and development. The main stages in the department's history and its achievements are described; its work in key areas – pedagogical, research, and international – is covered.

Keywords: Department of the Russian Language and Speech Culture, Russian language, higher teacher education, philological education in Arkhangelsk.

Поступила 31.05.2022

Принята 10.08.2022

Опубликована 13.10.2022

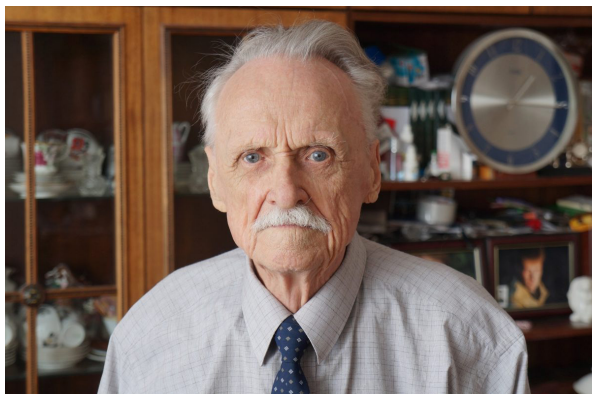
Received 31 May 2022

Accepted 10 August 2022

Published 13 October 2022

For citation: Kottsova E.E., Popova L.V., Maryanchik V.A. From the History of the Department of the Russian Language and Speech Culture, NArFU (to the 90th Anniversary of Higher Teacher Education in Arkhangelsk). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, no. 4, pp. 134–143. DOI: 10.37482/2687-1505-V196

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ: ВЛАДИСЛАВ ДМИТРИЕВИЧ ИВАНОВ

30 июля 2022 года перестало биться сердце замечательного человека – Владислава Дмитриевича Иванова, жизнь и деятельность которого были тесно связаны с нашим вузом: Архангельским государственным педагогическим институтом – Поморским государственным университетом – Северным (Арктическим) федеральным университетом имени М.В. Ломоносова.

В.Д. Иванов родился 16 февраля 1929 года в городе Шенкурске, где окончил школу, а затем в 1947 году – Шенкурское педагогическое училище. После этого он поступил на историко-филологический факультет Архангельского государственного педагогического института имени М.В. Ломоносова, который окончил в 1951 году. На всю жизнь он сохранил добрую память о своих преподавателях, неоднократно в дальнейшем вспоминая и рассказывая о них в разговорах с автором этих строк.

После окончания вуза В.Д. Иванов два года работал в Архангельске в областном управлении Министерства государственной безопасности СССР. А затем его жизнь сделала крутой поворот, он вернулся к работе по полученной специальности, став учителем истории в средней школе № 22 города Архангельска, где проработал до 1958 года. В том же году Владислав Дмитриевич был назначен директором старейшей в Архангельске средней школы № 4, в прошлом Ломоносовской гимназии. Вспоминая о работе,

он рассказывал, что кардинально реконструировал эту школу, в том числе заменил печное отопление на современное.

В 1958 году жизнь В.Д. Иванова вновь сделала крутой поворот, так как он был избран вторым секретарем Октябрьского райкома Коммунистической партии Советского Союза города Архангельска. Казалось бы, этого еще не достигшего тридцати лет, но уже состоявшегося, яркого и ответственного человека ждала блестящая партийная карьера. Но в 1963 году он уходит с партийной работы, вновь возвращаясь к профессии учителя, и становится директором расположенной в центре города средней школы № 6, обычной архангельской школы, ничем особо не отличавшейся от других.

Автор этих строк в 1958 году был учеником данной школы и на протяжении нескольких лет наблюдал самую настоящую директорскую чехарду. После ухода на пенсию ее многолетнего директора П.В. Виткова сменилось несколько директоров, а Владислав Дмитриевич пришел всерьез и надолго, проработав директором почти 43 года.

Это было время кардинальных перемен. Через несколько лет, еще в период учебы автора, школа № 6 стала учебным заведением с углубленным изучением английского языка. В 1995 году она получила статус гимназии, а в 2001 году была признана «Школой года» в рамках конкурса Министерства образования Российской Федерации. В 2002 году коллектив гимназии был награжден Золотым почетным дипломом Национального фонда «Общественное признание». Все это свидетельствовало о том, что школа, а затем уже гимназия, стала одной из лучших не только в городе Архангельске и Архангельской области, на Европейском Севере России, но и в стране в целом.

В начале 1990-х годов, вернувшись из докторантуры МГУ, защитив докторскую диссертацию и став проректором по научной работе Поморского университета, автор этих строк, по просьбе В.Д. Иванова, стал членом попечительского совета гимназии, часто встречался с ее учениками

и педагогическим коллективом, лично наблюдая происходившие в ней серьезные перемены и отмечая несомненные достижения. В 1997 году, когда школа № 6 праздновала свое 60-летие, приветственные телеграммы поступили от ее выпускников не только из разных городов России, но и из многих стран мира, где они жили и работали. Так происходило и в последующие юбилейные даты.

Именно эпоха работы и директорства в 6-й школе/гимназии стала самой яркой в жизни В.Д. Иванова. Здесь он в полной мере состоялся как личность, Учитель с большой буквы, яркий и талантливый администратор. Его любовь к этой школе и ее ученикам воплотилась в том, что с 1977 года в ней стал работать замечательный школьный музей, созданный под руководством Владислава Дмитриевича. В нем были собраны материалы об истории школы и ее выпускниках, внесших выдающийся вклад в развитие страны, защиту Родины в годы Великой Отечественной войны, науку, образование, культуру и экономику, а также ставших лауреатами Ленинской и Государственной премий, докторами наук (последних к 2012 году было уже 32).

Владислав Дмитриевич стал автором книги «История одной школы», первое издание которой вышло в свет в Архангельске в 2003 году, а второе – в 2012 году, к 75-летию школы. В.Д. Иванов, будучи историком, так презентовал свою книгу: «История по определению солидных энциклопедических словарей означает расследование, установление и объяснение фактов прошлого, словесное изложение их на бумаге, чтобы прошедшие события не были забыты. На изложение событий о шестой школе полное право принадлежит автору, потому что в этой школе я отработал директором сорок два года восемь месяцев и три дня. Эти годы были годами борьбы с самим собой, с обстоятельствами, соперниками и некоторыми чиновниками от образования. Все достижения школы – заслуга тех учителей, что заложили традиции вооружения учащихся глубокими и прочными знаниями...».

В 2006 году В.Д. Иванов покинул пост директора 6-й гимназии, но до конца своих дней интересовался ее жизнью, переживая за про-

исходящее в ней, чем постоянно делился при встречах или в телефонных разговорах с автором этих строк. Владислав Дмитриевич гордился своими выпускниками и помнил большинство из них. Вообще же, у него была удивительно цепкая память, и он вспоминал нередко даже забытые мной детали и нюансы школьной жизни моего времени. Он тепло вспоминал мой 10 «А» класс выпуска 1968 года, в частности моего одноклассника и секретаря комсомольской организации 6-й школы Николая Грицука, в дальнейшем талантливого хирурга во втором поколении, и неожиданно рано и трагически ушедшего из жизни Сергея Кононова, приславшего ему книгу о своей работе в Анголе, и др.

Характеризуя Владислава Дмитриевича Иванова, следует, несомненно, сказать о нем и как о Гражданине и Патриоте своей страны, глубоко переживавшем за то, что происходило и происходит здесь, и искренне желавшем ей лучшего будущего.

За свой выдающийся вклад в развитие образования в стране В.Д. Иванов был удостоен высшей советской награды – ордена Ленина (1981), а также ордена Трудового Красного Знамени (1971) и медали «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», знака «Отличник народного просвещения» и Золотого Почетного знака «Общественное признание» Национального фонда «Общественное признание», региональной общественной премии «Достояние Севера».

В.Д. Иванов был обладателем почетных званий: заслуженный учитель РСФСР, почетный гражданин Архангельска, почетный доктор Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова, почетный доктор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова и др.

У В.Д. Иванова была прекрасная семья: жена, ушедшая из жизни много раньше его, сын Сергей, которым он особо гордился, выдающийся физик, академик РАН, директор Института физики, и дочь Елена, врач. Гордился Владислав Дмитриевич и успехами внука, успешно реали-

НЕКРОЛОГИ/OBITUARIES

зующего себя на юридическом поприще и рано ставшего кандидатом юридических наук.

На всю жизнь В.Д. Иванов сохранил любовь к Шенкурску, своей малой родине. Еще в рабочее время, когда выпадало несколько свободных дней, не говоря уже о времени отпуска, он стремился туда, где жила, вероятно, его душа. В Шенкурске у Владислава Дмитриевича был и собственный дом, где автор этих строк побывал в январе 1990 года вместе с Янисом Коцонисом, в ту пору докторантом Колумбийского университета, занимавшимся историей кооперации в России (Шенкурск в начале XX века был одним из ее центров), а ныне профессором Нью-Йоркского университета.

В.Д. Иванов стремился всегда помогать родному Шенкурску и Шенкурскому району в решении тех или иных актуальных проблем. В свою очередь, земляки высоко ценили его, и он был удостоен звания почетного гражданина города Шенкурска. Любя малую родину, Владислав Дмитриевич завещал похоронить себя в родном городе, что и было сделано. Церемония прощания состоялась в Шенкурске, что, к сожалению,

не позволило проститься с ним всем знавшим, ценившим и любившим его в Архангельске. Поэтому и автору этих строк приходится глубоко сожалеть, что ему не удалось проститься с В.Д. Ивановым и проводить его в последний путь, но надеяться, что удастся со временем посетить его могилу в Шенкурске.

Да, ныне, увы, уже не удастся вдруг услышать неожиданный телефонный звонок и слова: «А знаешь...», после которых шел разговор, длившийся нередко в течение часа или даже более, когда В.Д. Иванову хотелось рассказать о чем-то или выговориться, обсудить те или иные вопросы и проблемы. Остается лишь тепло вспоминать встречи в доме Владислава Дмитриевича на улице Свободы, 1 в Архангельске и, проходя мимо, грустно смотреть в окна его квартиры. Хочется выразить ему и глубокую благодарность за то, что он всегда посещал мои творческие вечера, а получая в подарок новые книги, читал и высказывал свое мнение о них.

Добрая и светлая память о Владиславе Дмитриевиче Иванове, Учителе, Гражданине и Патриоте, навсегда останется в наших умах и сердцах.

*Голдин В.И., доктор исторических наук,
профессор, главный редактор журнала*

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Бовыкин Д.Ю., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Вяльсова А.П., кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва);

Гвоздецкая Н.Ю., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва);

Гончаров В.Н., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь);

Горюшкина Н.Е., доктор исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории и социально-культурного сервиса Юго-Западного государственного университета (г. Курск);

Демин И.В., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева;

Донских О.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления;

Дьяков А.В., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Санкт-Петербургского государственного университета;

Ершова И.В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Кабанова Л.И., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Петрозаводского государственного университета;

Клюкина Л.А., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Петрозаводского государственного университета;

Легчилин А.А., кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск);

Макулин А.В., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии, исполняющий обязанности заведующего кафедрой философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Маленко С.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;

Малинов А.В., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии Санкт-Петербургского государственного университета;

Матюшина И.Г., доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований Российского государственного гуманитарного университета (Москва);

Мишкурин Э.Н., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии перевода Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

Новикова М.Г., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков Российского государственного университета правосудия (Москва);

Нохрин И.М., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории Челябинского государственного университета;

Опарина Е.О., кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва);

Опенков М.Ю., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Политов А.В., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета;

Семёнова Н.В., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языковой подготовки Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации;

Смирнова Н.С., кандидат филологических наук, доцент, преподаватель кафедры иностранных языков Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви;

Субетто А.И., доктор экономических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории религий и теологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург);

Ставцева О.И., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (Санкт-Петербург);

Теребихин Н.М., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры культурологии и религиоведения, директор Центра сравнительного религиоведения и семиотики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Худoley К.К., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета;

Черданцева И.В., доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и политологии Алтайского государственного университета (г. Барнаул);

Шапаров А.Е., доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Шапoвалова Е.В., кандидат исторических наук, доцент учебно-научного центра изучения религий Российского государственного гуманитарного университета (Москва);

Щербакова И.К., кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, психологии и истории Государственного университета управления (Москва);

Щипицина Л.Ю., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры немецкой и французской филологии, заместитель директора высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации межкультурной коммуникации по научной работе и инновациям Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области языкознания, философии, а также истории и археологии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnik.gum.ru> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм; верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются по середине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: 10–15 страниц, обзорных статей – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно указать количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный); e-mail.

ORCID

В сведениях об авторах также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Резюме	<p>Предоставляется на русском и английском языках (кроме статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография»). Резюме должно быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативным (не содержать общих фраз); – оригинальным; – содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированным (следовать логике описания результатов в статье); – компактным (укладываться в объем от 200 до 250 слов).
Аннотация	Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию (объем 50–100 слов).
Ключевые слова	После резюме (аннотации) указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на сайты (если это не книга, сборник, нормативный документ, статья и т. п. в электронном виде) даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <p>– Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59];</p> <p>в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: библиография. М., 1961.</p> <p>– Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i></p> <p>в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.;</p> <p>в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М., 1990. 175 с.</p>
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnik.gum.ru>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.